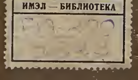

А. ЧЕБАРИН

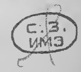
ОКТЯБРЬСКИЕ БОИ 1917 ГОДА В МОСКВЕ

★

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ ПРИ МК И МГК ВКП(б)

А. ЧЕБАРИН

ОКТЯБРЬСКИЕ БОИ 1917 ГОДА В МОСКВЕ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1939

I.

ВВЕДЕНИЕ.

Московские рабочие и партийная организация большевиков в годы империалистической войны

Руководимый партией Ленина — Сталина, рабочий класс, в союзе с беднейшим крестьянством, совершал исторический переход от свержения царизма к свержению власти буржуазии, к Великой социалистической революции в России.

Буржуазное Временное правительство вместе с главенствовавшими в Советах партиями меньшевиков и эсеров продолжало царскую политику войны.

Главная партия русского империализма — кадеты — и их союзники — эсеры и меньшевики — лелеяли надежду двинуть русскую армию на завоевание чужих земель, на покорение других народов.

«Вы хотите знать, чего хотят капиталисты?

Война до полной победы над революцией — вот чего хотят они»[1],— писал в то время товарищ Сталин.

Царизму свернула шею революция, выросшая из войны. Почему нельзя свернуть шею революции той же грабительской войной? Тогда гнал массы на фронт царский кнут. Теперь тот же испытанный кнут мог бы лучше сослужить свою службу, если к нему приспособить «четыреххвостку» всеобщего, равного, прямого и тайного голосования на будущих выборах Учредительного собрания. Такова была логика политического поведения пришедшей к власти русской буржуазии.

---

[1] Сталин, На путях к Октябрю, стр. 82, изд. 2-е.

«Социалистические» адвокаты буржуазии из кожи лезли вон, чтобы оправдать в глазах масс империалистическую войну фразами об «обороне свободы и революционной России».

Широкие массы поверили корыстному обману прихвостней класса эксплоататоров. Война шла своим чередом. Страна покрывалась все новыми ранами хозяйственной разрухи. В рабочие кварталы, в лачуги бедняков надвинулся голод. Народные массы страдали.

Рабочий класс и возглавляемые им солдатские массы свергли ненавистное самодержавие, но угнетательский аппарат старой государственной машины сохранился. Еще в первую революцию рабочие создали Советы, но, воссоздав их вместе с солдатами во вторую революцию, доверчиво оставили в них эсеров и меньшевиков — слуг империализма.

Народные массы только что пробудились к активной политической жизни. Рабочие и беднейшие крестьяне должны были пройти школу революционного большевистского воспитания, чтобы понять, что сила в них самих и что, только совершив под руководством большевистской партии третью революцию — социалистическую революцию в России, — они могут стать хозяевами своей жизни, своей судьбы, своего будущего.

Партия Ленина — Сталина вдохновила рабочих и беднейших крестьян на великую битву, и они победили. Этой победой впервые в мировой истории трудящиеся обрели свое родное социалистическое отечество, за благо которого они вновь и вновь готовы поднять победоносное оружие Советов.

* * *

Москва до революции считалась второй столицей после Петрограда. Москва была старинным торгово-промышленным центром России и несла на себе все характерные черты отсталости русского капитализма. Но капиталистическая монополия и здесь пробила себе дорогу: династии московских купцов стали представителями крупного акционерного капитала, с ясно выраженной тенденцией сращения банков с промышленностью.

В канун империалистической войны образовалось «Русское льнопромышленное акционерное общество», «Общество хлопчатобумажных фабрикантов», об'единявшее около половины всех веретен текстильной промышленности России, и другие организации монополистического капитала, воротилы которых в ряде случаев были одновременно и банкирами.

Главные штабы монополистического капитализма — крупнейшие банки, зависимые от иностранных финансовых концернов,—находились в Петрограде. Но и десять московских банков были узлами, куда сходились нити торгового и промышленного капитала. Соединенный банк (во главе с царским сановником графом Татищевым) «работал» почти исключительно на французских, английских и германских капиталах.

В подмосковной тяжелой промышленности (тульская металлургия, угольный бассейн — Побединские копи и др.), в машиностроении (заводы сельскохозяйственных машин в Люберцах и Рязани, швейных машин — в Подольске и пр.) командовал иностранный капитал. «Истинно русские» тузы полюбовно делили с ним и металлическую, и текстильную, и пищевую промышленность Москвы.

Значительная часть московских текстильных фабрик работала на английских станках, которые поставляла фирма Кноп. Участвуя в ряде банков, эта фирма держала под финансовым контролем целый ряд промышленных предприятий Москвы. Поговорка москвичей гласила: «Что ни церковь — то поп, что ни фабрика — то Кноп».

Организация верхушки буржуазии отражала ее незрелость и слабость. Опорным пунктом ее об'единения была биржа. Четыреста пятьдесят купцов, фабрикантов и финансовых воротил, составлявших московское биржевое общество, часто задавали тон политике русской буржуазии.

Москва была всегда огромным резервуаром капиталов. Целый слой — двадцать пять тысяч — рантье располагал свободной денежной наличностью. Во время империалистической войны копейка, вложенная в «оборонное» производство, рождала рубль.

Москва стала своего рода центральным толкучим рынком спекулянтов и мародеров разных степеней и рангов. От миллионера и до мелкого дельца — все бросились срывать добрые куши на военных поставках.

Московские капиталисты первыми подняли «патриотическую» тревогу, когда к весне 1915 г. обнаружились катастрофические размеры поражения царской армии и неспособность правительства довести войну «до победного конца». Они выступили инициаторами военно-экономической организации русской буржуазии.

Во главе военно-промышленных комитетов стали московские фабриканты и заводчики: Рябушинский, Гучков, Коновалов, Третьяков. В Земгоре (Комитет Всероссийского земского и городского союзов) председательствовали тульский помещик князь Г. Е. Львов и московский город-

ской голова Челноков. Большинство этих лиц принадлежало к верхам партий кадетов, прогрессистов и октябристов. Буржуазия добилась большого влияния на государственные дела, опираясь на созданные ею во время войны организации.

Пределом политических дерзаний буржуазии во время войны было создание при царе «министерства доверия» или чуточку побольше — министерства, ответственного перед Государственной думой, верноподданнически покорной тому же царю. В эти министерства выдвигались те же деятели московской буржуазии, которые верховодили в Центральном военно-промышленном комитете и в Земгоре. После февральской революции они составили ведущее ядро Временного правительства.

Политические партии русской буржуазии целое десятилетие проходили курс парламентаризма в таком, по выражению Ленина, «черносотенном хлеву», каким была Государственная дума. Они насмерть перепугались потерять навсегда «государя-императора», а когда при помощи меньшевиков и эсеров они пришли к власти, то решили копировать полицейскую политику самодержавия. Но в Петрограде они чувствовали резкие подземные толчки, предвещавшие грозы новой революции. В Москве было поспокойней. Фабриканты там оказались в состоянии упорно сопротивляться введению восьмичасового рабочего дня и начали уже в апреле — мае грозить локаутом. Первые временные правители подумывали расквартироваться в Москве.

«Мы должны притти к себе домой (в Москву). Сидение в Петрограде не приведет к добру»,— заявил банкир П. П. Рябушинский в речи на всероссийском с'езде торгово-промышленных организаций, открывшемся в Москве 20 марта 1917 г.

Нехитрую идею «бегства в Москву» переняли впоследствии у буржуазии ее союзники — эсеры и меньшевики — в правительстве Керенского.

Московская буржуазия сыграла роль лидера контрреволюции, она попыталась превратить Москву в оплот контрреволюции, чтобы создать противовес очагу революции — Петрограду.

* * *

Двадцать два года назад половину (точнее — 52%) пролетариата Московской губернии составляли текстильщики и лишь 19% — металлисты. В самой Москве половину пролетариата составляли эти две основные группы рабо-

чих, но соотношение их было иное, а именно: металлистов — 26%, текстильщиков — 24%.

По составу и уровню классовой организованности пролетариата Москва уступала главной столице — Петрограду, — где более 60% рабочих было занято в металлообрабатывающей промышленности, концентрация производства в ней была гораздо выше, чем в московской. На каждое из 239 петроградских предприятий по обработке металла (с числом рабочих свыше 50) приходилось в среднем 977 рабочих. На каждое из 211 предприятий московской металлопромышленности приходилось в среднем 370 рабочих.

40% московских кадровых рабочих были взяты по мобилизации на фронт в первые же месяцы войны.

Пролетариат Москвы, однако, численно рос. Количество рабочих металлообрабатывающей промышленности к 1917 г. против довоенного увеличилось вдвое.

Приток новых рабочих шел за счет не только крестьян-бедняков, но и кулачества и городской мелкой буржуазии, спасавшихся на «оборонном» производстве от военной мобилизации.

«Революционное оборончество» первых послефевральских месяцев 1917 г. в большой степени об'ясняется этим частичным изменением состава пролетариата.

Мелкобуржуазные влияния в массе московского пролетариата были всегда несколько сильнее, чем в петроградском. Эти влияния имели два постоянных источника. Первый — это широкий слой (примерно в сотню тысяч) городской мелкой буржуазии: всевозможные мелкие предприниматели, хозяйчики, кустари и ремесленники. Второй — это деревня.

Почти четыре пятых текстильного пролетариата приходилось на внемосковские промышленные районы и фабрики, находившиеся в окружении деревень со сравнительно сильной подмосковной крестьянской буржуазией (огородники, молочники и пр.). Много московских рабочих сохраняло связи с деревней и жило в деревнях. Основная же масса рабочих Петрограда были кадровыми пролетариями, давно утратившими имущественные связи с деревней.

Петроград в революции выступал впереди, Москва шла за ним.

Однако, ведущее первенство Петрограда в революции определялось не только составом пролетариата и его сосредоточенным размещением в промышленности. В Петрограде и под Петроградом находился такой мощный резервуар сил революции, как моряки Красной Балтики. А са-

мое главное и самое важное: Петроград был местом пребывания штаба большевистской партии — нашего ЦК во главе с Лениным и Сталиным.

В то же время Петроград был главным политическим центром государства: здесь находилось правительство буржуазии.

Решающий бой за власть с необходимостью должен был разыграться в Петрограде, а к этому бою десятилетиями подводили пролетариат большевики.

«...здесь, в Петрограде, куется политика России. Здесь таран революции»[1], — говорил товарищ Сталин на VI с'езде партии.

Соглашательские иллюзии оказались более живучими, и освобождение от них происходило в московском пролетариате медленнее, чем петроградском. Но так было до определенного момента. После июльских дней партии соглашения с буржуазией — меньшевики и эсеры — окончательно превратились в партии активной контрреволюции. Послеиюльский период кладет конец замедленному, сравнительно с Петроградом, движению московских рабочих. Московский пролетариат к решающему сражению за власть, по силе и размаху движения, становится вровень с пролетариатом Петрограда.

Кадеты, меньшевики и эсеры, а также меньшевистская агентура в нашей партии — троцкисты, бухаринцы, рыковцы — могли строить и строили свои расчеты на огромном мелкобуржуазном окружении московского пролетариата. Крах этих расчетов был совершенно неизбежен. Близость московского пролетариата к деревне при его большевизации показала свою сильную сторону.

За десять лет до Великой социалистической революции Ленин выступил с брошюрой «Против бойкота», разоблачая одного из представителей упомянутой меньшевистской агентуры (Каменева).

В брошюре Ленин гениально определил значение пролетарской Москвы в революционной стратегии большевиков.

«Именно в Москве и только в Москве массовое рабочее движение может получить всего скорее характер широкого народного движения, имеющего решающее политическое значение»[2], — писал Ленин, указывая на особенности тогдашнего московского пролетариата, в преобладающей массе теснее всего связанного с крестьянством.

---

[1] Протоколы VI с'езда РСДРП(б), стр. 27.
[2] **Ленин,** т. XII, стр. 39.

Ленин подчеркивал значение революционной инициативы рабочих Московской области. Успех большевиков в работе среди московских рабочих Ленин рассматривал, как показатель роста политического влияния нашей партии в широких массах народа.

* * *

Московские большевики в период империалистической войны вели свою работу в обстановке жесточайших полицейских преследований. Охранке удалось расставить целую сеть провокаторов в московской партийной организации, главным образом в ее руководящих центрах.

Почти каждый вновь избранный Московский комитет, не успев приступить к работе, оказывался в полном составе в лапах жандармов. Но партийная организация сохраняла свою боеспособность и руководящую роль в московском пролетариате.

Ленин из-за границы поддерживал связь с московской большевистской организацией и руководил ее работой. Через сестру Владимира Ильича Марию Ильиничну Ульянову, работавшую в то время в Москве, доставлялись директивы ЦК, письма Ленина и большевистская литература.

Тезисы Ленина и манифест ЦК о войне были разосланы в большевистские районы. Московская партийная организация стала на ленинские позиции в вопросах войны, мира и революции. Она резко отмежевалась от антипораженческих взглядов части партийных литераторов.

В апреле 1915 г. для укрепления партийной организации приехал в Москву член Бюро ЦК товарищ В. М. Молотов. Связавшись с рабочими-большевиками Лефортова, товарищ Молотов начал восстанавливать разгромленную организацию. Под его руководством были оформлены большевистские комитеты Лефортовского, Сокольнического, Городского и Замоскворецкого районов, возродились большевистские ячейки Московского железнодорожного узла, был налажен выпуск партийных листовок. 1 июня 1915 г.[1] в Сокольническом лесу было созвано нелегальное собрание по подготовке общегородской партийной конференции для выборов Московского комитета.

Рука провокатора и на этот раз подстерегла московских большевиков. Организаторы конференции были арестованы. Вплоть до конца 1916 г. не удавалось из-за провалов создать устойчивый состав Московского комитета.

Но усилия ЦК не пропали даром. Организация восстанавливалась и, закаляясь в условиях бешеного полицей-

[1] Все даты в книге приведены по старому стилю.

ского террора, росла. Уже в октябре 1915 г. она насчитывала 5 райкомов, 31 группу и 550 организованных членов большевистской партии. Московская организация большевиков возглавляла все политические стачки и демонстрации рабочих против империалистической войны и самодержавия.

Под руководством большевиков московские рабочие и солдаты во время февральской революции ликвидировали органы царской власти.

Районные комитеты были всегда в нашей партии очень важным звеном организации большевистской работы.

В условиях Москвы периода империалистической войны значение их было особо высоко. В районах Москвы, при ближайшем руководстве ЦК и лично Ленина, воспитался численно небольшой, но крепкий большевистский актив.

После февральской революции, в легальных условиях, районный актив был основой партийной работы и умел решительно пресекать всякие антиленинские вражеские вылазки.

Большевистские районы, сплоченные вокруг ленинского ядра МК, решили победу социалистической революции в Москве.

II.

МОСКОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ВЕЛИКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Завоевание масс под лозунгом «Вся власть Советам!»

В течение марта 1917 г. московский пролетариат по призыву большевиков сломил первое яростное сопротивление фабрикантов и заводчиков. Вопреки виляниям эсеро-меньшевистского большинства Московского Совета, рабочие явочным порядком ввели восьмичасовой рабочий день на предприятиях. Центральный Совет профессиональных союзов принял за основу своей работы наказ МК большевиков. Районные комитеты развернули работу по приему в партию, создали партийные клубы и образовали ячейки на фабриках и заводах. Военная организация при МК развернула работу в казармах.

Из подполья в Москве вышло около 600 большевиков. На открывшейся 3 апреля 1917 г. первой городской конференции было представлено 6 тыс. членов партии.

Руководившие конференцией тт. Ф. Э. Дзержинский и М. С. Ольминский сообщили, что к 11 часам вечера в Петрограде ждут приезда В. И. Ленина. С неописуемым восторгом приняла конференция эту весть и послала приветствие вождю партии.

Статьи Ленина и Сталина в «Правде» определили политическую линию Московской конференции. Конференция призвала массы к недоверию Временному правительству, всемерному укреплению Советов и резко отмежевалась от оборончества, на позиции которого пытался тянуть большевиков Рыков, впоследствии оказавшийся ярым врагом народа. Конференция дала директиву местным парторгани-

зациям ни на какое об'единение с меньшевиками не итти и решительно осудила взгляды о создании об'единенной партии социал-демократов. Томский, впоследствии тоже оказавшийся злейшим врагом народа, будучи в вопросах империалистической войны оборонцем, ратовал за создание «республиканского блока» с меньшевиками, эсерами и кадетами (!). Враждебная большевизму вылазка этого кадетского лакея была ликвидирована партийной конференцией, по-ленински решившей организационные и тактические вопросы партии.

Тов. П. К. Штернберг сообщил конференции об имеющихся сведениях насчет планов кадетского комитета общественных организаций подготовить для борьбы с революцией особую военную милицию. В ответ на это конференция постановила создать на заводах пролетарскую милицию и вооружить рабочих.

14 апреля МК, при участии Ф. Э. Дзержинского, принял постановление об организации Красной гвардии. При райкомах и на ряде заводов (Михельсона и др.) начали создаваться первые небольшие отряды красногвардейцев.

Делегаты конференции разнесли по районам весть о приезде В. И. Ленина. В Замоскворечье, у Рогожской и Семеновской застав, на Екатерининской и других окраинных площадях собрались многотысячные митинги. Рабочая Москва с энтузиазмом приветствовала вождя пролетариата.

* * *

Происходившая 19—21 апреля 1917 г. I Московская областная конференция большевиков единодушно приняла Апрельские тезисы Ленина и дала сокрушительный отпор московским каменевцам. Резкий отпор получил Рыков, выступивший с троцкистской проповедью невозможности социалистической революции в нашей стране, утверждавший, что у рабочих России нет для этого сил.

Областная конференция решительно стала на защиту учения Ленина и Сталина и осудила враждебные пролетариату троцкистские взгляды капитулянтов.

I Московская областная конференция решила мобилизовать массы на борьбу за переход государственной власти в руки Советов рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов. Она призвала московскую организацию к упорной работе «по прояснению классового пролетарского сознания и сплочению пролетариев города и деревни против колебаний мелкой буржуазии» и ее партий — меньшевиков и эсеров.

Какую бы то ни было поддержку империалистического,

контрреволюционного Временного правительства, всякую поддержку войны и выпускаемого правительством «займа свободы» конференция заклеймила как измену делу революции.

На VII Всероссийской апрельской партийной конференции группка оппортунистов, входивших в состав московской делегации, — Рыков, Бубнов, Ногин — выступила с защитой меньшевистской позиции Каменева. Разбитые в ходе обсуждения коренных вопросов революции, поставленных и разрешенных конференцией в духе тезисов Ленина, оппортунисты прибегли к клевете. Перед голосованием резолюции об отношении к Временному правительству один из оппортунистов заявил, что якобы московская организация не согласна с тезисами Ленина и стоит на рыковской точке зрения подмены лозунга «Вся власть Советам!» лозунгом передачи власти Учредительному собранию.

Наглый навет на московскую организацию был тут же разоблачен и с негодованием отброшен московской делегацией в речи ее представителя т. Землячки и в письменном протесте 10 москвичей.

Спустя две недели, 11 мая 1917 г., собралась общегородская Московская партийная конференция. На ней оппортунисты — Рыков и др. — пытались взять реванш за свой провал на Всероссийской конференции и ревизовать решения конференции. К этому времени антипартийная группка, не пользующаяся никаким влиянием в московской организации, получила идеологическое «подкрепление» из-за границы. Ныне разоблаченный и расстрелянный, по постановлению советского суда, враг народа Бухарин приехал в Москву из Америки, где вместе с Троцким он редактировал газету «Новый мир». Бухарин вместе с Рыковым и другими предателями пытался подменить троцкистскими взглядами ленинские решения апрельской конференции. Но этот маневр врагов большевизма окончился крахом.

Общегородская конференция московских большевиков с полным единодушием приняла решения VII Всероссийской конференции, как боевую, обязательную для каждого члена партии директиву борьбы за переход к социалистической революции.

* * *

Все силы бросили большевики на выполнение решений апрельской конференции, «чтобы путем раз'яснительной и вербовочной работы завоевать большинство в Советах, из-

менить политику Советов, а через Советы — изменить состав и политику правительства.

Это была установка на мирное развитие революции»[1].

Огромная нехватка партийных ораторов давно давала себя чувствовать. МК открыл в районах Москвы двухмесячные курсы агитаторов и пропагандистов. Слушатели — рабочие и солдаты — большевики — вели агитацию на фабриках, заводах, в казармах, на уличных митингах.

Влияние большевиков быстро росло всюду.

Еще не освободившиеся от засилья эсеров и меньшевиков. Советы всех 11 районов в мае принимают большевистские резолюции по вопросу о «займе свободы». На многих предприятиях рабочие отзывают депутатов, голосовавших за доверие коалиционному Временному правительству, и посылают большевиков в Советы.

Большевики завоевывают фабричные и заводские комитеты. В течение мая и июня рабочие большинства крупных металлических заводов на собраниях вынесли постановления о переходе всей власти к Советам.

Текстильные фабриканты под предлогом отсутствия сырья и топлива начали останавливать предприятия.

Конференция московских текстильщиков вынесла, в связи с этим, большевистскую резолюцию о мерах борьбы с локаутами и о рабочем контроле.

В середине июня на митингах восьми полков и в 1-й артиллерийской бригаде солдаты приняли постановления на предстоящих выборах в городскую думу голосовать за список большевиков, требовать немедленного перехода власти к Советам и с этим лозунгом выйти на демонстрацию 18 июня.

Исполком Петроградского Совета запретил демонстрацию рабочих и солдат в первые дни заседаний I с'езда Советов и назначил ее на 18 июня. Эта дата была назначена с расчетом повернуть революционное настроение масс на примирение с политикой грабительской войны. Временное правительство в этот день повело наступление на фронте. Исполком Петроградского Совета охотно бы отменил демонстрацию, так как доверие масс к большевикам разрасталось все шире. Но в Петрограде было уже поздно дважды отменять демонстрацию. Тогда московские эсеры и меньшевики поспешили на выручку своим петроградским друзьям.

Исполком Московского Совета постановил никаких шествий 18 июня не устраивать.

---

[1] «История ВКП(б)», стр. 178.

По призыву Московского комитета рабочие и солдаты вышли 18 июня на демонстрацию под лозунгами: «Долой войну!», «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!».

В то время как эсеро-меньшевистским ораторам удавалось собирать лишь небольшие группы в 20—30 человек, на большевистских митингах по районам в этот день присутствовали многотысячные массы рабочих и солдат.

Успех большевиков был очевиден. Он возрос еще больше, когда массам стало известно о провале наступления на фронте, затеянного правящими партиями кадетов, эсеров и меньшевиков по указке англо-французского империализма. Эти партии теперь старались взвалить на голову большевиков поражение на фронте, оклеветать большевиков и спровоцировать массы на преждевременные выступления.

21 июня МК обсуждал вопрос о тактике партии в связи с наступлением на фронте. Бухарин внес предложение устроить вооруженное выступление против Совета. Такое предложение могло быть выдвинуто только прямым проводником провокационной тактики кадетов и верхов армии. МК осудил это предложение и дал членам организации директиву повести «энергичную агитацию за перевыборы Советов рабочих и солдатских депутатов и отзыв тех депутатов, которые одобряют гибельную политику наступления».

На выборах гласных в городскую думу, состоявшихся 25 июня, наибольшее количество голосов получили эсеры (58%), потом кадеты (17%), затем меньшевики (12%). Большевики получили 11% всех участвовавших в голосовании избирателей. В этих выборах отразилось наличие в составе населения Москвы громадного слоя мелкой городской буржуазии. Кроме того, разными махинациями эсеро-меньшевики и кадеты, пользуясь правительственным аппаратом, лишили возможности принять участие в выборах часть окраинного рабочего населения и солдат (в голосовании участвовало всего около 56% избирателей). Наконец, сказалось и то, что многие рабочие и солдаты, поворачивая в сторону большевиков, еще не изжили окончательно доверия к соглашателям. Результат выборов предопределил роль городской думы, как опорного органа контрреволюции в Москве.

Успех организации сил революции решался в Советах, как органах власти. В Советах силы большевиков росли каждодневно. Вопрос о переизбрании и отзыве из Советов

эсеро-меньшевистских «наступленцев» был повесткой собраний рабочих и солдат.

К началу июля больше половины районных Советов шло за большевиками.

Происходивший 25—27 июня с'езд Советов рабочих депутатов Московской губернии проходил под руководством большевиков.

В принятом постановлении с'езд от лица подмосковного пролетариата заявил, что власть в стране должна перейти в руки Советов.

К июлю московская городская организация насчитывала в своих рядах уже 14 тыс. членов партии. Руководство организации было к этому времени укреплено. ЦК послал в Москву на руководящую партийную работу т. Ем. Ярославского, возвратившегося из якутской ссылки. Тов. Ярославский вошел в состав МК, в Военное бюро и в редакцию органа МК и Областного бюро большевиков — «Социал-демократ».

Июльские дни

Утром 4 июля МК получил известие из Петрограда о том, что рабочие, гарнизон и моряки Балтийского флота вышли на демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам». ЦК решил возглавить выступление и придать ему мирный, организованный характер.

Для обсуждения вопроса о поддержке выступления петроградского пролетариата собрался Московский комитет. На заседании обнаружилось, что Бухарин сгруппировал вокруг себя некоторых членов Московского областного бюро (Осинский, Яковлева, Стуков, Манцев), которые заявили о своем согласии с его уже осужденной партией провокаторской тактикой. Они предложили занять в Москве почту, телеграф, телефонную станцию и т. д., т. е. пойти на вооруженное восстание в момент, когда массы к нему еще не были политически подготовлены. Подобная мысль могла зародиться только в лагере контрреволюции, искавшей поводов к разгрому пролетариата и большевистской партии, для утверждения в стране безраздельного господства буржуазии и помещиков.

Таким образом, бухаринцы под прикрытием «левизны» выступили как лазутчики эсеро-меньшевистских и кадетско-генеральских штабов, попытались в тылу революции облегчить наступление реакции. Лица, внесшие это предложение, составили впоследствии, во главе с Бухариным, центр

так называемых «левых коммунистов». Как установил впоследствии процесс антисоветского «право-троцкистского блока», эта бухаринская группа совместно с Троцким и «левыми» эсерами, чтобы сорвать Брестский мирный договор, организовала заговор против советского правительства и подготовляла убийство вождей партии В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердлова.

Московский комитет отверг и осудил предложения бухаринцев. Он призвал пролетариат и солдатские массы к мирной демонстрации.

Тысячи рабочих и солдат 4 июля двинулись из районов и казарм на Скобелевскую (ныне Советскую) площадь, неся плакаты с лозунгами: «Долой министров-капиталистов!», «Вся власть в руки Советов рабочих и солдатских депутатов!».

Демонстранты направились на митинг к Капцовскому училищу, где помещались МК и Областное бюро большевиков. Внушительным отрядом подошли солдаты 1-й запасной артиллерийской бригады с Ходынки под руководством т. Ем. Ярославского.

Московская буржуазия в этот день явственно показала свое звериное, погромно-черносотенное нутро. Господа в котелках, гимназисты, офицеры и «благовоспитанные дамы» врывались в революционные колонны и с улюлюканьем пытались вырывать плакаты, провоцируя столкновения. Эсеры и меньшевики сбились с ног, уговаривая большевистских демонстрантов разойтись и пуская в ход угрозы.

Когда «социалистические» блюстители «порядка» не добились таким путем результатов, они начали арестовывать большевистских партийных работников, шедших во главе колонн. Эсеры и меньшевики превратили в этот день Московский Совет в полицейский участок. В частности, Ем. Ярославского дважды приводили в Совет, но каждый раз отпускали по пред'явлении им мандата члена Совета.

Под влиянием контрреволюционной агитации была сделана попытка разгромить редакцию органа МК и Областного бюро большевиков — «Социал-демократ». Поздно вечером было получено секретное распоряжение Керенского о закрытии «Социал-демократа». Но московские большевики отстояли свой партийный орган. Меньшевистско-эсеровские Советы рабочих и солдатских депутатов вынуждены были под напором масс отклонить предложение Керенского.

В районах шли аресты большевистских агитаторов. В Бутырскую тюрьму вели и везли наиболее активных солдат-большевиков.

Рост влияния большевистской партии в массах

Не дрогнули ряды московских большевиков в обстановке наступившей после июльских дней реакции. Наоборот, организация вышла из травли и контрреволюционных преследований еще более окрепшей, еще более сплоченной на позициях Ленина — Сталина. Правдивое и острое слово большевиков побеждало. Ленинские лозунги о власти, мире, земле, рабочем контроле завоевывали широкие массы рабочих, солдат, крестьян.

Эсеры и меньшевики теряли одну позицию за другой. В их рядах начинался разброд. Низы мелкобуржуазных партий стали отходить от вождей, сомкнувшихся с кадетско-генеральской контрреволюцией.

Верхушка эсеров и меньшевиков, пользуясь своим большинством в Совете рабочих и Совете солдатских депутатов, принимала постановления, ставившие большевиков в полулегальное положение.

В Московской городской думе эсеры и меньшевики провели вместе с кадетами резолюцию, одобряющую введение Временным правительством смертной казни на фронте.

А рядовые члены эсеровской и меньшевистской партий, выступая против контрреволюционной политики своих верхов, все чаще поддерживали большевиков. Многие из них переходили в ряды большевистской партии.

Так было не только на таких крупных металлических предприятиях, как заводы Михельсона, «Динамо» и др., где большевики имели большое влияние еще с мартовских дней. Так было и на менее крупных предприятиях (Золоторожский трамвайный парк, завод Густава Листа на Софийской набережной и др.).

В рабочих кварталах Москвы все сильней и шире разрастался негодующий гул протестов против травли большевиков.

На заводе Гужона (ныне «Серп и молот»), где было большое засилие эсеров, часто разыгрывались такие сцены: большевики несли в цехи газету «Социал-демократ» и раз'ясняли задачи нашей партии; эсеровские комитетчики бросались на них, вырывали газеты и пытались избивать, и тут рядовые рабочие-эсеры и беспартийные спешили на выручку и вступали врукопашную с эсеровскими заправилами.

Вследствие локаута, об'явленного Гужоном, рабочие подготовили завод к секвестру[1].

Социал-соглашательский обман рассеивался. Действительным вождем масс становились большевики.

23 июля происходило делегатское собрание Московского союза текстильщиков. Собрание потребовало установления рабочего контроля над производством, отмены смертной казни и немедленного прекращения преследования большевиков.

В тот же день собралась общегородская конференция союза металлистов. Московские металлисты в течение всего июля и первой трети августа проводили на большинстве предприятий забастовку, отличавшуюся высокой организованностью. На конференции они приняли большевистскую резолюцию, в которой обращали внимание рабочих на переход партий эсеров и меньшевиков в лагерь контрреволюции. Резолюция призывала московских рабочих быть готовыми «отстаивать завоевания революции всеми средствами».

Состоявшаяся вслед за тем (с 23 по 28 июля) Московская конференция фабрично-заводских комитетов (присутствовало свыше тысячи делегатов) полностью проходила под руководством большевиков. Соглашатели, потерпев поражение уже в начале конференции, при обсуждении порядка дня, покинули собрание.

Рабочий класс плотнее смыкал свои ряды вокруг большевистской партии.

* * *

Солдаты в массе своей также изо дня в день убеждались в глубочайшей правоте ленинских лозунгов и все крепче поддерживали большевиков.

После июльских дней эсеро-меньшевистское большинство в Московском Совете солдатских депутатов запретило большевикам доступ в казармы. Но эта мера социал-

---

[1] **Секвестр** — арест имущества, воспрещение владельцу пользоваться имуществом. Проведенные в первые месяцы революции секвестры заводов Гужона и некоторых других были половинчатой мерой, на которую в условиях разрухи и локаута эсеро-меньшевистское большинство в Советах вынуждено было итти под давлением масс. Правление секвестрованных фабрик назначалось Временным правительством. Впоследствии (в сентябре и октябре 1917 г.) секвестрование предприятий, производимое рабочими явочным порядком, приобретает революционный характер, становится по существу конфискацией.

предателей лишь на короткое время затруднила работу большевиков в частях гарнизона. Большевистские ячейки в 1-й запасной артиллерийской бригаде, 55, 56, 85-м и других полках продолжали развертывать агитационную деятельность. Партийные и беспартийные солдаты приходили в Военное бюро при МК большевиков, сообщали, что в полках не хотят слушать эсеров и меньшевиков, и требовали большевистских ораторов. Обычно тут же договаривались о времени и месте встречи докладчика-большевика для сопровождения его в казарму. Все более революционизировавшаяся солдатская масса ломала эсеро-меньшевистские «запреты».

Солдатский клуб, организованный Московским комитетом РСДРП(б), каждый вечер был битком набит внимательными слушателями в серых шинелях.

Ярким свидетельством все возрастающего авторитета большевистской партии в солдатских массах являются и письма солдат. Эти письма проникнуты глубокой симпатией к нашей партии, великой любовью к Ленину.

Солдаты 36-го запасного полка узнали о попытке Временного правительства закрыть «Социал-демократ» и о том, что московская организация большевиков нуждается в собственной типографии, на покупку которой производились сборы.

Эти солдаты пишут в «Социал-демократ»:

«Товарищ редактор! Мы, солдаты нестроевой роты, 36-го пехотного запасного полка, прочтя в уважаемой газете ваше заявление о преследовании буржуазией нашей партийной газеты, на общем собрании постановили сделать сбор в пользу вашей редакции из своих скудных грошей двадцать три рубля (23 руб.). Просим принять нашу малую лепту и протестуем против преследования нашей газеты — освободительницы народных интересов».

Военная организация при МК партии проводила огромную работу не только в тыловых частях Московского военного округа, но и в войсках фронта.

В московскую большевистскую военную организацию прибывали тысячи делегатов с фронта за советами, раз'яснениями, указаниями, помощью. Они уезжали обратно с тюками партийной литературы. Военная организация большевиков ежедневно посылала из Москвы на фронт около 3 тыс. экземпляров газет «Социал-демократ», «Правда», «Солдатская правда» и более тысячи брошюр и книг.

Эта литература разносила искры ленинских идей по

фронту, проясняла сознание солдат и звала их к боевому союзу с рабочими.

Вот какие письма получала московская большевистская военная организация с фронта:

«С торжественною радостью, — пишет один солдат, — шлю вам, товарищи, от имени полка достойную благодарность за посылку вашей газеты, где только мы видим светильник нашего пути к жизни и видим также, что он ни на минуту не погаснет, а все более разгорается, так что близок тот день, когда этот светильник проникнет во все уголки нашей страны и других».

Другой солдат благодарит за литературу:

«В особенности благодарю за речь т. Ленина, о которой я так жаждал и страдал, теперь же я в свою очередь с этой речью т. Ленина знакомлю товарищей солдат, особенно которые подрывали по своей глупости доверие, а в настоящий момент сожалеют, за что т. Ленин подвергался злым нападкам и клевете. В настоящее время наша нестроевая рота присоединяется целиком, а полк, тоже большинством, присоединяется к вашей партии и будет защищать от всех нападок со стороны кровожадных ворон, а также стремиться к распространению уважаемой литературы».

Возрастающее влияние большевиков в частях московского гарнизона закреплялось перевыборами ротных и полковых комитетов. Со второй половины июля эти низовые солдатские организации все в большем количестве переходят в руки большевиков и им сочувствующих.

В военной организации большевиков в это время состояло свыше 2 тыс. членов; со времени апрельской партийной конференции она выросла более чем в десять раз.

Эсеро-меньшевистский Совет солдатских депутатов уже не выражал политических настроений революционизирующейся солдатской массы. С тем большим упорством его махрово-оборонческий исполком противился солдатским требованиям перевыборов Совета.

Большую работу по агитации за перевыборы Совета солдатских депутатов вели в Московском гарнизоне члены Совета и военной организации большевиков тт. М. Ф. Шкирятов, И. Чиненов, и Г. Коган.

* * *

Революционная борьба крестьян за землю приобрела в летние месяцы 1917 г. бурные формы захвата помещичьих земель и инвентаря. Уговоры эсеров ждать разрешения аграрного вопроса Учредительным собранием уже

не помогали. Крестьянство повертывалось к эсерам спиной и все внимательней вслушивалось в речи ораторов-большевиков, несших в деревню призыв Ленина разрешать вопрос о земле самостоятельно, в порядке революционного почина, не ожидая Учредительного собрания.

В стихийно поднявшееся крестьянское движение большевики вносили организованность и сознательность, подводя массы крестьян к пониманию того, что победа над помещиками возможна только в союзе с пролетариатом.

В помощь растущим уездным партийным организациям и возникающим в деревне большевистским ячейкам Московское областное бюро, Московский комитет и Окружной комитет направляют партийных организаторов и агитаторов.

Московские рабочие-отпускники и солдаты, ездившие «на побывку», являлись проводниками большевистского влияния в массах крестьян.

30 июля на собрании военной организации при Московском комитете солдаты, выступавшие с сообщениями о поездке в деревню, отмечали, что «в деревне вопросы о земле, о власти решаются крестьянами именно так, как думают большевики».

Товарищ Сталин писал 23 июля 1917 г. в № 1 газеты «Рабочий и солдат», выходившей взамен закрытой «Правды»:

«Мы — партия борющегося за свое освобождение пролетариата. Не сможет не пойти с нами и солдат, измучившийся, истерзанный, которого снова лишают добытых свобод, которому снова грозят каторгой и смертью. Пойдет с нами и крестьянин, до сих пор земли не получивший, до сих пор облегчения не почувствовавший.

И так всегда. Каждое наше «поражение» превращается в нашу победу, каждая победа наших противников — в их поражение.

Так было всегда, так будет и теперь» [1].

* * *

21—24 июля, перед VI с'ездом партии, происходила 2-я Московская областная партийная конференция. В области к этому времени было, не считая Москвы, 62 организации нашей партии с 42 тыс. членов. Областная организация за три месяца, с апрельской конференции, выросла в пять с половиной раз. В городской организации в то же время состояло 15 тыс. членов.

---

[1] «Правда», вып. V, стр. 2, изд. Истпарта ЦК ВКП(б).

Областная конференция положила в основу своих решений указания Ленина о лозунгах в новой обстановке. Двоевластие в стране кончилось. Власть перешла в руки буржуазии, ее Временного правительства. Эсеры и меньшевики превратили Советы в пособников контрреволюционного Временного правительства. В этих условиях лозунг «Вся власть Советам!» партия временно сняла. Но, сняв этот лозунг, партия вовсе не заменяла его призывом «Долой Советы».

Товарищ Сталин говорил на VI с'езде партии: «Теперь мы выдвигаем лозунг передачи власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства... Борьба с верхами Советов в союзе с беднейшими слоями крестьянства и сметение контрреволюции — вот очередной вопрос»[1].

Московская организация неуклонно вела ленинско-сталинскую линию в вопросе о Советах после июльских дней.

В Калуге большевистская фракция проявила неустойчивость, выйдя из Совета. Такая тактика лила воду на мельницу корниловцев-кадетов. Калужский делегат на Областной конференции отстаивал тактику выхода большевиков из Советов и договорился до призыва подготовлять массу к борьбе с Советами. Делегаты конференции разоблачили это выступление как коренной отход от большевистских позиций, как лозунг контрреволюции. После VI с'езда партии калужские большевики исправили свою ошибку и возобновили работу в Совете.

Областная конференция поправила и коломенского делегата, выступившего против снятия лозунга перехода власти к Советам.

Конференция решила: на основе массового под'ема добиваться превращения всех организаций рабочего класса и беднейшего крестьянства (Советы, профсоюзы, фабзавкомы и крестьянские комитеты) «в революционные центры, сосредоточивающие всю власть в руках рабочих, солдат и крестьян».

Московская организация большевиков пришла на VI партийный с'езд как верный ленинизму отряд нашей партии.

VI с'езд большевистской партии

VI с'езд большевистской партии проходил под непосредственным руководством товарища Сталина. Укрытый Центральным комитетом от ищеек Керенского, Владимир Ильич

[1] Протоколы VI с'езда РСДРП(б), стр. 118, 120.

Ленин из подполья давал руководящие указания с'езду через своих соратников — Сталина, Свердлова, Молотова и Орджоникидзе.

В политическом отчете ЦК на VI с'езде партии товарищ Сталин дал глубокий ленинский анализ изменившейся после июльских дней обстановки в стране. Товарищ Сталин сказал, что «...теперь, после того, как контр-революция организовалась и укрепилась, говорить, что советы могут мирным путем взять власть в свои руки, — значит, говорить впустую. Мирный период революции кончился, наступил период не-мирный, период схваток и взрывов...» [1]

Так партия вплотную подошла к подготовке вооруженного восстания.

Делегат московской организации т. Подбельский говорил на с'езде: «Рабочая масса... стойко поддерживает большевизм... Громадное влияние нашей организации, товарищи, сказалось в том, что все массовые выступления проходили под нашими лозунгами».

Тов. Ем. Ярославский в своем докладе на с'езде о работе московской военной организации большевиков подчеркнул, что наступившие после июльских дней «преследования только усилили энергию активных работников-солдат».

Огромное большинство московской делегации полностью поддерживало установку партии на вооруженное восстание. Но в составе делегации нашлись люди, которые попытались сорвать эту установку. Бухарин заявлял, что пролетарская революция в одной стране, в России, без наличия революции на Западе невозможна и что все крестьянство, как кулаки, так и беднота, сомкнется с империализмом и пойдет против революции.

Товарищ Сталин дал отповедь предателю, оклеветавшему союзника рабочего класса — беднейших крестьян. Товарищ Сталин раз'яснил, что кулаки, действительно, будут поддерживать империалистическую буржуазию, но беднейшее крестьянство идет с пролетариатом и пойдет с ним дальше на борьбу за победу социалистической революции.

Товарищ Сталин на VI с'езде мобилизовал всю партию на свержение власти буржуазии и в ответе троцкистам и бухаринцам дал ясную победную перспективу социалистической революции в нашей стране. Он сказал: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжив-

[1] Протоколы VI с'езда РСДРП(б), стр. 111.

шее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»[1].

С'езд отверг меньшевистские поправки капитулянтов. С'езд утвердил резолюцию Сталина.

VI с'езд принял экономическую платформу партии. Конфискация помещичьей земли и национализация всей земли в стране, национализация банков, национализация крупной промышленности и рабочий контроль над производством и распределением — таковы были главные положения этой платформы. С'езд обсудил вопросы о профсоюзах, о союзах молодежи. Решения с'езда по всем этим вопросам давали в руки партии развернутую программу подготовки вооруженного свержения буржуазной власти.

VI с'езд выпустил манифест партии, в котором призывал рабочих, солдат и крестьян к новым битвам.

Ленинско-сталинские решения VI с'езда, нацелившего партию на вооруженное восстание, были знаменем всей борьбы московских большевиков в период организации штурма.

Боевой под'ем господствовал в большевистских районах.

Московский комитет организовал широкое обсуждение отчетов о VI с'езде партии по районам. Ряд райкомов (Басманный и др.) заслушал доклад о с'езде совместно с партийным активом и заводскими комитетами. Решения с'езда доводятся до масс, пропагандируются в массах.

Московское Государственное совещание. Всеобщая забастовка московских рабочих. Блок рыковцев с эсерами и меньшевиками

На другой день после окончания работ VI с'езда перед партией стала задача организации революционного протеста против собиравшегося 12 августа в Москве Государственного совещания. Государственное совещание созывалось Временным правительством для мобилизации сил буржуазии и помещиков. Этим совещанием эсеры и меньшевики увенчивали свой сговор против революции с кадетами и генералитетом. На Москву была сделана ставка, как на «собирательницу всех живых сил» контрреволюции. В это «сердце России» уже давно стягивались силы черной реакции. Со времени февральской революции здесь происходили совещания бывших членов царской Государственной думы, с Родзянко во главе, с'езды кадетской партии, сою-

[1] Протоколы VI с'езда РСДРП(б), стр. 233, 234.

за земельных собственников (помещиков), торговцев и промышленников.

В Москве обосновались центры и филиалы боевых организаций монархического офицерства: союз георгиевских кавалеров, военная лига, всероссийский союз армии и флота, всероссийский союз казачества, совет офицерских депутатов, штаб формирования добровольческой армии.

Министры-«социалисты» считали всего надежней оформить блок всех партий контрреволюции под защитой этих организаций. Во время июльского правительственного кризиса, оставшись без кадетов, лицом к лицу с революционными массами Петрограда, они совсем уже было собрались бежать в Москву. Паника среди членов Временного правительства при этом была так сильна, что они не хотели довериться петроградским шоферам и железнодорожникам. Московскому градоначальнику было приказано доставить для правительства автомобили из Москвы. Но бегство было отложено.

За несколько дней до открытия Государственного совещания «живые силы» контрреволюции провели в Москве ряд с'ездов и совещаний, на которых главнокомандующий армиями генерал Корнилов открыто призывался в «спасители», т. е. в военные диктаторы России.

После расстрела июльской демонстрации буржуазия уже смаковала близкие, как ей казалось, похороны революции.

Миллионер Рябушинский на торгово-промышленном с'езде заявил: «Костлявая рука голода, народная нищета схватит за горло лже-друзей народа — демократические Советы и комитеты... Пусть развернется во всю ширь стойкая натура купеческая. Люди торговые, надо спасать землю русскую».

Другой капиталист, Бубликов, уверял: «Скоро конец всему, что в народе колобродит, конец молодой гульбе».

По инициативе московских капиталистов было созвано «совещание общественных деятелей». Предварительные организационные собрания происходили в особняке Рябушинского. На совещании был представлен единый фронт контрреволюции — от генералов Каледина, Юденича и Колчака до социал-оборонцев (плехановская группа «Единство»).

Одновременно на собраниях офицерских союзов обсуждался вопрос об организации в дни Государственного совещания контрреволюционного переворота и провозглашении генеральской диктатуры. Военной базой переворота намечалось Александровское военное училище, юнкерам

которого была вверена охрана Государственного совещания. Юнкерам были выданы боевые патроны и пулеметы. Начальство Александровского и Алексеевского военных училищ внушало юнкерам, что, может быть, им придется пожертвовать жизнью во имя генерала, который приедет из Ставки в Москву «спасать» Россию. Как впоследствии обнаружилось, с фронта в Москву были двинуты казачьи части.

Воротилы русского капитала и командные верхи армии в союзе с меньшевиками и эсерами старательно ткали паутину заговора.

* * *

Но планы контрреволюции были раскрыты штабом революции — партией большевиков и ее ЦК.

В своем постановлении от 8 августа Центральный комитет предложил партийным организациям разоблачать на массовых собраниях созываемое в Москве Государственное совещание как орган заговора против революции и мобилизовать массы для революционного протеста против этого совещания.

Товарищ Сталин в ряде статей в «Рабочем пути» предупреждал рабочих, солдат и крестьян, что буржуазия пытается превратить Москву во второй Версаль для расправы с революционным Петроградом, и призывал рабочих достойно встретить слет контрреволюционных заговорщиков.

8 августа МК, а 10 августа городская партийная конференция призвали пролетариат Москвы к однодневной забастовке протеста против Государственного совещания.

Собрание правлений 41 профессионального союза Москвы, об'единявших 300 тыс. рабочих, постановило поддержать это решение московских большевиков.

Насколько возросло уже к тому времени влияние нашей партии в массах московских рабочих, показывает следующая сводка об отношении к забастовке протеста против Государственного совещания. Из 15 районов 11 голосовало за забастовку; 2 района — против; 1 район не обсуждал вопроса о забастовке, 1 постановил: «ожидать решения Моссовета». Кроме того, служащие почты и телеграфа выразили свое отношение к забастовке решением: «как большинство».

Несмотря на такую картину настроений в районах, голосование в Московском Совете дало следующие результаты: 310 — за забастовку и 342 — против. Лишь незначи-

тельным большинством в 32 голоса Совет отклонил забастовку.

Эти эсеро-меньшевистские «голоса» прозвучали, как мышиный писк в грозу: в день открытия Государственного совещания московский пролетариат ответил контрреволюции забастовкой, почти всеобщей.

Московский городской голова эсер Руднев с «хлебом-солью» встречал на вокзале Корнилова и составил вместе с Пуришкевичем и Милюковым почетную свиту генерала. Министр-меньшевик Церетели в знак «сотрудничества всех классов», торжественно обменивался на Государственном совещании рукопожатием с капиталистом Бубликовым. Керенский хвастливо грозил «кровью и железом» подавить революционное движение рабочих и крестьян. Генерал Корнилов требовал «упразднить комитеты и Советы». А в это время бастовали 400 тыс. рабочих Москвы и ее окрестностей. Не дымила ни одна фабрика. Остановилось все движение на улицах. Шоферы отказались возить участников совещания. Повара «Метрополя», официанты московских ресторанов отказались их кормить. Понуро брели с заседаний по притихшим московским улицам «государственные деятели». Лишь у Большого театра раздавалось постукивание винтовочных прикладов. Это преторианская гвардия российской буржуазии — юнкера — уныло несла караул у здания театра, где происходило Московское совещание.

Товарищ Сталин писал в то время: «Рабочие Москвы, как и питерские, бойкотируют совещание. Москва не отстает от Петрограда.

Да здравствуют московские рабочие!» [1]

* * *

Мощная стачка московских рабочих расстроила планы контрреволюции.

Главари заговора Корнилов и Керенский приезжали на Государственное совещание в сопровождении вооруженного эскорта, а ночевали в своих поездах, готовых к отправлению. Эшелоны вызванного с фронта казачьего полка были вечером 14 августа задержаны в Можайске. Гарнизон Москвы в большинстве своем явно склонялся на сторону большевиков.

Эсеры и меньшевики тряслись от страха. Они не ждали, что организованная большевиками забастовка пройдет

[1] **Сталин,** На путях к Октябрю, стр. 112, изд. 2-е.

с таким огромным успехом и внесет расстройство в ряды контрреволюции.

Эсеры и меньшевики пошли тогда на хитрый тактический маневр. Они предложили большевистской фракции Московского Совета заключить блок для борьбы с контрреволюцией.

Расчет соглашателей был ясен: отвести от своих партий обвинение в сделке с контрреволюцией, подкрепить в массах доверие к Временному правительству. Для всего этого они решили использовать возросшую силу большевиков.

Весь вопрос состоял только в том, найдутся ли среди большевиков предатели, которые согласятся прикрыть авторитетом большевистской партии союз меньшевиков и эсеров с контрреволюцией. И тут меньшевики и эсеры пошли к Рыкову и компании.

Втайне от партийной организации, но с одобрения своих единомышленников из МК и фракций Советов (Пятницкий, Ногин, Муралов), Рыков 14 августа явился на межпартийное совещание и заявил о согласии на блок. Он предложил «координацию» действий трех партий Совета в борьбе с попытками контрреволюционного переворота в период Государственного совещания на условиях уравнения этих партий в правах агитации и пропаганды в казармах. Блок состоялся, и при Московском Совете была создана «шестерка действия» (по два представителя от каждой партии).

Меньшевики и эсеры через исполком Совета «сняли» «запрет на доступ в казармы», установленный ими для большевиков после июльских дней. Но «запрет» этот фактически и не существовал. Большевики с ним вовсе не считались: его «сняли» давно революционные солдаты, не пожелавшие слушать «социалистических» «наступленцев», введших смертную казнь на фронте и подавлявших военной силой революционное движение крестьян.

Соглашение с меньшевиками и эсерами было изменой рыковцев делу партии и революции. Это была наглая попытка срыва решений VI с'езда партии. Этот блок был изолированной верхушечной комбинацией; в районах не создавались органы, подобные «шестерке». Меньшевики и эсеры, конечно, надули и формально: через неделю они снова наложили свой «запрет» на большевистскую агитацию.

Блок рыковцев с эсерами и меньшевиками был опрокинут бурно обострявшимися классовыми схватками. Но сам факт такого соглашения с особой силой подчеркивал, что

на руководящие партийные посты в московской организации большевиков пробралась спевшаяся между собой, сжившаяся с меньшевиками маленькая, но опасная кучка, которая при крутых поворотах революции будет вновь и вновь предавать.

Спустя четыре дня, 18 августа, Ленин узнал об этой московской блокистской затее. Ленин потребовал отстранения рыковцев от должностей и партийного следствия по делу их блока. Он писал, что Москва после Государственного совещания, после августовской забастовки может приобрести роль центра, где при нарастании революционного движения возможны первые начальные бои за взятие власти.

«Крайне важно, — писал Ленин, — чтобы в Москве «у руля» стояли люди, которые бы не колебались вправо, не способны были на блоки с меньшевиками, которые бы в случае движения понимали новые задачи, новый лозунг взятия власти, новые пути и средства к нему. Вот почему «следствие» по делу о блоке и порицание блокистам-большевикам, если таковые были, отстранение их необходимо не только во имя дисциплины, не только для исправления уже допущенной глупости, а необходимо в существеннейших интересах будущего движения. Стачка в Москве 12 августа доказала, что активный пролетариат за большевиками, несмотря на большинство при голосованиях в Думу у эс-эров»[1].

Разгром корниловщины. Переход Московского Совета на сторону большевиков

Осуществление заговора буржуазия отложила, но не отменила.

25 августа верховный главнокомандующий армией генерал Корнилов снял с фронта и двинул на Петроград армейский корпус генерала Крымова, казачьи части и «дикую дивизию». Корнилов дал приказ: обезоружить революционный гарнизон, разогнать Петроградский Совет, разоружить Кронштадтскую крепость, вывезти матросов на материк, потопить в крови великий город революции.

Большевистские организации Петрограда и Москвы мобилизовали для борьбы с Корниловым всю массу рабочих и революционных солдат обеих столиц.

Московский комитет выдвинул следующие лозунги борьбы:

---

[1] **Ленин,** т. XXI, стр. 91.

«1. Немедленное вооружение рабочих и солдат;

2. энергичные массовые аресты контрреволюционеров, в особенности центров кадетов и их военных организаций;

3. закрытие буржуазных газет и конфискация их типографий;

4. освобождение всех арестованных большевиков;

5. регулирование продовольственной и жилищной нужды».

На зов Московского комитета большевиков поднялась вся пролетарская Москва. Лозунг «К оружию!» с быстротой молнии передавался из цеха в цех, из роты в роту, из квартала в квартал. Все заводы и районные Советы Москвы вынесли решение о немедленном поголовном вооружении рабочих. В зал соединенного заседания исполкомов московских Советов рабочих и солдатских депутатов вошли рабочие делегаты от фабрик и заводов, от районов и представители общегородской конференции фабрично-заводских комитетов.

Ораторы рабочих делегаций в пламенных речах разоблачали предательскую политику меньшевиков и эсеров, открывших собственными руками дверь корниловщине. Один за другим, поднимаясь на трибуну, делегаты требовали немедленной выдачи рабочим оружия, организации Красной гвардии, ареста генералов, корниловцев, видных деятелей кадетской партии и закрытия буржуазных газет.

Под напором возглавляемых большевиками масс эсеро-меньшевистский Совет вынужден был принять постановление о вооружении рабочих и о создании при Совете штаба Красной гвардии.

При Московском Совете был организован штаб по борьбе с корниловщиной. Из Москвы навстречу корниловским эшелонам двинулись революционные войска.

Отряды солдат и красногвардейцев под руководством районных революционных штабов охраняли заводы, вокзалы, патрулировали улицы Москвы.

Орган МК «Социал-демократ» раскрыл перед массами тайную механику заговора Корнилова. Газета фактами доказала, что о подготовке мятежа знал Керенский. Он испугался, как бы вместе с корниловщиной не было сметено и его правительство поднявшимися, по призыву большевиков, революционными массами, и в последнюю минуту повернул против Корнилова. Большевистская газета разоблачила английского посла Бьюкенена — в заговоре с Корниловым и Керенским против русской революции. Газета потребовала немедленной высылки Бьюкенена из пределов России.

Рабочим, солдатам и крестьянам стало ясно, что помещики и буржуазия пойдут на все, чтобы подавить революцию, что они готовы при помощи англичан открыть фронт и сдать немцам Петроград, как уже сдали Ригу.

Ленин в то время писал: «Восстание Корнилова доказало для России то, что для всех стран доказала вся история, именно, что буржуазия предаст родину и пойдет на все преступления, лишь бы отстоять свою власть над народом и свои доходы»[1].

Массы на собственном жизненном опыте убедились во всей правоте большевистских лозунгов и поняли всю гибельность и контрреволюционность лжи, которую сеяли прихлебатели буржуазии — меньшевики и эсеры.

На заводах и в казармах шли бурные митинги. Массы требовали немедленного освобождения большевиков из тюрем.

В первые дни корниловского восстания 869 заключенных в Двинской тюрьме революционных солдат под усиленным конвоем были отправлены эшелонами из Двинска. В пути пленники Керенского — Корнилова узнали, что их перевозят в Могилев, в Ставку. Очевидно, корниловский генералитет предполагал устроить массовую кровавую расправу над большевистскими солдатами. Большевистская фракция Витебского Совета рабочих депутатов помогла повернуть эшелон революционных солдат на восток, в Москву. Двинцы чувствуют себя уже на свободе. Но в Москве их тайком от рабочих, ночью, снова сажают в тюрьму.

Большевики организовали широкую кампанию за освобождение заключенных товарищей. Поднялась вся пролетарская Москва и вырвала большевистских солдат из казематов керенщины. Освобожденные товарищи создали под руководством МК большевистскую организацию команды двинцев и вели широкую агитационную и организационную работу в районах Москвы.

Большую роль в революционизировании корниловских войск сыграл находившийся в то время в Москве товарищ Киров.

По его инициативе была послана в «дикую дивизию» Корнилова, в которой были горские части, делегация горцев-мусульман от Центрального совета горских народов, находившегося во Владикавказе. Делегаты-горцы раз'яснили солдатам «дикой дивизии» контрреволюционные замыслы Корнилова, и дивизия отказалась итти в бой.

[1] **Ленин**, т. XXI, стр. 139.

В. И. Ленин, И. В. Сталин и В. М. Молотов в редакции «Правда», 1917 г.

С рисунка художника П. В. Васильева.

В. И. Ленин и И. В. Сталин в Смольном в дни Октябрьской социалистической революции.

С картины художника Соколова-Скаля.

Корниловские войска, не дойдя до Петрограда, под влиянием большевистской агитации повернули назад.

Корниловский мятеж был разгромлен.

Разгром корниловщины показал, «что большевистская партия выросла в решающую силу революции, способную разбить любые происки контрреволюции. Наша партия не была еще правящей партией, но она действовала в дни корниловщины, как настоящая правящая сила, ибо ее указания выполнялись рабочими и солдатами без колебаний» [1].

7 сентября пролетарская Москва встречала революционные части, посланные на ликвидацию корниловщины.

Парад частей гарнизона на Красной площади вылился в большевистскую демонстрацию. На знаменах рабочих делегаций и солдатских колонн были начертаны лозунги нашей партии.

Лидеры эсеров и меньшевиков хмуро отворачивались и прятались за спины военных начальников. Эти господа в тот же день выпустили на свободу арестованных корниловцев.

Меньшевики и эсеры саботировали организацию красногвардейских отрядов, называли Красную гвардию «игрой в солдатики». Они пошли на провокацию, попытавшись противопоставить вооруженных рабочих армии. В казармах они распускали провокационные слухи, что большевики, вооружая рабочих, тем самым выражают недоверие солдатам. Но в полках эсеро-меньшевистским клеветникам давали дружный отпор. Солдаты помогали рабочим доставать оружие и принимали участие в обучении рабочих военному делу.

Красная гвардия в Москве росла. Ядро Красной гвардии, созданное еще апрельским решением Московского комитета, обрастает новыми и новыми сотнями рабочих. Особо большую роль в организации Красной гвардии сыграли большевистские фабзавкомы. К октябрю в отрядах московской Красной гвардии было уже около 10 тыс. рабочих. Отряды строились по десяткам, полусотням и сотням.

Рабочие замоскворецкого завода Михельсона взяли шефство над 55-м полком, послав в полковой комитет своих представителей и включив в завком делегатов полка. Крупные заводы других районов последовали этому примеру и установили такую же революционную связь

[1] «История ВКП(б)», стр. 193.

с полками гарнизона. На основе большевистских лозунгов создался революционный союз рабочих и солдат для новых решительных боев.

* * *

В ответ на гражданскую войну, начатую капиталистами в дни корниловского мятежа, пришел в движение весь рабочий класс.

Мощная волна стачек нарастала со дня на день. В течение двух месяцев, вплоть до октябрьского восстания, бастовали кожевники в Москве. На делегатском собрании кожевники постановили: захватить фабрики тех владельцев, которые упорствовали в своем отказе удовлетворить требования рабочих. Завкомы кожевенных предприятий производили описи товаров, оборудования и пр., подготовляя секвестр заводов.

Рабочие, борясь под руководством партийных ячеек против саботажа и разрушения производства фабрикантами, проводят целый ряд революционных мер.

Управляющий заводом Зингера в Подольске спустил в реку нефть, чтобы, под предлогом нехватки топлива, остановить завод. Обнаружив это, рабочие арестовали этого управляющего и направили своих контролеров в заводскую контору. В ряде мест, например в Орехово-Зуеве, рабочий контроль перерастал в полное регулирование производства Советом рабочих депутатов.

В местечке Ликино (Орехово-Зуевского района) фабрикант (он же государственный контролер Временного правительства) Смирнов остановил фабрику. Рабочим предложено было взять расчет. Рабочие отказались это выполнить и два месяца боролись за пуск предприятия. 19 сентября изголодавшиеся ликинцы собрались на демонстрацию и пришли в Орехово-Зуево. На митинге орехово-зуевские рабочие постановили взять каждому к себе на квартиру по одному рабочему-ликинцу и накормить его.

Одновременно в помощь ликинцам был отчислен однодневный заработок и произведен сбор денег по подписным листам.

Все рабочие Москвы дружно откликнулись на призыв МК партии и большевистских профсоюзов отчислять часть заработка в фонд помощи бастующим кожевникам, ликинским текстильщикам и многим другим участникам стачечной борьбы. Забастовавшие рабочие московских типографий помогали из своего стачечного фонда печатникам Екатеринбурга, Харькова и других городов.

Рабочее движение поднялось на высшую ступень. Оно проходило при боевой классовой солидарности пролетариев и развертывалось под руководством большевиков в открытую революционную борьбу за власть.

* * *

Под знамя социалистической революции становятся и широкие массы крестьянства. Корниловское восстание показало массам крестьян, что если контрреволюции удастся разгромить большевиков, помещики скрутят крестьян в бараний рог. Карательные отряды Керенского уже рыскали по деревням. Крестьяне убедились, что из рук Временного правительства им земли не получить.

После разгрома Корнилова середняки-крестьяне, присоединяясь к бедняцкой массе деревни, начали поворачивать в сторону большевиков. Широкие слои крестьянства стали понимать, что единственная партия, которая в силах сменести помещиков, готова отдать землю крестьянам и способна вывести страну из войны,— это партия большевиков.

Проводя решения VI с'езда партии, московские большевики широко развернули партийную работу в деревне.

С октября начала выходить московская большевистская газета «Деревенская правда». Газета была организована работниками Военного бюро при МК под руководством т. Ем. Ярославского. Созданию «Деревенской правды» предшествовала массовая агитационная кампания по раз'яснению ее задач. Рабочие, солдаты и бедняцко-середняцкое крестьянство широко откликнулись сборами денег на издание своей большевистской газеты. Военная организация при МК РСДРП (большевиков) развернула сеть городских землячеких групп рабочих и солдат, сыгравших крупную роль в дальнейшем революционизировании крестьянства.

Влияние эсеров в деревне быстро идет на убыль. Во многих волостях Московской губернии крестьяне выгоняли с собраний эсеровских ораторов, предлагавших отложить «разговор о земле» до Учредительного собрания.

Во второй половине сентября и в октябре в Московской области бурно развертывается революционное движение крестьянства.

В Рязанской, Тульской и других губерниях крестьяне захватывают барские земли и помещичий инвентарь. Повсеместно идет запашка помещичьей земли. Крестьяне теснее сплачиваются вокруг партии большевиков и поднимаются на революцию.

* * *

Все массовые организации рабочего класса быстро переходят под руководство большевиков.

5 сентября Московский Совет принял большевистскую резолюцию, в которой заявил о разрыве Совета с политикой соглашательства и о необходимости перехода широких масс к решительной борьбе за власть. Спустя две недели, в результате состоявшихся 19 сентября перевыборов, большевики получили перевес в исполкоме Совета рабочих депутатов и возглавили Совет.

Таким образом, вслед за Петроградским и Московский Совет рабочих депутатов перешел на сторону большевистской партии.

Через несколько дней после решающей победы московских большевиков в Совете рабочих депутатов происходили выборы районных дум Москвы. На этих выборах большевики завоевали больше половины всех поданных голосов и создали в районных думах опору для борьбы против кадетско-эсеровской Московской городской думы. Солдаты Московского гарнизона на выборах отдали свыше 80% голосов нашей партии.

«...Основные предпосылки, необходимые для успешного восстания, уже назрели.

Вновь на очередь стал лозунг: «Вся власть Советам!»

Но это уже не был старый лозунг перехода власти в руки меньшевистско-эсеровских Советов. Нет, — это был лозунг восстания Советов против Временного правительства с целью передачи всей власти в стране Советам, руководимым большевиками» [1].

---

[1] «История ВКП(б)», стр. 194.

III.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ. ОКТЯБРЬСКИЕ БОИ В МОСКВЕ

Ленин о роли Москвы в вооруженном восстании
Резолюция ЦК от 10 октября 1917 г.
Штрейкбрехеры восстания

Ленин видел, что политическая армия, которую создавали большевики для свержения контрреволюционного правительства, уже готова. Авангард революции — пролетариат — и большинство народа идут за партией большевиков. Начался революционный кризис.

Подводя эти итоги пройденного пути, Ленин указывал, что теперь, получив большинство в обоих столичных Советах — Петроградском и Московском — большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

12—14 сентября Ленин написал два письма в Центральный, Петроградский и Московский комитеты партии, в которых предложил немедленно приступить к подготовке вооруженного восстания.

В этих первых двух письмах и в последующих, написанных в октябре, Ленин вооружает партию искусством восстания. Он говорит, что из главных правил этого искусства Маркс выставил:

«1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо идти до конца.

2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно перехо-

дить в наступление. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, «моральный перевес»[1].

10 октября Центральный комитет партии под руководством Ленина и Сталина принимает историческое решение об организации вооруженного восстания. В ленинской резолюции ЦК дана директива всем организациям партии:

«Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, Ц. К. предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (с'езда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)»[2].

Как руководство к немедленному действию по подготовке поставленного ЦК на очередь дня вооруженного восстания, эта директива была передана областным и губернским комитетам партии.

Подлые изменники партии — Каменев и Зиновьев — высказались против этого решения.

Иуда-Троцкий предложил поправку к резолюции ЦК: не начинать восстания до открытия II с'езда Советов. Это означало: расшифровать день восстания, предупредить о нем Временное правительство, заранее провалить дело восстания. Это предложение Троцкого Ленин заклеймил, как предательство революции.

Под руководством Ленина 16 октября состоялось расширенное заседание ЦК с активными партийными работниками петроградской организации. Были обсуждены вопросы военно-технической подготовки вооруженного восстания. На этом заседании Каменев и Зиновьев снова выступили с проповедью своих меньшевистских взглядов и высказались против вооруженного восстания и пролетарской революции.

Против голосов двух этих ренегатов собрание приняло ленинскую резолюцию ЦК о вооруженном восстании в ближайшие дни. В этот же день ЦК избрал Партийный центр по руководству восстанием во главе с товарищем Сталиным. Партийный центр взял под свое руководство Военно-рево-

[1] **Ленин,** т. XXI, стр. 319—320.
[2] **Там же,** стр. 330.

люционный комитет при Петроградском Совете и практически организовал все дело восстания.

На другой день Каменев и Зиновьев выдали буржуазии планы партии о подготовке восстания, опубликовав об этом письмо в полуменьшевистской газете «Новая жизнь». Они пошли на неслыханное предательство, пытаясь сорвать вооруженное восстание и предупредить контрреволюцию, чтобы она не была застигнута врасплох. Ленин в письме к партии заклеймил Каменева и Зиновьева «штрейкбрехерами» революции и потребовал немедленного исключения их из партии. Каменев был выведен из ЦК. Обоим предателям ЦК запретил выступать от имени большевиков.

С гневом и презрением отвернулись массы от подлецов, которые пытались нанести революции предательский удар.

Вся партия сплотилась вокруг ЦК, Ленина и Сталина для организации сил вооруженного восстания—против власти буржуазии.

ЦК разослал уполномоченных для организации восстания на местах. Специальные задания партии по руководству восстанием в Москве и области получил т. Ем. Ярославский.

* * *

Подготовку вооруженного восстания московская организация большевиков начала с обсуждения сентябрьского письма Ленина «Большевики должны взять власть». Это письмо, по предложению товарища Сталина на заседании ЦК от 15 сентября, было разослано в местные организации.

Собравшийся после получения письма Ленина пленум Московского областного бюро партии на своем заседании 27—28 сентября постановил: «Важнейшей задачей дня является борьба за власть... Для этого необходимо создание боевых центров в крупных промышленных городах».

Московский комитет организует на ряде совещаний обсуждение писем Ленина. Эти письма читают активные партийные работники Военного бюро МК, большевистского штаба Красной гвардии, Замоскворечья, Рогожского, Городского, Сокольнического и других районов.

Партийный актив московской организации с воодушевлением одобрял и принимал ленинские указания.

Московский и районные комитеты партии с начала октября приступили к осуществлению ряда подготовительных мер к вооруженному восстанию.

По-боевому перестраивает работу штаб Красной гвардии. Районные комитеты берут на учет здания и учреждения, подлежащие захвату в момент восстания. Ячейки и

завкомы предприятий ведут усиленную работу по военному обучению красногвардейцев. Большевики-солдаты прикомандировываются райкомами для инструктирования Красной гвардии. На заводе Михельсона рабочие-большевики в ночные часы изготовляют бомбы.

В своих письмах Ленин отводил важную роль в подготовляемом восстании Москве, как второй столице.

Ленин считал, что решающий бой пролетариат должен дать в политическом центре страны — в Петрограде, — как главном очаге революции. Но Ленин предлагал использовать любой повод для начала восстания в любом из важнейших революционных центров, к которым он относил Петроград, Москву, Гельсингфорс, Минск.

Ленин подчеркивал значение Москвы для завязки сражения за власть, исходя также и из особенностей состава московского пролетариата сравнительно с питерским.

Анализируя победу большевиков на московских выборах в районные думы, Ленин выдвигает этот факт как один из симптомов того, что «кризис назрел», что «...конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости, также и всемирной революции» [1].

Ленин писал: «Мы видим, наконец, голосование в Москве, где из семнадцати тысяч солдат четырнадцать тысяч голосуют за большевиков.

Это голосование на выборах в районные думы в Москве является вообще одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении. Что Москва более Питера мелкобуржузна, это общеизвестно. Что у московского пролетариата несравненно больше связей с деревней, деревенских симпатий, близости к деревенским крестьянским настроениям, это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый.

И вот в Москве голоса эс-эров и меньшевиков с 70 проц. в июне падают до 18 процентов. Мелкая буржуазия отвернулась от коалиции, народ отвернулся от нее, тут сомнения невозможны» [2].

Давая в своих сентябрьских письмах Питеру и Москве указание: «если нельзя взять власти без восстания, надо *идти на восстание* тотчас» [3], Ленин считал, что Москва может начать даже первой.

В первом письме в ЦК, ПК и МК 12—14 сентября Ленин писал: «Взять власть сразу и в Москве, и в Питере

[1] **Ленин,** т. XXI, стр. 235.
[2] **Там же,** стр. 238.
[3] **Там же,** стр. 293.

(неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно»[1].

29 сентября в письме к членам ЦК, ПК и МК Ленин снова подчеркивает эту мысль: «...мы имеем техническую возможность взять власть в Москве (которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью)»[2].

В двух следующих письмах, от 3 и 7 октября, Ленин снова ставит этот вопрос.

Нашлась маленькая кучка работников московской организации (Пятницкий и др.), которая заявляла, что Москва почина восстания на себя взять не может, потому что якобы не располагает твердо обеспеченной поддержкой солдат. Это после сентябрьских-то выборов!

Такова была трусливая увертка скрытых противников курса партии на восстание. Эти люди разделяли меньшевистские взгляды Рыкова — Каменева, а в дни октябрьских боев шли вместе с ними и тянули к коалиции с меньшевиками и эсерами.

Была еще одна в то время, также замаскировавшаяся, оппортунистическая группка — среди работников Московского областного бюро: Яковлева, Осинский, Стуков. Эти люди называли себя «левыми», голосовали за восстание. Но, как обнаружилось, уже в июльские дни они далеки были от большевизма. Они относились к восстанию не как к искусству, а как к путчу. Они отрицали возможность победы социалистической революции в России, шли против Ленина, за Бухариным и Троцким. Политическая идеология этих бухаринцев роднила их с «левыми» эсерами, в блоке с которыми они впоследствии и составили заговор против советского правительства.

Эти группки тогда еще скрытых врагов партии и социалистической революции прикрывали рыковцев, явно саботировавших подготовку вооруженного восстания.

Рыков, Ногин, Игнатов, возглавлявшие большевистскую фракцию Совета, не хотели подчиняться МК в вопросе о вооружении рабочих. Они подменяли это революционное дело словопрениями с меньшевиками и эсерами об утверждении устава Красной гвардии. Парламентский кретинизм Рыкова и других оппортунистов, впоследствии запродавшихся иностранным разведкам, привел к тому, что рабочие Москвы к моменту восстания почти совершенно не имели оружия, в то время как питерские рабочие по крайней мере за месяц до переворота держали в своих руках 40 тыс. винтовок.

[1] **Ленин,** т. XXI, стр. 194.
[2] **Там же,** стр. 240.

Московские большевики подводят массы к вооруженной борьбе за власть Советов

Московские большевики отбрасывают прочь штрейкбрехеров восстания и, вдохновленные историческими письмами Ленина и решением ЦК от 10 октября, сплачивают ряды пролетариата Москвы для великого октябрьского штурма.

7 октября Московский комитет решил «немедленно начать борьбу за власть», наметил «ряд революционных мер для разрешения насущных вопросов» и предложил «фракциям Советов проводить эти меры явочным путем, путем декретов, захватывая таким образом власть».

Вечером 10 октября заседала городская партийная конференция. Обсудив политическую обстановку в стране, конференция поручает МК принять меры «к приведению революционных сил в боевую готовность».

Эти постановления послужили началом проведения так называемой «декретной кампании». План ее состоял в том, что Московский Совет подготовляет и издает декреты по вопросам производства, жилищному и продовольственному. Большевики, мобилизуя на проведение этих декретов революционную активность масс, подводят их таким образом к захвату власти Советами. Обстановка борьбы диктовала необходимость властного вмешательства большевистских Советов в народнохозяйственную жизнь.

Буржуазия организовывала голод, разрушала производство, парализовала железнодорожный транспорт. Под руководством московского фабриканта и министра Временного правительства Третьякова в октябре создается «Всероссийский союз союзов» для организованной борьбы с рабочим классом. Массовое закрытие капиталистами фабрик применяется в широчайшем масштабе и выливается в грандиозный всероссийский локаут.

Об'единения капиталистов, закрывая фабрики и заводы в Москве, об'являли рабочим организациям, что столичная промышленность, ввиду разрухи, будет перенесена на юг, ближе к источникам сырья и топлива, т. е. ближе к генералу Каледину, занимавшему в то время Донецкий бассейн.

«...Русская буржуазия пошла в своей ненависти к рабочему классу дальше царя, ибо она старалась не только сохранить и укрепить гнет заводчиков и фабрикантов, но и сделать его невыносимым благодаря применению массовых локаутов» [1].

[1] «История ВКП(б)», стр. 203.

Стачечная борьба достигла в октябре своего наивысшего напряжения. Металлисты и текстильщики об'явили о возобновлении забастовки. Рабочие и служащие городских предприятий (трамвая, электростанций и пр.) решили бастовать.

Делегатское собрание милиционеров постановило присоединиться к забастовке городских рабочих. Помощник комиссара Благушинского комиссариата милиции отстранил верных Временному правительству чинов районной милиции и созвал собрание милиционеров, на котором постановлено признавать только власть Советов и передать себя в распоряжение стачечного комитета. Бастовали рабочие всех отраслей труда: железнодорожники, деревообделочники, аптечные работники, почтовые служащие, крючники и многие другие. Но стачка в условиях проводимого капиталистами всероссийского локаута уже не могла служить орудием борьбы рабочего класса.

В течение пяти дней, с 12 октября, происходила городская конференция фабричных и заводских комитетов. Подавляющее большинство фабкомов делегировало большевиков или им сочувствующих. Конференция почти единогласно приняла экономическую платформу большевиков. Исходя из решения МК от 7 октября, конференция постановила: «Советы должны теперь же своей властью декретировать удовлетворение рабочих в тех отраслях труда, где в настоящее время назревает стачка. Советы должны открыть закрытые локаутчиками предприятия и воздействовать на локаутчиков всеми мерами принуждений. Московские Советы должны послать своих делегатов в Киев, Харьков, Сибирь для координации действий против калединцев и для обеспечения центра хлебом и углем». Предлагая немедленно перейти к сосредоточению всей власти в Советах, конференция заявила, что все выработанные ею революционные меры «могут быть проведены в жизнь лишь правительством Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

В связи с решением МК, большевистские ячейки и завкомы на отдельных предприятиях создавали специальные комиссии по организации производства, устраняя от дел владельцев. На заводе Михельсона фактическим хозяином производства становится большевистский завком. Владелец предприятия и чины администрации допускаются на производство только по пропускам завкома. На заводе установлены красногвардейские посты.

На ряде фабрик («Демент», «Русь» и др.) предприниматели изгнаны, фабрики секвестрованы, созданы управления

в составе фабкомов и районных Советов. Подготавливая переход шорных предприятий Земгора в советское управление, рабочие постановили немедленно арестовать главный комитет Земгора.

Одновременно на общефабричных собраниях рабочие отчисляли из заработка средства на организацию Красной гвардии и приобретение оружия.

19 сентября об'единенный пленум Московских Советов рабочих и солдатских депутатов принял большевистскую резолюцию, декретирующую в пользу рабочего класса ряд революционных мер в области зарплаты, рабочего дня, жилища и квартирной платы и требующую приступить к сосредоточению власти в Советах.

На заводах, в казармах, на площадях городских окраин шли под руководством большевиков митинги, на которых рабочие и солдаты постановляли, что Московский Совет должен выполнить свой революционный долг и взять власть в свои руки. Шли демонстрации.

15 октября Московский комитет партии организовал восьмитысячную демонстрацию рабочей молодежи и общемосковский митинг женщин. Молодые пролетарии и трудящиеся женщины с энтузиазмом приняли приветствие Ленину и большевистской партии; они выразили свою решимость вступить в борьбу за власть Советов.

* * *

14 октября Московское областное бюро заслушало резолюцию ЦК от 10 октября и приняло ее без прений.

Бюро постановило создать органы восстания: партийный боевой центр и боевой центр Московского Совета — ревком. Устанавливается текст условных телеграмм на места, как сигнал к единовременному восстанию во всей области. На места выезжают работники Областного бюро: тт. А. К. Сафонов, М. П. Янышев и др.

Организационная работа этих товарищей внесла четкую планомерность в подготовку восстания и обеспечила Москве вооруженную поддержку ряда районов области в дни октябрьских боев.

В то же время общегородское собрание московского партактива, заслушав доклад о решении Центрального комитета, единодушно постановило мобилизовать пролетарские и солдатские массы Москвы на подготовку вооруженной борьбы за власть Советов.

Большевики использовали кампанию по подготовке выборов в Учредительное собрание для раз'яснения широким

массам крестьянства задач партии в вопросах власти, земли и мира.

Крестьяне на сходах и собраниях принимают наказы делегатам на II с'езд Советов, выдвигая основным требованием передачу власти в руки Советов.

Крестьяне села Игнатово Дмитровского уезда Московской губернии 15 октября в своей резолюции заявили, что власть Временного правительства ничем не отличается от режима Николая Романова и что они полностью разделяют лозунги большевиков.

Крестьяне Сходненской волости Московского уезда посылали делегата на с'езд Советов с приговором, в котором говорили, что они недавно стали поддерживать партию большевиков, но уже давно не верят изменникам народному делу — эсерам и буржуазным кооператорам.

Крестьяне этой волости наказывали своему представителю: твердо стоять за немедленный переход власти к Советам, а земли — крестьянским комитетам. К этому приговору присоединились и крестьяне соседней Дурыкинской волости.

18 октября Московский губернский Совет рабочих депутатов заявил в принятой резолюции, что он об'являет беспощадную борьбу Временному правительству и призывает Советы губернии к захвату власти.

Большевики подводили массы к решающему сражению за власть.

Мобилизация сил контрреволюции в Москве

Буржуазия прилагала судорожные усилия, чтобы задушить революцию. От мер экономического наступления контрреволюция переходит к подготовке военного нападения на пролетариат, идущий к власти. Против революционных крестьян Временное правительство направляет карательные отряды юнкеров, казаков и кавалерию с фронта.

Москва снова становится убежищем политических штабов контрреволюции. В октябре здесь происходят: X с'езд кадетской партии, VII с'езд кадетско-эсеровского союза городов, совещание общественных деятелей, церковный собор.

Против московских рабочих готовилась большая военная сила. С начала октября командующий Московским военным округом эсерствующий полковник Рябцев, вместе со своим помощником меньшевиком Ровным, об'езжает части округа, проводит на местах меры по разоружению революционных полков и по отправке отдельных частей маршевыми ротами на фронт.

15 октября по Московскому военному округу был отдан приказ о расформировании 16 полков, в том числе расквартированного в Хамовнических казармах 193-го пехотного запасного полка.

Вслед за тем 1-я запасная артиллерийская бригада получает приказ Ставки о выступлении на фронт.

Одновременно Ставка старается сосредоточить в Москве воинские части, верные Временному правительству.

Еще 2 октября генерал Духонин телеграфировал главкому юго-западного фронта:

«Главковерх приказал срочно перевезти железной дорогой одну из регулярных кавалерийских дивизий в распоряжение командующего округом Московского района по его указанию. О том, какая именно кавалерийская дивизия будет назначена, благоволите телеграфировать» [1].

В середине октября Ставка приказала перебросить в Калугу, поближе к Москве, 4-й Сибирский казачий полк.

Москва наводняется офицерами. С фронта и из тыловых полков Московского военного округа они приезжают для «излечения от ран» и под видом «увольнения в краткосрочный отпуск».

«Их благородия» всех степеней пребывают до времени в госпиталях и лазаретах на попечении московских дам-патронесс.

Штрейкбрехеры Октября — Каменев и Зиновьев — и их московские приспешники (Рыков и др.) действовали, как прямые шпионы лагеря буржуазии. Разглашая планы партии, эти мерзавцы вооружали буржуазию и разоружали пролетариат.

Московский городской голова эсер Руднев в двадцатых числах октября (после письма штрейкбрехеров в «Новой жизни») тайком снабжает оружием домовые комитеты буржуазных кварталов Москвы. Полковник Рябцев и его эсеро-корниловские молодцы втихомолку отбирают винтовки во многих частях гарнизона. Офицеры разбирают пулеметы и увозят их из революционных полков. Оружие переправляется в юнкерские училища.

Многочисленные военные офицерские организации, штаб формирования ударных батальонов, женский «батальон смерти», оба военных училища и шесть школ прапорщиков, расквартированных в Москве, приводятся в боевую готовность.

В Кремль с Ходынки подвозятся два артиллерийских орудия с прислугой из вольноопределяющихся и офицеров.

[1] «История гражданской войны», т. I, стр. 487.

Командование Московским округом все время торопило Ставку с присылкой обещанной Керенским кавалерийской дивизии.

20 октября округ отправил в Ставку телеграмму: «Принятие большевистским советом резолюции о немедленном захвате заводов и ожидаемому по этому поводу декрету ставит вопрос выступления большевиков и захват государственных и общественных учреждений Москве на реальную почву ближайшие дни, может быть, сегодня. Имеются сведения, что Москва явится центром выступления. Для сохранения порядка в Москве в моем распоряжении сил достаточно... для округа, где во многих местах намечаются такие же выступления, возможно, необходимо будет ваше содействие главным образом кавалерией и конной артиллерией, о чем поставил в известность военмина врид командвойск Московского полковник Кравчук»[1].

«Таким образом, московские контрреволюционеры, видимо, знали о письме Ленина, в котором он высказал предположение о возможности начать восстание в Москве. Реакция приняла свои меры, не ожидая восстания. Все это проливает свет и на дальнейшие события в Москве, где восстание затянулось на несколько дней: контрреволюция в ней успела собрать значительные силы»[2].

Информацию о письме Ленина штаб Московского военного округа мог получить только в кругах фракций исполкомов Советов. Предатели Рыков, Муралов и др. были близки к полковнику Рябцеву.

Еще ближе эта предательская кучка была к эсеро-меньшевистским лидерам в обоих исполкомах. Меньшевики Хинчук, Исув, Кибрик из исполкома Совета рабочих депутатов и эсер Шубников, меньшевик Маневич из исполкома Совета солдатских депутатов имели в лице рыковцев свою агентуру осведомителей о делах и партийных тайнах большевиков.

Вследствие того что на руководящие партийные посты в Москве в период подготовки социалистической революции удалось пробраться предателям, которые выдавали планы партии врагам, контрреволюция успела собрать особо большие силы в Москве.

Контрреволюционные партии меньшевиков и эсеров были вдохновителями всей военной подготовки белогвардейцев и юнкеров и в лице своих главарей из исполкомов обоих Советов практически участвовали во всех меропри-

---

[1] «История гражданской войны», т. I, стр. 487.

[2] Там же.

ятиях штаба округа по мобилизации сил контрреволюции в Москве.

План контрреволюции состоял в окружении Петрограда. С фронта она ставила Петроград под угрозу нашествия германских войск, а с тыла она пыталась доканать его изоляцией от провинции.

Контрреволюция рассчитывала, что, опираясь на казачьи войска атамана Каледина и корниловские части Ставки, она возьмет в клещи и с юга и с запада революционные пункты Центрального промышленного района, захватит Москву и вместе с немцами расправится с Петроградом.

19 октября прибывший в Калугу с западного фронта отряд казаков и драгун обстрелял Калужский Совет и арестовал его большевистское руководство. Карательному отряду был дан приказ разгромить еще двенадцать большевистских Советов и главным образом Московский Совет.

Это был первый удар контрреволюции, начало осуществления ее планов, направленных на разгром штаба революции — большевистской партии — и очага революции — Петрограда.

Революция спутала карты заговорщиков, смела контрреволюцию и отстояла от иноземного нашествия революционный Петроград.

Организация сил восстания в Москве

19 октября в помещении железнодорожной партийной организации на 1-й Брестской улице Областное бюро и МК партии созвали членов районных комитетов. Собранием руководили члены МК тт. Ем. Ярославский, Владимирский, Лихачев («Влас») и Землячка. Президиум огласил резолюцию ЦК от 10 октября. Руководители всех большевистских районов Москвы заявили, что массы подготовлены к вооруженной борьбе за власть Советов, что ждать больше нельзя, и целиком одобрили решение Центрального комитета о вооруженном восстании.

Приспешники Рыкова и Пятницкого что-то растерянно и обывательски бормотали о возможности «мирного исхода дела», о «неготовности» пролетариата и прочем, но их трусливые речи не встречали поддержки.

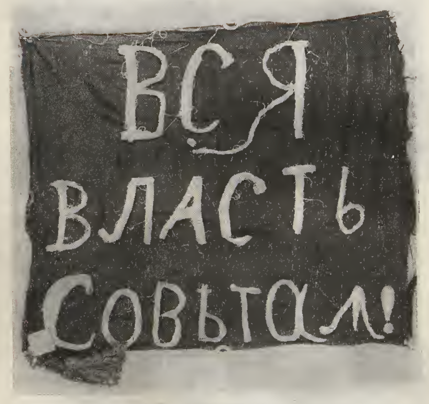
Руководящий большевистский актив Москвы единодушно принял резолюцию ЦК о вооруженном восстании как боевую директиву дня. В тот же вечер райкомы присту-

Октябрьские бои в Москве. Отряд красногвардейцев на бронированной площадке трамвая.

Октябрьские бои в Москве. Патрулирование улиц на автомобиле в Басманном районе.

Знамя отряда двинцев.

(Хранится в Музее революции СССР.)

пили к напряженной работе по подготовке сил восстания в районах.

Необычайный под'ем охватил членов партии, когда на закрытых собраниях в районах члены МК и райкомов делали сообщение о постановлении ЦК от 10 октября. Здесь трудно было открыто выступить оппортунистам. Но некоторые из них все-таки осмелились. Большевистская организация Москвы единодушно разбивала эти отдельные вылазки оппортунистов и колеблющихся.

В бывшем трактире Романова на Сухаревской площади проходило общее собрание членов большевистской партии Городского района. Обсуждался вопрос о восстании. Нашлись отдельные маловеры.

«Вы не за себя говорите: члены партии, мы знаем, к бою готовы, пойдет ли беспартийная масса?» — заявляли паникерствующие одиночки.

Им в ответ единодушно неслось:

«Идите к соглашателям. Кто против восстания, тот изменник».

Жестоко хлестали противников восстания тт. Усиевич и Подбельский. Резолюция за немедленное выступление была принята с огромным под'емом. Со сверкающими лицами, полные боевой готовности, расходились большевики организовывать массы на борьбу. Ветхие стены романовского трактира далеко за полночь оглашали звуки мощного боевого напева: «Нашей ли рати бояться...», — так рассказывается в одном воспоминании об этом партийном собрании.

Со страниц своей газеты московские большевики бросили массам боевой клич быть готовыми к вооруженной борьбе за победу власти Советов: «Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Не верьте успокаивающим речам, усыпляющим вашу тревогу за революцию, за советы... Сплотитесь вокруг советов. Отзовите из совета тех, кто не умеет, не хочет бороться с планами буржуазии, кто поддерживает правительство Керенских и Коноваловых. Товарищи рабочие и крестьяне! Организуйте Красную гвардию, приведите в боевой порядок всю свою организацию. Товарищи солдаты! Переизберите свой совет, укрепите его, чтобы он был боевым революционным органом. Пусть Москва покажет всем, кто готовится раздавить революцию, разгромив советы, что в ней солдат и рабочий встанут грудью против контрреволюционеров и найдут в себе силы не только для защиты, но и для победы.

И помните: наступление уже начато, и начато буржуазией.

Помните: вооруженному походу казаков на революционную Россию может положить конец только вооруженное восстание народа против власти буржуазии и переход власти в руки народа».

* * *

22 октября МК перестраивает свой аппарат по отраслям управления, приспособляя его к руководству государственной деятельностью Советов. На том же заседании МК постановил создать партийный центр по руководству вооруженным восстанием.

С конца сентября и до этого дня московские партийные органы вынесли в третий раз решение об организации боевых центров. Однако, органы восстания все еще созданы не были. Образование их всячески старались затянуть и сорвать рыковцы — в городской и бухаринцы — в областной организациях.

Оппортунисты на все лады старались доказать, что ни «демократ» Рябцев, ни «революционеры» эсеры и меньшевики не поднимут вооруженной руки против большевиков и что в Москве декретная кампания заменит вооруженное восстание. Меньшевистская агентура заявляла, что власть все равно будет у пролетариата по мере постепенного перехода капиталистического производства в руки рабочих. Это был провокаторский ход дезорганизаторов дела взятия власти Советами.

Вся практическая работа по подготовке вооруженных сил восстания велась под руководством членов МК тт. Ем. Ярославского, Р. С. Землячки, В. Н. Подбельского, М. Ф. Владимирского и др. и была сосредоточена в штабе Красной гвардии и в Военном бюро при МК.

По предложению военной организации, Московское областное бюро партии дало местным партийным комитетам директиву: «решительно бороться против систематически проводимого плана ослабления революционных центров путем вывода из них революционных войск». Насколько успешно партийные организации области выполнили это указание, свидетельствует тот факт, что ни один из 16 предназначенных к расформированию полков не подчинился этому приказу полковника Рябцева.

Члены МК тт. Ем. Ярославский, Лихачев, Усиевич, Подбельский, Владимирский, Емельян Маленков и др. ежедневно ведут работу в районах и в гарнизоне.

На собраниях, проведенных большевиками на Ходынке и в Хамовнических казармах, 1-я артиллерийская запасная

бригада и 193-й полк постановили не подчиняться приказу командования округом, из Москвы не выступать и ждать распоряжений Московского Совета.

Солдаты-рабочие Мызо-Раевского склада артиллерийских снарядов заявили, что передают себя в распоряжение МК большевиков. Во время вооруженного восстания, они, действительно, оказали серьезную помощь.

МК дал специальные указания членам военной организации о приведении полков в боевую готовность. Усиленная работа ведется в батальоне 56-го полка, солдаты которого несли охрану Кремля. Большевистская организация команды двинцев получила особые задания. В команде было много старых рабочих, опытных в военном деле солдат всех родов оружия. Часть из них распределяется по районам Москвы в качестве инструкторов Красной гвардии.

Штаб Красной гвардии, связавшись с большевиками—рабочими тульских заводов, — доставляет в Москву несколько небольших партий оружия.

Красногвардейцы проходят военное обучение в помещениях районных комитетов партии, кое-где на заводских дворах или, пряча оружие, уходят в подмосковные парки и в поле. Вся эта работа на больших предприятиях возглавляется партийными организаторами, прикрепленными от райкомов.

Райкомы, партийные ячейки и большевистские завкомы берут под особое наблюдение военные училища, школы прапорщиков, казармы ударников. Замоскворецкий комитет партии наметил при участии большевиков-военных из 55-го полка план занятия к моменту восстания мостов через Москва-реку. Партийное совещание в Хамовническом райкоме разработало план захвата штаба округа на Пречистенке. Партийный актив Бутырского района наметил состав Военно-революционного комитета. Большевики Железнодорожного района организовали наблюдение за прибывающими в поездах офицерами и белогвардейцами.

В штаб Красной гвардии поступили сведения, что начальник тульских оружейных заводов отправил в распоряжение городской думы несколько ящиков оружия, которое хранится у городского головы эсера Руднева.

Штаб выслал на грузовом автомобиле отряд красногвардейцев завода Михельсона для захвата оружия. Обыск в доме у Руднева, на Чистых прудах, результатов не дал. Красногвардейцы установили, что оружие эсеры успели уже раздать домовым комитетам буржуазно-аристократи-

ческих кварталов: Тверской, Петровки, Никитской и Арбата.

«Вооруженные рабочие были зачатком новой армии, организационной ячейкой нового общественного строя»[1].

* * *

Последние три дня перед восстанием пролетарская Москва дышала атмосферой вооруженной борьбы. Московская организация большевиков производила последний подсчет и смотр сил перед боем.

Вечером 22 октября открылась, под руководством т. Ярославского, конференция военных большевистских организаций Московской области.

Но, ввиду бурно нарастающих событий, 23 октября конференция закрылась, не исчерпав повестки дня. Делегаты, получив указания, раз'ехались, чтобы быть на местах к началу вооруженного восстания.

Во второй половине того же дня рабочие делегации со всех фабрик Пресненского района во главе с представителями райкома и МК большевиков двинулись на Ходынку для братания с солдатами 1-й артиллерийской бригады. На их знаменах было написано: «Да здравствует единение рабочих и солдат», «Да здравствует власть рабочих и солдат».

На Ходынском поле устроен был грандиозный митинг. Выступали тт. Ярославский и Лихачев. Солдаты заверяли, что они готовы выступить вместе с рабочими в бой за власть Советов.

В 5 часов вечера вся огромная масса участников братания с оркестрами музыки пришла на Ваганьковское кладбище, на могилу Николая Эрнестовича Баумана, замечательного большевика, погибшего в 1905 г. от злодейской руки черной сотни.

Тысячи рабочих и солдат, преклонив колена перед прахом революционного борца, клялись победить или умереть за дело пролетарской революции.

Вечером 23 октября Московский комитет партии созвал представителей районов и воинских частей гарнизона Москвы. На совещании производился подсчет сил вооруженного восстания. Особое внимание было уделено готовности революционных полков. Представители 55, 56, 85, 192, 193, 251-го запасных пехотных полков, 1-й артиллерийской запасной бригады, мастерских тяжелой артиллерии, Мызо-Раевского огнесклада, 2-й и 22-й автомобиль-

---

[1] Ленин, т. XXIII, стр. 378.

ных запасных рот и ряда ополченских дружин заявили, что солдаты выступят на вооруженную борьбу по призыву Московского Совета и Московского комитета большевистской партии. Обнаружился большой недостаток оружия в воинских частях.

Корниловцы из штаба Рябцева, эсеры и меньшевики постарались постепенно и незаметно под разными предлогами разоружить большинство частей Московского гарнизона. Представители полков начали один за другим выступать с конкретными предложениями: как поправить дело, где достать оружие и как его распределить по частям и по отрядам Красной гвардии. И вдруг из угла комнаты раздалась реплика: «Как же сражаться — голыми руками, что ли?»

Все с недоумением обратились в сторону говорившего. Оказалось, что эти слова принадлежали впоследствии оказавшемуся врагом народа О. Пятницкому.

На эту меньшевистскую капитулянтскую реплику большевистские представители полков и районов сурово ответили: «Оружие найдется, лишь бы начать борьбу».

24 октября об'единенный пленум Московских Советов рабочих и солдатских депутатов, по предложению большевистской фракции, принял «Декрет № 1». Декрет предоставлял право приема и увольнения рабочих на предприятиях фабрично-заводским комитетам. За несоблюдение декрета владельцы фабрик и заводов подлежали аресту органами Совета. Этот декрет был началом перехода Совета к властному вмешательству в дела частнособственнических предприятий.

Московский Совет на том же заседании утвердил устав Красной гвардии. Совет обратился ко всему трудящемуся населению с воззванием, которое заканчивалось следующими словами:

«Натиск со стороны врагов громаден. Вооруженные и невооруженные корниловцы наступают со всех сторон. Будем готовы, товарищи, ответить на их атаку дружной и стройной контратакой по всему фронту».

Наступал час решающих боев за власть Советов. 24 октября днем в Петрограде началось победоносное вооруженное восстание.

25 октября (7 ноября н. ст.) 1917 г. под руководством партии Ленина — Сталина свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Заседание МК 25 октября. Начало восстания. Выступление юнкеров против Совета. Районы, заводы, казармы

Утром 25 октября собрался Московский комитет с участием представителей Областного бюро и Окружного комитета большевистской партии. Повестка дня была заранее известна членам всех трех партийных органов. Предстояло создать боевые органы вооруженного восстания: Партийный центр и Военно-революционный комитет при Московском Совете. Такая структура руководства вооруженным восстанием была определена ЦК партии. Она основывалась на всем боевом опыте большевиков и диктовалась необходимостью сочетать в ходе восстания централизацию властного, безраздельно единого партийного руководства с широкой организацией вооруженных масс.

Однако, существо этого ленинского плана не разделялось частью собравшихся. Рыковцы, окопавшиеся в верхушке большевистской фракции Моссовета, мирно срастались с меньшевиками, они вели каменево-зиновьевскую линию дезорганизации восстания и всячески старались парализовать волю пролетариата к власти. Тройка-четверка бухаринцев из Московского областного бюро — люди, глубоко развращенные троцкистской идеологией, — всем нутром противились делу социалистической революции; фразерствующие гнилые скептики, они были способны на путчистское вспышкопускательство, чтобы потом спустить революцию на тормозах к буржуазной демократии. Пятницкий имел двух-трех сторонников в МК, и вначале его кучка играла межеумочную роль политического буфера, умерявшего «разногласия» между правыми и «левыми». По мере нарастания неизбежности вооруженной борьбы эта группка сбрасывала с себя стыдливое оперение и срасталась с дельцами рыковского пошиба.

Все эти группки были по численности смехотворно ничтожны. Не пользуясь никаким влиянием в партийной организации, они были чужды массам. Боязнь масс — печать ренегатов — отмечала бухаринцев и рыковцев. Как и меньшевики и эсеры, они стремились к одной и той же цели — буржуазной парламентарной республике. Вырастая из одного оппортунистического корня, они служили одному делу — делу черной измены партии, рабочему классу, широким массам народа. Рыковцы и бухаринцы прокрались к руководящим постам в партийной организации, и тем опасней было их проникновение в органы руководства восстанием.

Ядро МК — тт. Ем. Ярославский, Лихачев, Владимирский, И. И. Скворцов-Степанов, Землячка, Подбельский и др. — твердо вело московскую организацию большевиков по ленинско-сталинскому пути к вооруженному восстанию и пресекало дезорганизаторские действия предателей.

Тов. Ярославский в своем выступлении на заседании МК 25 октября предложил образовать Ревком в составе партийных руководителей, проявивших себя на партийной работе в массах рабочих и солдат, и большевистских работников низовых революционных организаций: фабзавкомов и ротных комитетов. Такой состав Ревкома был бы свободен от бесхарактерности и колебаний, имевшихся у некоторой части работников. Орган восстания при Совете, составленный таким образом, обеспечивал бы действия решительным натиском против сил мобилизовавшейся контрреволюции.

Оппортунисты увидели, что острие этого предложения направлено против них, и были вынуждены сбросить маски. Они пошли в бешеную атаку против ленинской части МК и выдвинули контрпредложение о создании «демократического органа» охраны революционного порядка, с привлечением в него меньшевиков, Рябцева и викжелевцев[1]. Адвокатам белогвардейцев дали сокрушительный отпор тт. Лихачев, Землячка, Владимирский.

МК отверг предложение о создании «демократического органа» и наметил кандидатов в орган восстания — в Ревком. Рыковцам удалось протащить в состав Ревкома большую часть своих единомышленников. Однако, попытка предателей создать свой перевес в Партийном центре кончилась крахом. Партийный центр впоследствии был пополнен ленинским ядром Московского комитета.

Большевистское руководство восстанием было обеспечено. В Партийный центр были избраны тт. Ярославский, Владимирский, Подбельский и др.

* * *

Члены МК еще не разошлись с заседания, когда около 11 часов утра из Петрограда была получена телефонограмма о том, что вооруженное восстание там победило и власть перешла в руки органа Петроградского Совета — Военно-революционного комитета.

Вслед за тем полевая военная радиостанция, находившаяся под селом Черкизово (близ Москвы), приняла сле-

---

[1] **Викжель** — контрреволюционная организация — Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожников.

дующую радиограмму: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов— Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция солдат, рабочих и крестьян!» [1]

Волнующие огненные слова этого написанного Лениным воззвания Военно-революционного комитета подымали по всей стране рабочих и крестьянскую бедноту на восстание.

Эта весть была сигналом — директивой начать повсеместо вооруженную борьбу за власть Советов. Ленинский клич распространился по рабочим кварталам Москвы, подымая повсюду дух борьбы, вселяя несокрушимую веру в победу.

Партийный центр дал телефонограммой распоряжение районам Москвы: «Немедленно на местах поставить на ноги весь боевой аппарат... Установить дежурство круглые сутки членов Исполнительного комитета. Созвать пленарное заседание Советов по возможности быстро, в крайнем случае 26 октября, завтра. Сегодня в 3 часа пленум Московских Советов в Политехническом музее. Присутствие всех обязательно».

Районам области Партийный центр посылает условные телеграммы, как сигнал к захвату власти. Партийный центр дает поручение начальнику московской Красной гвардии т. Ведерникову стянуть к Моссовету боевые силы и занять стратегические пункты.

По приказу боевого центра в 1 час 30 минут дня две роты 56-го запасного пехотного полка под руководством солдата-большевика т. Шоричева заняли почту, телеграф и междугороднюю телефонную станцию. На телеграфе т. Ведерников устанавливает большевистскую цензуру. К зданию Московского Совета и к Политехническому музею в 2 часа дня подошли роты самокатчиков. Из Замоскворечья прибыл отряд Красной гвардии и стал на пост у входов в здание Моссовета. В ряд пунктов области выезжают пред-

[1] Ленин, т. XXII, стр. 3.

ставители Областного бюро партии за подкреплением и оружием.

Уполномоченные Партийного центра направились занимать типографии буржуазных газет: «Русское слово», «Раннее утро», «Русские ведомости».

Московский комитет партии обратился к солдатам, крестьянам, железнодорожникам и почтово-телеграфным служащим с воззванием поддержать пролетариат в его вооруженной борьбе за власть.

Вооруженное восстание в Москве началось.

В 6 часов вечера открылся исторический пленум Московских Советов рабочих и солдатских депутатов. Это заседание было ареной ожесточенных схваток с меньшевиками и эсерами.

Московские большевики давали в Совете последний бой партиям контрреволюционного Временного правительства.

Меньшевики и эсеры предлагами создать из представителей всех партий Совета «демократический орган» для охраны «революционного порядка» в Москве и области, орган поддержки Временного правительства.

Члены бюро большевистской фракции Моссовета Игнатов и Смирнов пошли на сговор с эсерами и меньшевиками. На заседании бюро фракций, состоявшемся перед пленумом Советов, они приняли это предложение. Верхушка большевистской фракции Московского Совета действовала вопреки решению Московского комитета о создании боевого центра Совета — Ревкома — для восстания против контрреволюционного Временного правительства.

Ободренные этим эсеры и меньшевики нагло призывали к единому «демократическому фронту» против Петрограда.

Особенно бесило меньшевиков и эсеров то, что им приходится заседать в здании, охраняемом вооруженными большевистскими отрядами.

Лидер московских меньшевиков Исув истошно взывал к благоразумию: «Товарищи московские большевики, по крайней мере, в этом вы не должны перещеголять ваших товарищей петроградцев.... Мы должны сейчас предупредить товарищей петроградцев: если не поздно, не сжигайте корабли за собой, да не рвите демократического фронта накануне Учредительного собрания...»

«От чьего имени вы явились на телеграф? От чьего имени требовали цензуры? Прошу ответа ясного», — вопил меньшевик Исув по адресу т. Ведерникова.

«Я действовал от имени Московского комитета РСДРП

(большевиков)», — ответил т. Ведерников под аплодисменты беспартийных и большевистских депутатов.

При бурном одобрении подавляющего большинства пленума он закончил: «Теперь Совет все действия и меры, как предпринятые большевиками в военное время, признает правильными и утвердит их».

Большевистская фракция заявила, что члены партии, согласившиеся на создание «демократического органа», не отражают взглядов партии, и предложила Совету создать Ревком.

Поздно вечером 25 октября об'единенный пленум Советов рабочих и солдатских депутатов избрал орган вооруженного восстания — Московский военно-революционный комитет.

Меньшевики и эсеры увидели полное крушение своих контрреволюционных планов в Совете; здесь их песенка была спета. Они пошли к белогвардейцам и юнкерам организовывать мятеж против Совета.

В ночь на 26 октября Московский военно-революционный комитет под руководством Партийного центра приступил к дальнейшей организации сил восстания.

Вследствие того, что в Ревком проникли каменево-рыковские приспешники, и их там было большинство, непосредственное руководство военно-оперативной деятельностью осуществляли два члена военно-революционного комитета—тт. Г. А. Усиевич и А. С. Ведерников. Через этих товарищей направлял Партийный центр работу Ревкома.

Ревком обратился с воззванием к рабочим и солдатам: «Революционные рабочие и солдаты города Петербурга во главе с Петербургским советом рабочих и солдатских депутатов начали решительную борьбу с изменившим революции Временным правительством. Долг московских солдат и рабочих — поддержать петербургских товарищей в этой борьбе. Для руководства ею Московский совет рабочих и солдатских депутатов избрал Военно-революционный комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей. Военно-революционный комитет об'являет: 1) Весь Московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-революционного комитета. 2) Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-революционного комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат».

Заводским комитетам, районным советам рабочих депутатов, районным думам был отдан приказ: «Собраться и

избрать революционный центр в районе, определить, что занимать в районе (здания, помещения и т. д.), немедленно вооружаться (занимать склады оружия), связаться с революционным центром в совете и партии».

Во все районы посылаются представители Ревкома, чтобы организовать переход власти к Советам.

Тов. Ярославский в ночь на 26 октября ввел в Кремль роту 193-го полка. Одновременно по приказу Партийного центра районы направили в Кремль грузовые автомобили за оружием.

Комиссары Ревкома в районах, учреждениях и воинских частях организовывали в ночь на 26 октября победу Великой пролетарской революции в Москве.

В эти часы в Петрограде заседал II с'езд Советов. С'езд принял декрет о мире, декрет о земле и об'явил в воззвании «К рабочим, солдатам и крестьянам» о переходе всей власти в руки Советов.

«Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, С'езд берет власть в свои руки...

С'езд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок»[1].

Волею огромного большинства народа, возвещенной в ленинских словах этого воззвания II с'езда Советов, во всей стране Советы становились государственной властью.

Но Советы не везде сразу стали властью. Контрреволюция не хотела добровольно очистить землю Советов.

* * *

В 3 часа утра 26 октября юнкера, стянутые Рябцевым еще за сутки до того к Александровскому военному училищу, заняли городскую думу и манеж.

Захватом манежа и городской думы они обеспечивали себе подступы к Кремлю и его окружение.

Эти действия были началом мятежа, который подняли контрреволюционные партии эсеров и меньшевиков вместе с юнкерами и белогвардейцами, чтобы не допустить перехода власти в руки Московского Совета.

Перед Ревкомом стала задача немедленной ликвидации вооруженного выступления юнкеров. Для этого надо было

---

[1] **Ленин**, т. XXII, стр. 11.

в первую очередь вооружить рабочих. Ближайшим пунктом вооружения советских сил мог быть только Кремль с его арсеналом.

Охрану учреждений Кремля и арсенала нес батальон 56-го запасного полка. Полк был на стороне большевиков, и его кремлевский караульный батальон всецело отдавал себя в распоряжение Московского ревкома. Батальон был только что подкреплен революционной ротой 193-го полка.

В Кремле в это время, под руководством т. Ем. Ярославского, шла спешная работа по отправке оружия в районы и в Московский Совет. Из арсенала была выдана по ордеру Ревкома первая партия винтовок в количестве 1 700 штук. Три грузовика с оружием выехали из Кремля и натолкнулись на юнкерские патрули у манежа. Попытка юнкеров задержать автомобили была безуспешной. Наши машины развили большую скорость и прорвались с оружием к Моссовету.

Тогда белое командование приказало юнкерам окружить Кремль. Около 10 часов утра Кремль был оцеплен. Советские автомобили с винтовками оттуда не выпускались. Большевистский гарнизон Кремля оказался в осаде. Юнкера выпускали из Кремля только одиночек без оружия. Прибывшие из районов дополнительно несколько грузовиков в арсенал пропущены не были. Часть машин юнкера задержали, а приехавших за оружием красногвардейцев арестовали и отвели в манеж.

Действия полковника Рябцева, находившегося в Кремле, не оставляли никаких сомнений в решимости московских контрреволюционеров открыть военные действия против Совета. Тов. Ярославский дал указание комитету солдат арсенала и командованию батальона приготовиться к обороне Кремля и направился в Партийный центр для участия в выработке мер ликвидации мятежа. Арсенальцы и солдаты раскинули посты по Кремлевской стене и установили на ней пулеметы.

* * *

В районах шла боевая работа. По получении директивы Партийного центра, во второй половине дня 25 октября, райкомы образовали партийные комиссии по организации советской власти в районах и наметили состав военно-революционных комитетов. В районные Советы были вызваны красногвардейские десятки. На заводах установлено дежурство. На многих предприятиях с вечера и в ночь на 26-е проходили митинги, после которых рабочие

записывались в Красную гвардию. На ряде фабрик, например работницами Даниловской мануфактуры, в ту же ночь были организованы санитарные отряды.

С утра 26 октября собирались районные Советы. На пленумах были избраны ревкомы, в состав которых вошли руководящие работники районных большевистских организаций.

Тов. И. Батышев, работник Сущевско-Марьинского района, рассказывает: «Утром 26 октября два десятка вооруженных красногвардейцев военно-артиллерийского завода были направлены в распоряжение Сущевско-Марьинского Совета.

Районный Совет открыл свое чрезвычайное собрание. Один за другим делегаты фабрик и заводов передают волю и настроение рабочих и работниц. Массы охвачены энтузиазмом и заявляют через своих депутатов, что выступят по первому призыву Ревкома на завоевание власти Советами. В заключение на этом собрании избирается Военно-революционный комитет. В него проходят члены районного комитета партии и представители самых крупных предприятий района».

В районах занимаются комиссариаты милиции. Назначены большевистские комиссары в воинские части. На улицах в Замоскворечье, в Хамовниках, в Бутырском и других районах выставлены красногвардейские патрули. Они разоружают офицеров и буржуазию. Ячейки и завкомы организуют фабрично-заводские революционные штабы. Идет усиленная запись рабочих в отряды Красной гвардии.

Вот как проходили эти часы на замоскворецком заводе Михельсона (ныне им. Владимира Ильича) в описании одного из руководящих партийных работников заводской организации.

«Часа в 3 дня в партийный комитет завода позвонили по телефону из Московского комитета и сообщили о происходящих событиях в Петрограде, где уже были заняты вокзалы и государственные учреждения. Тут же экстренно было созвано заседание завкома, на котором постановили взять под свой контроль все телефоны завода и транспорт. Дано распоряжение сторожам, чтобы без визы завкома ничего не пропускать с завода. Тов. Стрелков был вызван в уже образовавшийся Замоскворецкий районный военно-революционный комитет и назначен от имени комитета комиссаром 55-го полка.

После информации о событиях дня я сделал следующее сообщение: «Замоскворецкий военно-революционный

комитет постановил предложить рабочим фабрик и заводов района пополнить Красную гвардию».

Когда я выходил из гранатного корпуса, где происходило собрание, у завкома уже стояла очередь рабочих, желающих записаться в Красную гвардию. Очередь начиналась от завкома, который помещался во втором этаже, спускалась по лестнице вниз и кончалась во дворе завода».

Одновременно на том же заводе Михельсона в одном из цехов рабочие разбирали стену. В ней еще с мартовских дней были замурованы полтораста винтовок. Оружие прекрасно сохранилось. Любовно и сурово брали его в руки рабочие и выстраивались в шеренги на заводском дворе.

Посланные в полки большевистские комиссары приводили в боевую готовность революционный гарнизон.

Эсеро-меньшевистский исполком Совета солдатских депутатов уже давно перешел в лагерь заговорщиков против революции и превратился в подсобный орган контрреволюции. Руководители этого исполкома (эсер Шубников и др.) в первый же день восстания открыто перешли на сторону юнкеров и во время октябрьских боев были усердными подручными Рябцева.

26 октября московский боевой партийный центр и Ревком созвали гарнизонное собрание ротных, полковых и дивизионных комитетов. Собрание постановило оказать боевую поддержку Военно-революционному комитету. Для руководства и организации сил солдатских масс на вооруженную борьбу за власть Советов гарнизонное совещание избрало временный солдатский исполнительный комитет, в котором решающее большинство принадлежало большевистской фракции. Собрание представителей гарнизона постановило: считать эсеро-меньшевистский исполком Совета солдатских депутатов упраздненным.

О готовности итти в бой под знаменами Советов солдаты заявляли еще до этого представителям Ревкома, раз'ехавшимся по казармам.

Большинство солдат с энтузиазмом становилось в ряды бойцов Военно-революционного комитета.

Один из членов ревкома 55-го полка писал в своих воспоминаниях о начале выступления следующее: «По прибытии с заседания Московского Совета ночью 25 октября я созвал полковой комитет. На заседании был образован Военно-революционный комитет полка.

Первым шагом Ревкома было издание следующего приказа:

«С сего числа полк переходит в полное подчинение Революционного комитета. Ни одно приказание кого-либо не исполнять без санкции комитета. Ни один солдат не имеет права отлучаться из казарм без разрешения полкового комитета».

С этого момента вся четырехтысячная солдатская масса почувствовала ответственность за дело революции и поддерживала сама революционную дисциплину.

Командир полка полковник Какульский собрал всех офицеров. Вызвали меня для «об'яснения». Зал был битком набит офицерами, все были страшно возбуждены.

— По какому праву вы издали этот приказ?

Я было начал отвечать, что это сделано именем революции и по праву революции, но тут на меня набросился один из офицеров. Командир полка его остановил:

— Не сметь трогать, приказываю успокоиться и слушать меня.

Офицеры гудели и не давали говорить. Я немедленно удалился.

В дверях столкнулся с группой вооруженных солдат. Пришли на случай, если бы понадобилось меня выручать.

Офицеры с этого собрания отправились в Александровское училище. Из 300 офицеров в полку осталось 8 человек. Они надели солдатские шинели и навсегда расстались с чинами и своим сословием...

26 октября позвонили из Московского ревкома и сообщили приказ: выслать одну роту к зданию Московского Совета.

Смешанные чувства овладели нами: тут была и радость, и тревога, радовались, что выступаем в бой, тревожились, что не все организовано так, как нужно.

Желающих итти в бой оказалось больше, чем требовали, и я вместо роты послал 500 человек».

Днем и с наступлением сумерок из районов начали подходить к зданию Моссовета красногвардейские и солдатские отряды.

Белогвардейский центр. Ревком вступил в переговоры с белым штабом. Деятельность Партийного центра. Ультиматум Рябцева

С утра 25 октября, при получении первых известий о победе революции в Петрограде, Рябцев начал стягивать юнкеров и офицеров в Александровское военное училище. Юнкера этого училища на собраниях потребовали немедленного выступления против Совета. Рябцев не спешил,

взвешивал шансы борьбы и сносился со Ставкой. Штаб решил: занимать постепенно ближайшие к Кремлю пункты и всячески мешать вооружению рабочих. Вечером 25 октября в городской думе образовался под председательством Руднева Комитет общественной безопасности в составе представителей эсеро-меньшевистских фракций городской думы, Совета солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов и Викжеля. Руднев в городской думе сообщил, что на него возложена обязанность: в случае ареста Временного правительства образовать новое правительство. Белогвардейский центр принял тактику Рябцева, понимая, что немедленное нападение на Совет вызовет всесокрушающий взрыв классовой ярости масс рабочих и солдат, и белые, несмотря на свои большие силы, будут стерты в порошок, а планы контрреволюции повиснут в воздухе. Эсерам и меньшевикам ничего не оставалось, как некоторое время выждать прибытия войск Ставки и тогда наступлением на рабочие районы приступить к уничтожению живой силы революции — пролетариата.

В ночь на 26 октября белогвардейский центр получил сообщение, что, несмотря на все попытки эсеров и меньшевиков сорвать II с'езд Советов, с'езд открылся и провозгласил переход государственной власти в руки Советов.

Московским контрреволюционерам стало окончательно ясно, что Временного правительства больше нет и Керенскому Петрограда обратно не отвоевать. Рябцев тогда же отдал приказ юнкерам начать выступление. Руднев в то же время послал всем городским думам и губернским земствам директивную телеграмму: «немедленно избрать делегатов, которые по первому призыву с'едутся для организации поддержки Учредительному собранию».

26 октября в Москву приехали министр Временного правительства Прокопович и помощник военного министра меньшевик Шер. В тот же день Комитет общественной безопасности вызывает всех уцелевших от ареста в Петрограде товарищей министров. Все это охвостье Временного правительства собиралось в Москве для создания нового контрреволюционного правительства, которое должен был конституировать созываемый Комитетом общественной безопасности с'езд городских дум и земств.

А между тем генералитет Ставки и эсеро-меньшевистский общеармейский комитет развернули лихорадочную деятельность по отправке в Москву войск, верных Временному правительству. Эсеры и меньшевики пытались уверить фронтовиков, что «в Москве погром», «в Москве

жгут все и режут ни в чем не повинных людей пьяные банды».

Ставка снаряжала для расправы с московскими рабочими и солдатами два кавалерийских гвардейских полка с артиллерией, казачью батарею с сотней казаков, три эскадрона драгун, две отдельные сотни казаков, девять ударных пехотных батальонов, броневые отряды и прочие части.

Начальник штаба Ставки генерал Духонин и командующий западным фронтом генерал Валуев рассчитывали, что первые крупные кавалерийские и пехотные части с артиллерией начнут прибывать в Москву 27—28 октября, о чем и сообщили штабу округа и Комитету общественной безопасности. Эшелоны войск Ставки начали продвижение к Москве. Однако, расчеты контрреволюции потерпели крах.

По пути следования (Гомель — Орша — Вязьма — Гжатск) эти войска были задержаны местными ревкомами. Большевистские ораторы шли в эшелоны и раз'ясняли солдатам, что их пытаются использовать для расправы с их революционными братьями. Поняв, что они стали игрушкой в руках контрреволюции, эти воинские части повернули назад, на фронт, а многие на месте присоединились к силам ревкома. В Вязьме и Можайске рабочие разобрали путь, не пропустив белый бронепоезд.

Тула задержала казаков. Лишь три батальона «ударников» пробились в Москву в дни октябрьских боев, но два из них, узнав, что борьба идет за советскую власть, сдались на Брянском вокзале Хамовническому ревкому.

Рассчитывая на прибытие подкреплений с фронта, белый штаб старался затянуть развязывание боевых действий путем переговоров с Ревкомом. Роль парламентера со стороны лагеря контрреволюции как нельзя лучше подходила полковнику Рябцеву. Полковник ловко умел притворяться «другом народа», убежденным сторонником «революционной демократии» и в глазах рыковцев был «своим» человеком.

* * *

Окружение Кремля юнкерами произвело среди большинства членов Московского военно-революционного комитета замешательство. Члены Ревкома, вместо решительного наступления на врага думали о том, как вступить с ним в переговоры.

Утром 26 октября, уехав со II с'езда Советов, в Москву прибыл председатель Моссовета В. П. Ногин. Он в тот период отошел от ленинской линии революции, был едино-

мышленником предателей Каменева — Зиновьева и по существу сыграл в Москве роль эмиссара штрейкбрехеров Октября. Ногин подчеркивал, что в Петрограде власть перешла к Военно-революционному комитету почти без кровопролития, а в Москве тем более дело должно обойтись мирно. Это было, конечно, бессовестное одностороннее извращение событий со стороны человека, запутавшегося в якшании с каменево-рыковской кучкой. Ясно, что именно вопреки идейным шефам Ногина — Зиновьеву и Каменеву — и только благодаря Центральному комитету, во главе с Лениным и Сталиным, в Петрограде восстание было проведено, как классический образец вооруженного штурма буржуазной власти. В силу блестящей подготовки и стремительности натиска, Центральный комитет нашей партии обеспечил быструю, без больших жертв победу социалистической революции.

Уговаривать в Московском ревкоме большинство его членов Ногину не пришлось.

Ревком постановил пойти на переговоры с белым штабом.

На переговоры к Рябцеву в Кремль, вместе с Ногиным, направились Муралов (рыковец) и Стуков (бухаринец), впоследствии оба оказавшиеся врагами народа.

Последовательно проводя свой замысел обрушить на пролетарскую Москву соединенные войска штаба и Ставки, Рябцев проявлял показное миролюбие. Он обещал не препятствовать вооружению московских рабочих, снять юнкерские роты, оцепившие Кремль, не настаивать на выводе из Кремля постоянного караула, состоявшего из пяти рот 56-го полка. Однако, взамен он просил, во избежание могущего стихийно вспыхнуть кровопролития, вернуться к исходному положению и отвести обратно в казармы подчиняющийся Ревкому, а не ему отряд солдат, занимавший почту и телеграф, и роту 193-го полка из Кремля.

Делегация Ревкома сочла это предложение успехом своей миссии. Весь вопрос для сторон состоял только в том, кто первый начнет развод войск.

На созванном вслед за тем митинге батальону 56-го полка были сообщены условия соглашения. Большинство солдат недоверчиво отнеслось к затеянным переговорам, требовало немедленно захватить рябцевский штаб, находившийся в Малом Николаевском дворце. На этом митинге солдаты пытались учинить над Рябцевым расправу. Рябцева и его штаб спас в этот день Муралов.

Проволочки и переговоры продолжались. Осада Кремля снята не была. Но Ногин на заседании Исполнительно-

го комитета Московского Совета заявил, что соглашение состоялось и московские рабочие получат оружие из арсенала.

Созданный при Московском военно-революционном комитете оперативный штаб (из военных большевиков и беспартийных, большевистски настроенных товарищей) все это время своей работы не прекращал.

По прибытии из Кремля т. Ем. Ярославского партийный центр проводит ряд боевых мер.

В 12 часов дня от имени Военно-революционного комитета районам об'явлен приказ, в котором говорилось, что штаб Рябцева перешел в наступление и надо показать белым силу революционного пролетариата. В гаражи посланы отряды для реквизиции автомобилей. Московский союз шоферов заявил, что шоферы отдают себя в распоряжение Военно-революционного комитета и будут обслуживать только Совет. Союз милиционеров вынес аналогичное постановление, предложив использовать рядовой состав милиции в качестве аппарата связи Ревкома.

Партийный центр вызвал отряд двинцев, расквартированный в госпитале близ Савеловского вокзала.

Этот отряд солдат-большевиков в количестве 300 человек прибыл к Московскому Совету, построенный с разбивкой на отделения и взводы по родам оружия (пехотинцы, артиллеристы, пулеметчики, гранатометчики, связисты, разведчики).

Из подошедших автомобилей была выделена особая колонна грузовиков и под охраной двинцев и красногвардейцев направлена в Тулу за оружием.

Спустя несколько часов двинцы, при помощи членов Тульского ревкома тт. М. Ф. Шкирятова и др., получили из Тульского арсенала оружие и привезли его в Москву.

Группы красногвардейцев отбирали в кафе и ресторанах Тверской и Петровки оружие у офицеров и штатских.

Московский гарнизон в это время имел к наличному составу полков не более 15—20% винтовок (большей частью берданок). Но в складе воинских частей находилось, наряду с небольшим запасом годного, немало испорченного оружия. Эту заваль рабочие решили ремонтировать. Красногвардейцы вместе с солдатами раз'ехались по полковым складам.

Партийный центр приказал большевистским комиссарам 192-го и 55-го полков скомплектовать, сколько возможно, вооруженных рот и выслать их к Совету. Караулы самокатчиков у Московского Совета т. Ведерников

усиливает прибывшими из районов десятками Красной гвардии.

Во второй половине дня члены партийного центра выехали в районы для руководства военной работой на местах.

Ревкомы Замоскворечья, Хамовников и Городского района напряженно следят за передвижениями юнкеров. К Кремлевской набережной, на Пречистенку, Арбат и к Красной площади высланы разведки. На крыше «Электрической станции 1896 г.» Замоскворецкий ревком установил пункт наблюдения за районом Кремля.

Вызванные партийным центром роты 192-го и 55-го полков, в количестве около тысячи солдат, выстроились перед зданием Московского Совета. Они ждали приказа Ревкома. В то время в здании Совета свободно разгуливали члены фракций меньшевиков и эсеров.

Они шпионили и вели агитацию против большевиков среди солдат, стоявших на площади. Агитация эта кончалась для них плачевно. Солдаты прикладами вытесняли контрреволюционеров, и им приходилось спасаться бегством.

Наступала ночь. Шел мокрый снег. Солдаты стояли и требовали боевого назначения. Ревком все колебался. Но, наконец, распорядился: распустить роты по казармам. Часть этих отрядов была все-таки оставлена в здании Совета.

Ревком остался глух к ряду сигналов с важнейших стратегических пунктов, находящихся под угрозой нападения со стороны контрреволюционных мятежников.

26 октября комитет рабочих Городской телефонной станции (в Милютинском переулке) писал в Ревком: почему станция еще не занята революционными частями, а охрана ее все еще остается в руках юнкеров? Рабочие просили доверить им несение караула, для чего выдать оружие. Ревком не внял этому сигналу, лишив себя тем самым главнейшего, в данных условиях, средства связи.

В тот же день Рогожско-Симоновский Совет сообщал, что имеются сведения о попытках юнкеров проникнуть в Симоновские пороховые склады, и просил занять склады войсками Совета. Ревком не принял для этого никаких мер. Спустя сутки юнкера сделали налет на склады.

Вслед за приказом, отданным в 12 часов дня о наступательных действиях, Ревком по телефону предложил районам держаться «выжидательной тактики», так как переговоры еще не кончились. Районы резко протестовали. Из Замоскворечья вечером 26 октября прибыла делегация

во главе с начальником Красной гвардии района т. Сычовым, которая потребовала немедленного прекращения переговоров с Комитетом общественной безопасности и перехода в решительное наступление на белый штаб.

Большинство Ревкома вело свою капитулянтскую линию и без оглядки шло на уловку врага.

К вечеру 26 октября член Ревкома Аросев отдал предательское распоряжение: снять отряды 56-го полка, занявшие днем раньше, по приказу Партийного центра, почту, телеграф и междугороднюю телефонную станцию (у Мясницких ворот). Солдаты приказу подчинились. Когда они уходили в Покровские казармы, юнкерские патрули занимали оставленные ими пункты. Через два дня почту и телеграф пришлось брать снова, но уже в кровопролитном бою.

В ночь на 27 октября собрался Партийный центр, совместно с Ревкомом и комиссарами районов. Ревкому на этом заседании было дано распоряжение ни в какие переговоры с Комитетом общественной безопасности не вступать, роту 193-го полка в Кремле оставить и начать, согласно оперативному плану, наступление на мятежников. На том же заседании постановлено: телеграфным распоряжением и выездом уполномоченных приготовить к выступлению в Москву отряды красногвардейцев и солдат Павловой слободы, Подольска, Орехово-Зуева, Тушино-Гучковского района и др.

Ревком явно запутался в переговорах и стал игрушкой в руках врага. Утром 27 октября рота 193-го полка была выведена из Кремля. Рябцев сумел этого добиться от Московского ревкома, продолжая все ту же, в сущности, нехитрую игру. Зная, с кем имеет дело, он просто упрекнул членов Ревкома в «нелойяльности» к нему, как представителю пусть несогласного с ними, но всё-таки определенного крыла «революционной демократии»: юнкера, мол, от Кремля отошли, а Ревком, в нарушение соглашения, свою роту там все еще держит.

Рота приказ Ревкома выполнила, но уходила, вопреки «соглашению», вооруженная винтовками из арсенала. Вряд ли она успела достигнуть Хамовнических казарм, когда юнкера снова обложили густыми цепями Кремль. Осада нашего кремлевского батальона продолжалась. Члены партийного центра почти не выезжали из районов, руководя подготовкой наступления.

У капитулянтов из Ревкома руки, таким образом, развязывались. Чтобы укрепить свои позиции против партийного центра и большевистской части Ревкома (тт. Ведерни-

ков и Усиевич), они 27 октября прибегли, вопреки прямому запрещению МК и пленума Моссовета, к кооптации.

Состав Ревкома сразу был удвоен. Оппортунисты ввели в Ревком своих единомышленников, в том числе и такую личность, как троцкист Розенгольц (впоследствии разоблаченный как шпион и расстрелянный по постановлению советского суда).

В тот же день Ревком согласился с предложением «левых» эсеров вести переговоры с Комитетом общественной безопасности о создании в Москве «однородной социалистической» власти.

Делегация «левых» эсеров предложила: вместо Ревкома создать орган «революционной демократии», в составе которого было бы 40% большевиков, 40% оборонцев (меньшевики и правые эсеры) и 20% «интернационалистов» (об'единенцы, «левые» эсеры и пр.).

По требованию Партийного центра капитулянты из Ревкома вынуждены были отказаться от этого плана, но фактически за все время боев не прекращали попыток раздела власти с контрреволюционными партиями. При посредничестве Пятницкого капитулянты вели переговоры с контрреволюционным Викжелем, непосредственно с Комитетом общественной безопасности, и с образовавшейся в октябрьские дни так называемой «нейтральной группой» социалистических партий (меньшевики разных мастей, Бунд, «левые» эсеры).

«Левые» эсеры впоследствии (в декабре 1917 г., на своем первом с'езде) сами расшифровали смысл этих переговоров, заявив, что они «играли на два фронта», «саботировали Смольный» и «задались целью раз'единить большевиков и привлечь к себе колеблющихся из большевиков».

«Левые» эсеры, явившись в Ревком на переговоры, играли роль прикрытия последних приготовлений белого штаба к переходу в активное наступление против Советов.

Офицеры пробирались к Александровскому военному училищу. В городскую думу и в электротеатр на Арбатской площади, где была комендатура и вербовочный пункт Комитета общественной безопасности, прибывали группами белые студенты и добровольцы.

Ставка сообщила Рябцеву, что гвардейские полки с артиллерией должны прибыть в столицу не позднее 28 октября. Ставка и Общеармейский комитет, видя, что в Петрограде дела белых плохи, начали торопить московский Комитет общественной безопасности.

Последние напутствия московским эсеро-меньшевикам и

белогвардейцам давал из Ставки опытный в делах усмирения революции старый царский генерал Дитерикс. По прямому проводу он преподал следующие уроки штабу: «Уличный мятеж должен подавляться быстрыми решительными действиями, не дробя своих сил по всему городу. Такой элемент, как вы имеете в юнкерах, исключительно благоприятный, не надо только утомлять их затяжкой дела, ультиматумами. Дело ясное...»

Московские контрреволюционеры решили начать военные действия против Совета.

В 7 часов вечера 27 октября Рябцев отдал приказ об объявлении Москвы на военном положении. Одновременно он послал Военно-революционному комитету следующий ультиматум: «1. Немедленная ликвидация всех действий Военно-революционного комитета и его упразднение. 2. Немедленный отзыв из Кремля караульного батальона 56-го полка. 3. Немедленный возврат вывезенного из арсенала оружия». В случае неполучения положительного ответа в течение 15 минут белое командование грозило подвергнуть артиллерийскому обстрелу здание Моссовета.

Военно-революционный комитет был ошеломлен. Он хотел «убить противника мягкостью», а противник вдруг заговорил языком артиллерийской «лойяльности».

Ультиматум Рябцева был отвергнут Партийным центром.

По распоряжению Партийного центра здание Московского Совета очищается от меньшевиков и эсеров. Ревкому было предложено немедленно вывести из своего состава всех кооптированных.

Партийный центр приказал: вызвать полки к Моссовету, районам начать наступление, Красной гвардии и революционным войскам подмосковных гарнизонов выступить в Москву.

Для руководства наступлением Партийный центр выделил уполномоченных по районам: в Замоскворецкий — т. Штернберга, в Городской — т. Усиевича, в Рогожско-Симоновский, Лефортовский, Басманный — т. Землячку и др. Специальные задания получают тт. Подбельский, Ем. Маленков и многие другие товарищи.

Партийный центр призвал к борьбе 1-ю артиллерийскую бригаду. Мызо-Раево начало отправку грузовых машин со снарядами.

Ревком направил новые силы на участки по Тверской, Дмитровке, Петровке. Наши отряды начинают входить в боевое соприкосновение с противником. У мостов в Замоскворечье то там, то здесь вспыхивают перестрелки.

Бой на Красной площади. Бой на Сенатской площади. Расстрел солдат 56-го полка

В 9 часов вечера 27 октября один из отрядов солдат-двинцев, расквартированный в лазарете на Озерковской набережной, выступил из Замоскворечья. Он шел по вызову Партийного центра к Московскому Совету. Двинцам Замоскворецкий ревком выдал винтовки, которыми располагали рабочие завода Михельсона.

В отряде было около 150 бойцов, и вел их солдат-большевик т. Сапунов. Высланная командиром разведка донесла, что все подступы к Красной площади, через которую лежал путь отряда, заняты сильными патрулями юнкеров. Отряд следовал мимо юнкерских постов, не отклоняясь от намеченного маршрута: через Балчуг, Москворецкий мост, Варварку. Близ храма Василия Блаженного навстречу отряду выступили с винтовками наперевес юнкера, силой до полуроты.

Двинцы взяли «на руку» и продолжали итти вперед. Юнкера в замешательстве остановились; расступившись, они пропустили отряд двинцев. При тусклом освещении площади, сквозь сетку дождя, видны были группы офицеров у пулеметов на Лобном месте. Сапунов отдал необходимые распоряжения. Колонна большевиков-солдат вступила на Красную площадь. Попадавшиеся навстречу группки юнкеров отбегали к Торговым рядам и к Кремлевской стене.

Около Исторического музея путь двинцам преградил отряд юнкеров в количестве свыше роты. Вперед вышел пожилой офицер в чине полковника и крикнул: «Назад, куда идете?» Сапунов пошел ему навстречу и сказал, что солдаты идут для охраны Московского Совета. Полковник заявил: «Мы сами охраняем весь центр, а также и Московский Совет», а потом, выхватив револьвер, заорал: «Сдавай оружие!» Сапунов, обернувшись к отряду, отдал команду: «Двинцы — в цепь!» Тут полковник, стреляя в упор в т. Сапунова, скомандовал юнкерам: «В штыки!» В тот же момент т. Сапунов был взят на штыки. Юнкера кинулись на двинцев.

Прогремел залп двинцев. За ним второй и следующие. Юнкера не ждали такой встречи, много их было перебито.

На помощь своим спешили юнкера со стороны Спасской башни, из проезда Александровского сада. Новые шеренги юнкеров хлынули через Иверские ворота. С Лобного места бил пулемет. Придя в себя от смятения и пер-

вых огромных потерь, юнкера открыли бешеную стрельбу. Началась ожесточенная, неравная борьба.

Когда посты солдат 56-го полка, находившиеся за зубцами Кремлевской стены, разобрались в том, что происходило на Красной площади, они открыли огонь по юнкерам. Но эта помощь не могла решить исход боя. Под градом пуль редели ряды двинцев. Принявший после гибели т. Сапунова командование солдат-большевик т. Цуцин был тяжело ранен. Бой длился 45 минут. Запас патронов у двинцев подходил к концу. Решено было: накапливаясь у Иверских ворот, внезапным броском вперед прорваться сквозь цепи юнкеров. Произошла жестокая схватка врукопашную. Наш отряд большевиков-героев потерял около половины убитыми и ранеными. Подобрав часть раненых, нанося опустошительный урон противнику, двинцы с боем пробились к Совету.

Пролилась первая кровь октябрьских битв в Москве.

* * *

В ночь на 28 октября юнкера крупными силами начали наступление. Тесня красные части, они почти вплотную подходят к Московскому Совету со стороны Никитской и Охотного ряда и ведут обстрел Совета из пулеметов, установленных на крышах домов.

Отступая перед превосходящими силами вымуштрованных юнкерско-офицерских рот, Красная гвардия и солдаты стойко обороняли Совет.

В эту ночь юнкера производят налет на 1-ю запасную артиллерийскую бригаду, увозят оттуда два орудия и приводят в негодность несколько пушек.

Одновременно они нападают на небольшой отряд самокатчиков в Петровском парке. Юнкера воспользовались тем, что главные силы самокатчиков были стянуты к Моссовету, и сожгли дотла их помещение. Отряд юнкеров, выбитый красногвардейцами из Басманного района, при отступлении поджег фабрику «Марс» (ныне им. Клары Цеткин). Рабочие фабрику отстояли.

К утру 28-го юнкера 5-й школы прапорщиков разгромили Дорогомиловский Совет и увели в плен несколько товарищей.

Позже юнкерский отряд прорвался в Симонову слободу, захватил с завода АМО три автомобиля и увез с Симоновских пороховых складов много ящиков патронов.

Действия юнкеров в центре и в районах создали непосредственную угрозу захвата здания Совета белыми.

Рано утром Ревком послал прикрытие на Ходынку. Батарея красной артиллерии, обстреляв по пути юнкеров засевших в ресторане «Яр», к 6 часам утра подходит к Совету. Батарея развертывается на Скобелевской и Страстной площадях и спустя некоторое время открывает огонь по юнкерским пулеметным гнездам на крыше гостиницы «Националь» и в других зданиях.

* * *

В эти утренние часы 28 октября в Кремле произошли события, которые открыли пролетариату глаза на то, с каким подлым, кровожадным врагом он имеет дело.

В Кремле до утра 28 октября было такое положение. Находившийся в Кремле батальон 56-го полка готовился к бою. По стенам и у ворот рассыпались солдаты и установили на башнях двенадцать пулеметов. Они держали под угрозой огня юнкеров, оцепивших Кремль. А в центре Кремля, в Малом Николаевском дворце, находился штаб Рябцева. Телефонная станция была в руках белых, и они прервали связь батальона с Ревкомом.

Единственным представителем Ревкома в Кремле в тот момент был некий прапорщик Берзин. Ревком его назначил комендантом арсенала. В 7½ часов утра Рябцев и офицеры бронедивизиона заявили Берзину, что революционные войска в Москве разоружены и что, во избежание ненужного кровопролития, он должен сдать Кремль. Солдатам надо сложить оружие и разойтись. Юнкера станут на охрану кремлевских учреждений. В случае неповиновения по революционному батальону будет открыт артиллерийский огонь.

Берзин сообщил группе солдат, что он снимает караулы, а Кремль сдает. Некоторые солдаты с криком «Изменник!» бросились было на него со штыками, но он обратил их внимание на затишье в Москве.

Ночной бой, ведшийся вокруг здания Моссовета, в это время затих. Красная артиллерия к обстрелу еще не приступила.

Солдаты требовали проверки заявления Рябцева, резко протестовали и не покидали караульных постов.

Предательство было совершено. В 8 часов утра Берзин открыл ворота Кремля.

Как взбесившиеся звери, ворвались в Кремль юнкера.

Смяв караул, они хлынули через Боровицкие, Троицкие ворота. Солдаты, не покидавшие своих постов на стенах Кремля, открыли огонь по юнкерам. В этот момент около

половины солдат батальона, после смены ночного караула, спали в казармах. Пробужденные выстрелами и криками вбежавших караульных: «Юнкера в Кремле!», солдаты вскочили и, кто в чем был, с винтовками бросились из помещения.

На Сенатской площади закипел ожесточенный бой. Роты юнкеров и офицеров с винтовками наперевес бегом двигались от Никольских и Спасских ворот. Окруженная со всех сторон численно превосходящим противником, горстка храбрецов-солдат билась до последнего патрона, билась штыками, врукопашную. На помощь солдатам кинулся отряд рабочих-арсенальцев. Но борьба была неравная. Колонна за колонной входили в Кремль юнкера. Из установленных близ Александровского училища, на Арбате, двух орудий белые произвели обстрел Кремля. Контрреволюция, впоследствии лицемерно и преувеличенно расписывавшая разрушения, причиненные большевистской артиллерией, однако, первая применила артиллерию и обстреляла Кремль утром 28 октября.

Белогвардейские снаряды перелетали и попадали в юнкерские колонны. По одному свидетельству, целая рота 3-й школы прапорщиков была уничтожена своими же белыми артиллеристами.

Происшедшее в связи с этим смятение среди юнкеров могло лишь на короткие минуты продлить геройское сопротивление солдат и арсенальцев. Ряды отважных бойцов революции таяли... Когда закончился бой, около пятидесяти солдат и рабочих арсенала остались лежать неподвижными на Сенатской площади. Убитых и раненых юнкеров было не меньше.

Бешенству белых не было предела. Как шакалы, набросились они на солдат, рыская по Кремлю. Солдат сбрасывали с кремлевских стен, кололи штыками, били прикладами и группами вели на Сенатскую площадь. Спустя полчаса после боя юнкера поставили близ арсенала обезоруженных солдат в строевую колонну. Затем, после команды «смирно», сразу с трех сторон по батальону был открыт пулеметный огонь. Одновременно из пушечного броневика белые обстреляли батальон.

Среди подвергнутых расстрелу были и рабочие-красногвардейцы, прибывшие за двое суток до того из районов в Кремль за оружием.

Приводим рассказ одного из этих товарищей, старого рабочего Пресни т. Жарова:

«Взмахнув ружьем, юнкер ударил меня прикладом в спину.

На крыльце стоит офицер, в руке держит бомбу. Взглянув на меня, схватил за горло: «Ага, вот красногвардеец! Ну, старый чорт, тебе, собаке, и смерть». Он замахнулся на меня бомбой. Но сзади меня был старичок унтер-офицер 7-й роты 56-го полка. Он говорит офицеру: «Какой это, батюшка, красногвардеец, он вчерашний день вышел только из лазарета». Офицер взглянул на меня и дал толчок в шею со словами: «Ну, иди, старый чорт».

На площади уже выстраивались обезоруженные. Я не знал, куда деваться. Становиться в строй в шубе и шляпе было как-то не с руки. Старичок-унтер не покидает меня: «Иди, становись с нами, сойдешь за солдата нашей роты».

Я стал во фронт в шеренгу. Выстроились лицом к красному зданию казарм, другая партия построилась около Троицких ворот, против арсенала. Напротив казарм остановился броневик. Времени было около $7\frac{1}{2}$ часов утра.

Раздалась команда: «У кого что есть в кармане, все вынуть и держать в руках». Я вынул портсигар, кошелек с деньгами, в котором хранился мой мандат на получение оружия. Этот мандат я тут же сунул в рот и с'ел.

Снова команда: «Руки вверх, смирно!» Начался обыск. После обыска офицеры и юнкера отошли к самой стене красного здания.

Вдруг раздалась пулеметная трескотня. Один из наших товарищей крикнул: «Ложись!» Все как один прильнули к холодным камням. Я стоял шестым или седьмым с правого фланга. Невдалеке от меня прошла струя свинцового дождя, подымая пыль.

Пулеметы замолкли. Из лежавших некоторые вскочили, бросились бежать в казарму, другие прятались за орудия и за пирамиды ядер против казарм; многие солдаты не бежали, а ползли. Я не прополз и двух шагов, как опять затрещал пулемет. Струя пуль пролетела от меня не более как на аршин. Лишь только она миновала меня и пошла дальше, я вскочил и бросился бежать.

У Троицких ворот я забежал за орудие; там уже везде сидели люди за колесами старых огромных пушек. Я прижался было к одному товарищу, потом ухватился за одну часть колеса и ногами уперся в другую его часть, вытянулся вдоль орудия. В таком висячем положении я находился десять, а может и более минут. Пулеметы и броневик тем временем продолжали расстрел солдат.

Потом раздались свистки офицеров. Кто-то кричал: «Довольно, довольно крови!» Трескотня пулеметов смолкла. Юнкера опять забегали с руганью, стали выгонять сол-

дат из казарм, выковыривая штыками и били прикладами тех, кто укрывался за орудиями.

Офицеры опять скомандовали: «Полуоборот налево, шагом марш!» Повели по направлению к Никольским воротам. Смерть была видна повсюду. На площади некоторые бросились в окна казармы. Мы пошли, а они остались лежать на площади и висеть в окнах казарм. Картина была потрясающая».

1 ноября в 12 часов дня в Московский военно-революционный комитет пришел солдат 56-го полка, убежавший от белых из Кремля. Этот уцелевший от расстрела сообщил, что «убитых осталось на площади около 250—300 человек».

Начало наступления районов. Соотношение боевых сил

Московский комитет партии, Московский Совет и Центральное бюро профессиональных союзов призвали пролетариат Москвы прекратить работу фабрик и заводов и стать на защиту власти Советов. На многих крупных предприятиях в районах работа была приостановлена уже раньше.

С утра 28 октября стала вся промышленность Москвы. Районы бурлили гневом и боевым революционным энтузиазмом. Он нарастал во все последующие дни вооруженной борьбы.

Десятки тысяч рабочих шли в райкомы партии, районные ревкомы и штабы Красной гвардии, требовали оружия. С изумительной изобретательностью и инициативой сами добывали винтовки и револьверы, обезоруживая на улицах, в ресторанах и в домах офицеров и буржуазию.

Работницы организовывали санитарные отряды. Даже дети во многих местах отважно пробирались под огнем, подтаскивая красногвардейцам патроны.

На путях Казанской дороги рабочие обнаружили вагоны с огромным количеством винтовок (40 тыс. штук). В то же время были захвачены Симоновские склады оружия и боеприпасов. Партийный боевой центр тотчас же организовал массовое вооружение районов. Большинство рабочих впервые брало в руки винтовку. Проделав тут же у Ревкома несколько ружейных приемов под руководством обученной части красногвардейцев и солдат, они шли на позиции.

Активные партийные работники московской организации шли в массы, вели красные отряды в бой.

Группа партийцев Даниловского подрайона описывает эту работу так:

«На всех фабриках Даниловского подрайона организовались боевые тройки из большевиков и активных беспартийных. Вся власть на фабриках фактически перешла в руки фабричных военно-революционных штабов. Штабами комплектовались группы от 25 до 100 человек и посылались в Ревком на Калужскую площадь. Там им выдавалось оружие, и они получали боевое задание.

Организовались дружины по охране фабрик, котельных, машин, общежитий, складов от покушений и поджогов. Охрану несли старики да молодые ребята лет по 14 и 16.

Формировались на предприятиях лазареты; санитарные отряды из девушек шли в центр к своим на помощь. Оставшиеся рабочие приносили в штабы и лазареты продовольствие, папиросы и, кто чем мог, помогали делу...

Вдруг по району прокатился слух: «Казаки едут из Каширы». А в нашем районе, верно, на шелковой фабрике Катуар стояли две сотни казаков. Моментально стали собираться группами рабочие соседних фабрик — кто с оружием, кто с бомбами, у кого что было. Пришли на фабрику Катуар, выбрали делегацию и предложили казакам сдать оружие. Они нам ответили: «Мы вам оружие сдадим, но при условии: шашки оставить нам, они наши собственные. Только дайте лошадям фураж и нам продовольствие».

Мы получили около 200 винтовок и большое количество патронов. Накормили казаков. Коням их привезли сена.

А кругом стали рыть окопы, делать проволочные заграждения. Привезли пулеметы, поставили одно орудие и рассыпались в цепь. Стали ожидать казаков из Каширы. Но боя не было. Казаки не дошли».

Это сообщение можно дополнить картинкой из воспоминаний о том, как поднялся на борьбу один из боевых пролетарских районов Москвы — Рогожско-Симоновский.

«С утра раздались по району гудки. Завод за заводом, фабрика за фабрикой бросали работу...

По Алексеевской улице, Дурному переулку, у Краснохолмского моста роются окопы, устанавливаются проволочные заграждения. По всему району расставлены усиленные патрули.

Район насторожился и ждет. Он готов принять бой. Нет только оружия. В районе всего три заржавленных берданки, несколько револьверов на руках у отдельных товарищей, какие-то кинжалы и всякий лом.

Напряженно решают комитет и революционная тройка вопрос: «Как добыть оружие?»... А наверху, на чердаке дома № 24 по Алексеевской улице, собрался Союз молодежи и решает тот же вопрос... Наконец, появилась первая повозка с винтовками из Астраханских казарм, от солдат 85-го полка. Криком радости встретила масса эту первую помощь. Началось быстрое вооружение.

В район один за другим начали прибывать грузовики с винтовками. В Совете они тотчас же разбираются по рукам. Кто не умеет стрелять, тут же наспех обучается и присоединяется к отряду. И отряд за отрядом, удовлетворенные, направились в центр. За автомобилями вооруженных отрядов движутся с фабрик обозы с продовольствием, дымятся походные кухни. Рабочие и солдаты района выступили на боевые позиции».

Москва опоясалась окопами, ощетинилась штыками. Многие дома по пути к центру таили смертельную опасность для красных бойцов. Немало красногвардейцев пало под пулями буржуазии, вооруженной через домовые комитеты городской думой. Воровски прячась, белые стреляли по красным отрядам с тыла: из окон, чердаков, из-за углов и парадных.

Загремела в центре красная артиллерия. Под ее громовые раскаты шел вооруженный пролетариат Москвы на борьбу за власть Советов.

* * *

Московский ревком вступил в борьбу, располагая следующими силами. В отрядах московской Красной гвардии насчитывалось по районам около 10 тыс. человек. Однако, красногвардейцы в первые дни боев были вооружены слабо, по преимуществу ружьями несовершенных систем и редко трехлинейными винтовками. В первые же дни восстания численность красногвардейских отрядов возросла в четыре-пять раз.

В боях за советскую власть, кроме того, принимали участие революционные солдаты следующих частей гарнизона: 55, 56, 85, 192 и 193-го запасных пехотных полков, 1-й запасной артиллерийской бригады, стоявшей на Ходынке и выставившей в бой 13 трехдюймовых орудий, 7-го Украинского дивизиона, давшего 2 тяжелых орудия, солдаты-рабочие Мастерских тяжелой артиллерии с 6 гаубицами и команда солдат-двинцев. Численность участников, по мере того как разгорались бои, стремительно нарастала, и к концу борьбы она составляла около 70—80 тыс. воору-

женных бойцов, дравшихся при поддержке всего пролетариата Москвы.

Штаб войск Временного правительства располагал в тот момент силами юнкеров двух военных училищ, шести школ прапорщиков, офицерами, сбежавшими из своих частей, и отрядами белых студентов. Всего регулярного войска, хорошо вооруженного и обученного, было свыше 15 тыс. человек.

Расположение белых войск к началу боевых действий было таково: база юнкеров — Александровское училище на Знаменке, опорные пункты — штаб Московского военного округа на Пречистенке, манеж, броневой дивизион в Кремле; в противоположных концах города: на северо-востоке, в Лефортове, — Алексеевское военное училище с кадетскими корпусами и 6-я школа прапорщиков, а на юго-западе, в Хамовниках, — 5-я школа прапорщиков.

Штурм градоначальства

Когда к утру 28 октября наступление юнкеров от Большой Никитской, Охотного ряда и Театральной площади было приостановлено, обозначилась опасность обхода Совета с тыла.

Юнкера нажимали со стороны Тверского бульвара. План их состоял в том, чтобы замкнуть охват Совета путем соединения с офицерско-юнкерскими отрядами, наступавшими по Мясницкой, Неглинной и Петровке.

Опорным пунктом этой операции было градоначальство (на Тверском бульваре), где Рябцев сосредоточил несколько сот юнкеров с пулеметами. Ревком в эти часы был уже почти отрезан от районов.

На городской телефонной станции хозяйничали белые. До ночи 27 октября связь кое-как поддерживалась через телефонную установку градоначальства, благодаря содействию правления союза милиционеров, целиком перешедшего на сторону Ревкома. Но и это средство связи нарушилось: градоначальство было занято юнкерами.

Через узкую щель Тверской у Триумфальных ворот проскакивали конные связисты и мотоциклетчики, подвергаясь обстрелу из угловых домов площади. Они долго кружили по Садовому кольцу, чтобы доставить распоряжения Ревкома в районы и привезти оттуда донесения.

С утра 28 октября Страстная площадь с прилегающими к ней зданиями очищается от белых. В Страстном монастыре красногвардейцы захватили пулемет противника. Он тут же был установлен в направлении Тверского бульвара.

Баррикады у Городской телефонной станции (Милютинский переулок).

Пикет красногвардейцев.

Митинг в деревне.

С картины художника П. В. Васильева.

Двинцы разоружили белогвардейскую дружину в доме Нирензее, самом высоком здании в районе Тверской, и из пулемета начали обстрел градоначальства.

Командующий боевым участком сгруппировал подходившие колонны Красной гвардии и солдат в три сводных отряда.

Первый, состоявший из солдат разных полков и красногвардейцев, главным образом Замоскворечья и Сокольников, был двинут в контрнаступление по Тверскому бульвару. Второй отряд был направлен дворами в обход и занял дома по Тверскому бульвару напротив здания градоначальства. Третий отряд — солдат-двинцев и рабочих — получил задание атаковать противника со стороны Большого Гнездниковского переулка.

Градоначальство было окружено с трех сторон.

В полдень со Страстной площади ударила артиллерия. Она била шрапнелью по наседающим от Никольских ворот офицерско-юнкерским цепям. Заработали пулеметы у памятника Пушкина.

Красные бойцы пошли в наступление.

В этот день Тверской бульвар стал главной боевой артерией.

Вдоль и поперек его лился поток пуль.

Группа двинцев, невзирая на ожесточенный пулеметный огонь белых, подобралась к самому зданию градоначальства и забросала его гранатами. Этот подвиг стоил жизни трем храбрецам.

К вечеру, под угрозой артиллерийского обстрела, градоначальству предложено было сдаться. Полковник, командовавший белыми, ждал от Рябцева подкрепления и отказался капитулировать.

Вскоре белые начали делать вылазки. В градоначальство один за другим пробились два новых крупных отряда юнкеров и белогвардейцев. Активность противника на этом участке была частью его наступательских действий, предпринятых на всем секторе от Охотного ряда по Тверской, Дмитровке и от Никитской улицы по ее переулкам в направлении здания Совета. С 4 часов дня юнкерские цепи волна за волной пошли здесь в стремительные атаки. Наши части с боями отступали. Особо ожесточенный характер носили бои по Леонтьевскому, Газетному и другим переулкам. Юнкера переняли у наших войск тактику подвижного боя с крыш. У них было в этом отношении то преимущество, что на крышах они могли разместить много пулеметов. У нас была в пулеметах большая нехватка, зато ходынские артиллеристы после пристрелки метко по-

давляли пулеметные гнезда противника. Иногда нашей артиллерии приходилось бить по чердакам прямой наводкой на разрыв. Так было и в этом сражении.

Передвигая пулеметы с крыши на крышу, юнкера заняли ряд близлежащих к зданию Моссовета домов со стороны переулков Никитской улицы и начали в упор обстрел Совета.

В связи с этими наступательными действиями юнкеров, часть членов Ревкома поставила вопрос о немедленной эвакуации Московского Совета и переходе на Сухаревскую площадь, в штаб Городского района.

Партийный центр во-время пресек это капитулянтское поползновение, которое грозило дезорганизацией управления войсками Совета.

К исходу дня 28 октября красные части, при поддержке артиллерии, остановили натиск юнкеров и перешли в наступление по всей линии фронта Тверской — Никитской улиц.

С утра 29 октября красная артиллерия начала обстрел градоначальства. Первые выстрелы были неудачны. Почти на всех ходынских батареях, участвовавших в октябрьских боях, офицеры похитили таблицы стрельбы еще до вывоза орудий к огневым позициям. Но вскоре красные артиллеристы пристрелялись, и снаряды стали поражать цель.

Всем трем отрядам было приказано итти на штурм.

Короткими бросками красногвардейцы и солдаты ринулись по Тверскому бульвару к градоначальству.

В группе сокольнических рабочих плечом к плечу шли на штурм два юных друга, члены Союза молодежи «III Интернационал» — тт. Барболин и Жербунов. Стреляя по белым, они быстро продвигались вперед.

Вот уже осталось несколько саженей до ворот градоначальства. С уст обоих сорвался клич «ура».

Взметнулась навстречу огненная полоса белогвардейского свинца, и оба друга пали смертью храбрых.

Смолкнувшее «ура» героев было подхвачено. Оно раздалось со стороны Большого Гнездниковского, откуда красногвардейцы и двинцы уже врывались во двор градоначальства. Красный отряд, расположенный в домах на Тверском бульваре, стремительно выскочил и ударил во фронт белых. «Ура» гремело по бульвару.

Юнкерские пулеметы смолкли...

Через десять минут красногвардейцы конвоировали к Совету свыше двухсот разоруженных юнкеров и белогвардейцев из здания градоначальства.

* * *

Направление удара красных сил было перенесено на важный стратегический рубеж октябрьской вооруженной борьбы в Москве — Никитские ворота.

По всем правилам фортификационного искусства юнкера соорудили здесь, на пересечении площади с Большой Никитской улицей, блиндаж и устроили в несколько рядов заграждения из колючей проволоки. На здании кинотеатра «Унион» и в угловых домах они расставили пулеметы и бомбометы.

Наступление красных войск на этот укрепленный район белых велось с двух сторон — с Пресни от Кудрина и Садовой по Поварской, Большой Никитской, Бронной улицам и от Страстной площади по Тверской бульвару, с подсобным направлением обхода по Газетному и другим переулкам, соединяющим Большую Никитскую с Тверской.

За обладание Никитскими воротами сражения велись почти беспрерывно в течение семи дней.

«Перемирие»

Грозный вал пролетарского наступления неудержимо катился из районов к центру, сметая врагов.

29 октября инициатива наступательных действий полностью переходит в руки войск Военно-революционного комитета. Юнкера зажаты в кольцо, которое с каждым часом все суживается.

Штаб белых старается выиграть время и предлагает прекращение боя для выработки условий мира. На выручку Комитету общественной безопасности выступает «нейтральный» Викжель, который требует, под угрозой приостановки железнодорожного движения с 12 часов ночи на 30-е, «немедленно остановить гражданскую войну».

Московский ревком дал согласие на переговоры, и в ночь на 30-е об'является перемирие сроком на сутки.

В царском павильоне Николаевского (ныне Октябрьского) вокзала, на совещании образованной Викжелем согласительной комиссии по выработке условий «мира», представители Военно-революционного комитета — Муралов и другие из числа «кооптированных» по всей линии идут на уступки белогвардейцам. Они согласились даже принять требование Викжеля о создании коалиционной власти, с перевесом для организаций, поддерживающих Временное правительство (городская дума, Совет солдатских депутатов, исполком Совета крестьянских депутатов, почтово-телеграфный союз, Викжель). Партийный центр и

Ревком отвергли викжелевский проект соглашения. Партийный центр категорически потребовал: никаких переговоров с врагом не вести, приступить немедленно к его полной ликвидации, удалить всех «кооптированных» (они все еще оставались в Ревкоме), явно дезорганизующих работу Ревкома.

Кучка трусов и предателей продолжала искать «мирного исхода». Они не прекратили закулисных переговоров с врагами.

Представители Ревкома вместе с парламентерами Викжеля приходили на позиции и, об'явив приказ о перемирии, требовали от рабочих и солдат прекратить боевые действия.

Эта мера мотивировалась некоторыми также тем, что огонь красной артиллерии наносит разрушения зданиям и историческим памятникам.

«Камни жалеете, а людей не жалеете», — с горькой укоризной отвечали бойцы и нехотя прекращали стрельбу. Они не оставляли постов, зорко следя за поведением противника.

Ряд районных ревкомов заявил в Московский ревком протест против об'явленного перемирия. На деле оно и не состоялось.

В 5 часов 45 минут утра 30 октября смешанная комиссия Московского ревкома и Комитета общественной безопасности по выработке «нейтральной зоны» на время «мирных» переговорах подписала протокол.

Парламентеры обеих сторон направились устанавливать «нейтральные зоны» на месте и делать развод войск. Когда группа парламентеров пришла в район Никитской улицы, юнкера встретили ее залпами. Представитель Ревкома был ранен.

Не прошло и часа с момента подписания протокола о «нейтральных зонах», как Ревком в 6 часов 35 минут утра издал приказ: «Мы верно исполняли все условия перемирия, а наши враги их нарушили.

На Брянский вокзал явилось 155 человек солдат-ударников с офицерами, забрали винтовки, которые на вокзале были, видно, для них приготовлены, арестовали коменданта, оставили охрану и отправились в Кремль. Условия ими нарушены. Надо готовить отпор... Скорее, время не терпит. Дорога каждая минута. Скорей на помощь».

Произошло следующее. Командование белых ждало прибытия с фронта ударного «батальона смерти». Для встречи его вышла к Брянскому вокзалу белая разведка и, выдав себя за солдат 193-го полка, прошла через линию

наших отрядов. Вооружив «батальон смерти», юнкера на обратном пути, вместе с ударниками, внезапно напали на красногвардейцев, охранявших Бородинский мост, одних сбросили в реку, других перебили, а часть взяли в плен. Попутно юнкера разгромили 2-й Хамовнический комиссариат милиции.

Спустя два часа офицерско-юнкерские части перешли «нейтральную зону», установленную условиями перемирия у Никитских ворот, и двинулись в наступление по Тверскому бульвару.

Юнкера окружили занятый нашими отрядами дом, который замыкал Тверской бульвар (ныне там стоит памятник Тимирязеву). Взяв эту нашу позицию под перекрестный пулеметный огонь, юнкера пошли в наступление. Красные бойцы били врага в упор. Несколько атак было отбито с большими потерями для противника. Один отряд юнкеров ворвался в дом. Борьба закипела внутри здания и вне его. Большую часть юнкеров внутри дома наши бойцы перекололи штыками. Юнкера продолжали наседать. Со Страстной площади в наступление пошли все оказавшиеся здесь к этому моменту красногвардейцы и солдаты, включая и бойцов артиллерийского прикрытия. Разгорелось жаркое сражение. Наши артиллеристы бросались к орудиям, но им напоминали о приказе Ревкома: огня во время «перемирия» не открывать.

Несмотря на прямое запрещение некоторых членов Ревкома — из рыковских подголосков, — старавшихся «лойяльно» соблюдать условия «перемирия», артиллеристы плюнули на «перемирие», и орудия заговорили. Бой длился до ночи. Все попытки противника продвинуться вперед были ликвидированы.

* * *

Никитские ворота были ключевой позицией всего западного сектора военных действий. Этот пункт прикрывал подступы к оперативной базе белых — Александровскому военному училищу и к Кремлю.

Этот рубеж белое командование все дни вооруженной борьбы пыталось использовать, чтобы прорваться к вокзалу Александровской дороги, навстречу двигавшимся по ней эшелонам войск Ставки.

И большевики и белые в одинаковой мере оценивали важность обладания этой позицией.

Штаб белых располагал двумя легкими орудиями, стоявшими на Арбатской площади, и одной пушкой, находившейся в Кремле.

Снарядов у белых было в обрез. Весь их запас они расходовали на обстрел зоны Никитских ворот. Туда от времени до времени они били шрапнелью по наступающим революционным войскам. С другой стороны, и красное командование бросало к Никитским воротам крупные силы. Здесь, помимо Пресни, сражались рабочие почти всех районов Москвы.

Прорыв фронта в Хамовниках, у Бородинского моста, к Брянскому вокзалу и стремительный переход юнкеров в наступление у Никитских ворот раскрывали планы белых.

Перемирие 30 октября им нужно было для выигрыша времени. На этот день Ставка намечала прибытие контрреволюционных эшелонов в Москву. Перемирие им нужно было для того, чтобы постараться усыпить бдительность красных сил. Они рассчитывали, что этот маневр поможет им прорваться к вокзалам, чтобы обеспечить выгрузку подкреплений с фронта. А это было их последней надеждой.

Зажатые в тисках мощного наступления рабочих и солдат, подавленные красной артиллерией, белые были обречены.

Большинство юнкеров были отпетыми корниловцами. Видя, что их дело проиграно, они неистовствовали в расправах над безоружными пленными.

«Золотая молодежь» нисколько не смущалась ремеслом заправских громил. На Большой Никитской улице они разбивали витрины и, вламываясь в магазины, расхищали что попадало под руку.

«Интеллигентное» войско, защищавшее Кремль, при бегстве из него разгромило Окружной суд.

Юнкера добивали раненых красных бойцов и применяли при обстреле пули «дум-дум».

Оставшихся в живых после расстрела 28 октября солдат 56-го полка белые морили голодом.

Некоторые пленные содержались в особом арестном помещении в городской думе. Двое таких товарищей впоследствии рассказывали, как в белогвардейскую кутузку заглядывал «сам» Руднев. Увидев, что пленным дали есть какую-то бурду, «отец города» спросил у стражи: «Это что?» Юнкер ответил: «Обед». Руднев подергал плечами и приказал: «Никаких обедов этой публике».

В районе Поварской юнкера захватили на крыше одного дома трех молодых красногвардейцев Пресни. Хотели было прикончить на месте, но раздумали. Взяли этих то-

варищей за руки и за ноги и под дикий хохот выбросили с четвертого этажа на мостовую.

Пленных, попавших в Александровское училище, юнкера по ночам в одиночку и группами уводили и расстреливали.

Не будучи уже в силах удержать Кремль, они выпускали арестованных солдат так, чтобы пленные попадали под огонь своих же войск.

Группу пленных красногвардейцев юнкера не освободили, сказав, что они это сделают позже. Впоследствии оказалось, что эти товарищи были расстреляны.

Для белогвардейских молодчиков даже их шеф — корниловец Рябцев — был слишком левым. Еще 26 октября утром собрание юнкеров Александровского училища делало предупреждение своему командующему, что «если Рябцев не будет действовать активно, сменить его и назначить другого».

Среди юнкеров начиналось разложение. 1-я школа прапорщиков отказалась принимать участие в вооруженной борьбе и об'явила нейтралитет. Вся школа была арестована в Кремле.

Казаки заявили о своем нейтралитете еще до начала боевых столкновений.

Казачья сотня была за это арестована в Александровском военном училище. Первыми пленными московской белогвардейщины были казаки, отказавшиеся поднять оружие против Советов. В Украинском бронедивизионе, стоявшем в Кремле, шла борьба: солдаты препятствовали выступлению бронемашин против Советов. Несколько броневиков все-таки выбралось из Кремля для участия в боевых операциях против сил Ревкома. Прислуга броневиков была составлена из офицеров.

Понятно, что в такой обстановке взоры белых обращались к двум «спасительным» вокзалам.

Но дорогомиловские рабочие, подкрепленные отрядом солдат 193-го полка и прибывшими из Орехово-Зуева красногвардейцами, сомкнули фронт и пошли цепями вверх, к Смоленскому. А огнем красной артиллерии со Страстной площади юнкера были отброшены от Никитских ворот.

Расчет контрреволюционного штаба под покровом «перемирия» завладеть вокзалами потерпел крах.

Вероломство юнкеров вызвало мощный взрыв классовой ярости рабочих и солдат. Сокрушительный натиск красных войск нарастает в ускоряющемся темпе.

Взятие Алексеевского военного училища. В Крутицких казармах. Пролетарская Симоновка.

На северо-восточной окраине Москвы, в Лефортове, юнкера Алексеевского военного училища и кадеты старших классов готовили удар по тылам восставшего пролетариата.

Рота юнкеров-алексеевцев прошла еще до начала боевых действий к центру и выступила против Совета.

Оставшиеся в Лефортове белогвардейцы создавали серьезную угрозу на флангах и в тылу трех пролетарских районов: Благуше-Лефортовского, Рогожско-Симоновского и Басманного. Белогвардейцы, насчитывавшие в своих рядах свыше 800 человек, были хорошо обучены военному делу и вооружены до зубов.

Помышляя о прорыве, юнкера в первую очередь озаботились подготовкой зданий училища и кадетских корпусов к осаде. Они рыли окопы, сооружали проволочные заграждения, ставили бомбометы и пулеметы. В обширном Дворцовом саду казарм залегли юнкерские цепи и команда белых гранатометчиков.

В такой обстановке силы трех крупнейших рабочих районов не могли быть полностью брошены к центру столицы.

Партийный центр поручил т. Землячке покончить быстрее с лефортовскими юнкерами и прислать подкрепления в Московский Совет.

На помощь Хамовникам выступил к Смоленской площади отряд лефортовских рабочих.

В направлении к Варварке отправился отряд рабочих Золоторожского трамвайного парка во главе с т. Афоничевым. Пятьсот солдат 85-го запасного пехотного полка двинулись к позициям в район Мясницкой улицы. В центр требовались новые и новые бойцы. Поэтому надо было быстро кончать с лефортовским форпостом белогвардейщины.

Вечером 28 октября собрались в Фанагорийских казармах на Немецкой улице представители Благуше-Лефортовского, Рогожско-Симоновского и Басманного районов и выработали план ликвидации гнезда контрреволюции — Алексеевского военного училища.

Боевая задача состояла в том, чтобы одновременным наступлением Красной гвардии и солдат трех районов окружить и вынудить юнкеров к сдаче.

С 10 часов вечера Ревкомы подтягивают красных бойцов к позициям.

Рабочие-солдаты Мастерских тяжелой артиллерии выставили на берегу реки Яузы легкую пушку и близ военной тюрьмы — батарею двухорудийного состава. Два легких орудия были поставлены на Вознесенской улице в одном из дворов и одно — у Гаврикова переулка.

Подошли в строю лефортовцы, потом красногвардейцы Рогожского района во главе с членом райкома т. Прямиковым. Прибыл отряд рабочих Басманного района. Среди его бойцов были члены военно-революционного штаба — большевики Шитов и Стефановский.

Около двух рот солдат 85-го пехотного полка и самокатчиков рассыпалось в цепь вместе с красногвардейцами. Весь район вокруг училища был изрыт окопами.

Когда на Матросской Тишине, Преображенской площади, на Генеральной и других улицах Благуше-Лефортовского района рабочие и солдаты-саперы закончили сооружение окопов и баррикад, они тоже подошли к месту боя.

К началу штурма, назначенного на утро 29 октября, собралось всего свыше тысячи бойцов. Но только половина держала в руках винтовки и берданки. Лишь спустя два часа после начала боя с Казанского вокзала прибыли грузовики, и красные войска получили большое количество трехлинейных винтовок.

В то же время красногвардейцы разоружили команду вольноопределяющихся телеграфно-прожекторного полка, помещавшуюся неподалеку от районного центра руководства боевыми действиями — Введенского народного дома. Потом взяли оружие у стариков-солдат ополченской 661-й дружины.

На рассвете красные войска ждали орудийного выстрела. Он был условным сигналом к наступлению. Прислуга сигнальной пушки все медлила. Ожидание томило бойцов.

Вдруг по команде красногвардейского начальника из окопа на кадетском плацу выскочила группа рабочих и с винтовками наперевес кинулась в атаку на 2-й кадетский корпус. Белогвардейцы молчали.

Ворота корпуса были наглухо заперты, и красногвардейцы побежали вдоль стены к Дворцовому саду. Часть отважных бойцов перепрыгнула через забор. Раздались выстрелы. Это смельчаки наткнулись на посты кадетов и завязали с ними перестрелку. Кадеты побежали. Прячась в стенах корпусов, они открыли залповый огонь по наступающей цепи красногвардейцев. В это время остальные от-

ряды красных войск начали ружейный обстрел военного училища и кадетских корпусов, Ударила артиллерия. Началась осада белогвардейской крепости.

Юнкера отвечали огнем пулеметов, установленных на крыльце и в окнах здания училища. Очередями шла пальба из дома офицерского общежития. Белые ввели в действие бомбометы. Начавших накапливаться в Дворцовом саду красногвардейцев кадеты забрасывали гранатами.

Под прикрытием пулеметного огня юнкера делали вылазки, переходили несколько раз в наступление.

Врагу помогала диверсионная работа его лазутчиков. По красногвардейцам то и дело стреляли белые, затаившиеся в домах улиц, прилегающих к месту сражения. Раненые и убитые появились не только на линии огня, но и в тылу красных.

Артиллеристы делали наводку через дула орудий. Стрельба давала редкие попадания и не наносила урона противнику. Оказалось, что панорамы и угломеры у всех шести орудий были похищены.

После того как в течение ночи группа рабочих Мастяжарта перерыла все мастерские, эти прицельные приспособления были найдены. Их прятал один подпоручик, служивший в мастерских артиллерийским техником. С 10 часов утра, когда на батарею были доставлены панорамы и угломеры, красные пушки без промаха клали снаряды по огневым точкам противника. Вот на крыльце училища взметнулся огненный столб артиллерийского разрыва. Пулеметное гнездо юнкеров было уничтожено.

Рабочие и солдаты выходили по команде из окопов и перебежками шли в атаку на кадетские корпуса и военное училище.

Отдельные бойцы падали убитыми и ранеными. К ним спешили, не страшаясь огня, работницы — красные санитарки. Этим отрядом санитарной службы руководил активный партийный работник Благуше-Лефортовского района т. П. П. Щербаков. Он был тут же, в цепи наступающих. Но вот он зашатался и упал, сраженный белогвардейской пулей.

Бой разгорался все жарче.

Барчуки не выдержали напора красной атаки.

Вскоре над 2-м кадетским корпусом появился белый флаг. На плац вышел офицер-парламентер. Корпус сдался. После нескольких неудачных вылазок капитулировал и 1-й кадетский корпус.

Фронт сократился, но бой длился с еще большим и все нарастающим ожесточением.

Молодые дворянчики хвастливо заявляли: «В училище войдете только через наши трупы».

Генералы, руководившие юнкерскими силами, утверждали, что «здание училища неприступно...»

Но красное командование решило дело по-иному.

В помещение сдавшихся кадетских корпусов были введены четыре крупных сводных отряда красногвардейцев и солдат.

Из окон, чердаков, из всех удобных укрытий красные бойцы повели ураганный огонь по 3-му кадетскому корпусу и Алексеевскому военному училищу.

Посовещавшись, ревкомы трех районов сразу направили половину вооруженных пролетариев в распоряжение Московского ревкома для борьбы против белых в центре города.

Оставшиеся отряды были стянуты в кольцо и стали готовиться к штурму. Все шесть орудий перенесли огонь на Алексеевское училище.

Над гнездом белогвардейцев рвалась шрапнель. От взрыва снарядов здание Алексеевского училища окуталось пылью и разлетающимся мелким щебнем.

Юнкера уже не вылезали из своего логова, они яростно отбивались пулеметным огнем.

Спустя три часа они выкинули белый флаг. Подошедший к красным позициям парламентер попросил советское командование на переговоры. Когда представители военно-революционного штаба вошли внутрь здания, группа юнкеров пыталась поднять их на штыки.

Переговоры были безрезультатны.

Бомбардировка лефортовского бастиона контрреволюции возобновилась. Несколько раз красногвардейцы и солдаты храбро бросались в атаку, нанося потери противнику. Однако, на стороне белых было стратегическое превосходство: осаждаемые здания находились на возвышенности и господствовали над окружающей местностью. Юнкера были защищены прочными стенами. Они располагали значительным количеством пулеметов, что в описанных условиях давало белым большое тактическое преимущество. Помогла белым и погода. Шел снег в перемежку с дождем. В окопах красных стояла вода.

Большевистское упорство и героизм советских бойцов сломили сопротивление белогвардейцев.

На исходе вторых суток осады, в 12 часов ночи 30 октября, Алексеевское военное училище и 3-й кадетский корпус капитулировали. Юнкера были разоружены и спустя сутки посажены в военную тюрьму.

* * *

В тот момент, когда лефортовские орудия затихли, советская пушка на Скобелевской площади гулко разорвала тишину ночи. Этим выстрелом Московский ревком возвещал, что «перемирие» кончилось и настало время решительного наступления.

Бойцы красного Лефортова выстроились и во главе с партийным руководством всех трех районов двинулись к центру.

Тыл был обеспечен ранее расставленными красногвардейскими патрулями и двумя тяжелыми орудиями у Введенского дома, которые держали под боевым контролем три сходящиеся в этом месте железные дороги — Казанскую, Ярославскую и Николаевскую — на случай продвижения по ним эшелонов контрреволюции.

Но в более глубоком тылу, на востоке, в пролетарской Симоновке, сидела еще одна белогвардейская заноза. Окруженная симоновскими рабочими, 6-я школа прапорщиков в Крутицких казармах отказалась сложить оружие.

Утром 31 октября к Крутицам были подвезены из Лефортова два орудия. Их послал симоновцам Рогожский военно-революционный комитет.

В ту ночь, когда с Алексеевским военным училищем было покончено, в Симоновке произошло одно событие. С завода «Динамо» в подрайком большевистской партии пришла группа стариков-рабочих и предложила провести от заводской осветительной сети электрические провода по Симоновской улице. Эта мера диктовалась необходимостью облегчить работу сторожевых постов и тех красногвардейских отрядов, которые несли охрану пороховых складов. Темнота была выгодна врагу. Под ее покровом юнкера могли повторить свой налет на патронные склады. 6-я школа прапорщиков была под боком и угрожала вылазками и диверсиями.

Подрайком партии согласился с предложением старых динамовцев, и работа закипела.

В эту ночь Симоновка засияла электричеством.

Городская окраина, исстари погруженная по вечерам во тьму, получила впервые электрический свет в самый разгар октябрьских боев за власть Советов. Это было осуществлено по мысли большевиков-рабочих, руками восставших рабочих.

Великую созидательную силу пролетарской революции рабочий класс раскрывал уже в самом ходе вооруженного свержения капиталистического строя.

Ранним утром 31 октября густой октавой тревожно и торжественно ревел гудок завода Бари.

Красная гвардия Симоновки была уже на месте. Торопливо прибывали со всех концов рабочие. Крутицкие казармы были обложены плотной стеной вооруженных пролетариев. Представители подрайонного Ревкома вошли в ворота 6-й школы прапорщиков.

Юнкерская разведка успела уже донести, что дула двух советских орудий повернуты к казармам.

Воины контрреволюции робко и растерянно встречали членов Ревкома. Без долгих разговоров юнкерский комитет заявил, что школа сдает оружие.

* * *

Симонова слобода стояла грозным форпостом восставшего пролетариата, прикрывая с востока подступы к Москве. Симоновцы затратили немало сил, в частности, на то, чтобы сохранить Окружную дорогу в руках Московского ревкома.

Но и сам по себе этот район играл роль важной транспортной базы восстания.

Три-четыре десятка амовских грузовиков и несколько легковых автомобилей служили одним из главных перевозочных средств в дни восстания. Амовские красногвардейцы-шоферы обслуживали связь между районами и Московским ревкомом и были неуловимыми для врага разведчиками. Они блестяще обеспечивали переброску красных сил на боевые позиции, подвоз оружия и продовольствия, а также санитарную службу.

Совершенно исключительную роль сыграла пролетарская Симоновка как мощный источник питания красных войск боевыми припасами. Взятие Симоновских пороховых складов с их громадным запасом ружейных патронов и захват на Казанском вокзале целого поезда с винтовками открыли для всех районов Москвы возможность обрушивать на юнкеров ливень свинца.

Принудив к сдаче осажденных в Крутицких казармах юнкеров и укрепив тем самым свой тыл, симоновские красногвардейцы по распоряжению Ревкома выступили на вооруженную борьбу в центр.

Симоновцы вместе с красногвардейцами всех районов Москвы отважно дрались в двухдневных заключительных боях за обладание Кремлем.

Прорыв белогвардейского броневика к Московскому Совету. Советский аэроплан над Москвой.

К утру 31 октября сильные бои развернулись по рубежу: Никитская улица — Охотный ряд — квартал московских театров. Главные силы Ревкома были брошены сюда. Переулки Тверской и Петровки уже были в основном очищены от регулярных сил противника. Шла вспыхивавшая временами перестрелка с белогвардейскими засадами в домах, особенно сильная по Неглинной улице и совсем редкая в кварталах, прилегающих непосредственно к Московскому Совету. Здесь, при сравнительном затишье, несли караульную службу малочисленные красногвардейские посты. Штаб Рябцева, повидимому, знал о состоянии наших сил в центре и решил произвести диверсию. Из белого бронедивизиона в Кремле был выделен броневик, вооруженный пулеметами и скорострельной пушкой. Броневик направился через Арбат, по Новинскому бульвару, через Кудринскую площадь. Здесь пулеметным огнем он обстрелял пресненских красногвардейцев, прикрывшихся со стороны Смоленского рынка баррикадой. Пройдя по Садовому кольцу, он промчался по Большой Дмитровке и около 9 часов утра через Козьмодемьяновский переулок в'ехал на Скобелевскую площадь. Мгновенно развернувшись, броневик начал орудийный обстрел Московского Совета и гостиницы «Дрезден», где помещался в то время МК большевиков.

Хоботы шести наших орудий, стоявших на площади, были повернуты направлением к городской думе и к Александровскому военному училищу. Лишь два из них давали выстрелы по гнездам белых. У остальных орудий артиллеристы, пользуясь передышкой, отдыхали.

Внезапное появление броневика противника застигло наши силы врасплох. Броневик, ведя орудийный и пулеметный огонь, начал медленно надвигаться на Совет. С ним вел огневую дуэль начальник пулеметной команды двинцев, моментально оценивший всю опасность положения. Начальник артиллерии Ревкома т. Давыдовский, выбежав из Совета, дал команду: «К орудиям — огонь». Наши артиллеристы быстро повернули пушки против бронированного белогвардейца и дали по нем почти в упор несколько выстрелов. Один из снарядов разорвался под колесами броневика. Сопровождаемый пулеметно-орудийным огнем, броневик задним ходом медленно скатился вниз по Козьмодемьяновскому переулку и бежал. Наши потери от этого налета были незначительны: несколько товарищей по-

лучили пулевые ранения. Серьезный урон броневик причинил своим: один из его снарядов, выпущенных по «Дрездену», попал в помещение, где содержались арестованные белогвардейцы, и убил многих из них.

Красногвардейские посты с Большой Дмитровки сообщили в Ревком, что за броневиком следовали грузовые машины с пехотой. Белый штаб рассчитывал внезапным налетом захватить Совет.

Не прошло и получаса после боя с броневиком, как со стороны гостиницы «Националь» юнкера повели сильное наступление по Тверской. Это была запоздалая попытка поддержать диверсию броневика. Юнкеров отогнали. Но с середины того же дня противник крупными силами пошел в наступление со стороны Никитской улицы. По крышам домов юнкера подтаскивали пулеметы и начали обстрел здания Московского Совета. Бой длился несколько часов. Наступление было отбито.

В то же время противнику удалось сделать глубокий прорыв на Пресне.

Партийный центр дал распоряжение о переходе в наступление по всему фронту и подготовке всей артиллерии к бомбардировке Кремля и Александровского военного училища. Одновременно было предложено пустить для корректирования орудийной стрельбы авиацию.

31 октября в холодном сером небе над Москвой реял аэроплан. Это был немудрящий, не раз штопанный «ньюпор». Но это был советский самолет.

Чтобы не производить больших разрушений, Ревком запретил сбрасывание аэробомб. Группа летчиков военной авиашколы, перешедшая на сторону Советов, делала боевую воздушную разведку для корректирования артиллерийского обстрела белых гнезд. Летчикам была поставлена также задача разведать, подошли ли на Воробьевы горы орудия Украинского артиллерийского дивизиона, который должен был подготовиться к бомбардировке Кремля.

Москва представляла собой огромный театр военных действий. По радиально-кольцевым линиям улиц к центру наступали большевистские районы.

Городской район. Осада телефонной станции

Территория Городского района была полем ожесточенных сражений. Здесь бились с юнкерами красногвардейцы всех районов и отряды революционных солдат почти всех частей гарнизона. Операциями на участках этого сектора непосредственно руководил ряд членов Московского коми-

тета партии. Под командованием члена МК т. Г. А. Усиевича 1 ноября взята была Центральная телефонная станция.

Только с этого времени Ревком получил возможность наладить связь с районами.

Под непрестанным продольным огнем красные бойцы продвигались вперед по Мясницкой. Дважды переходившие из рук в руки почтамт и главный телеграф днем 29 октября наконец были закреплены за войсками Совета. Красная гвардия сразу принялась наводить там порядок. Убираются тела убитых юнкеров. Здание очищается от следов войны. На почтамте и главном телеграфе восстанавливается работа.

Об'ектом вооруженной борьбы после этого стал один из важнейших стратегических пунктов — городская телефонная станция в Милютинском переулке. Наступление на нее одновременно развивалось по Большой Лубянской улице и переулкам в районе станции. Возвышенное положение станции давало возможность белым вести ружейно-пулеметный обстрел наступающих на большой дистанции.

Значительные потери несли красногвардейцы от одиночного и залпового огня из домов. Некоторые дома приходилось обыскивать по пять-шесть раз, и каждый раз в них оказывалось много оружия, брошенного скрывавшимся и вновь появлявшимся противником.

В роскошных особняках, богатых квартирах, в торговых конторах купчики и студенты, спекулянты и офицеры, аристократы и биржевики судорожно сопротивлялись рождавшейся в боях пролетарской власти. Здесь почти каждый дом приходилось завоевывать свинцом.

Короткое расстояние от Мясницких ворот до Лубянки было пройдено отрядами советских войск в двухсуточных боях.

В день перемирия, 30 октября, в районе телефонной станции почти не стихали выстрелы.

Утром этого дня, после того как ушел представитель Викжеля, устанавливавший «нейтральные зоны», один красногвардеец из отряда тушинских рабочих, пользуясь наступившим затишьем, спокойно переходил мостовую на углу Милютинского и Мясницкой улицы. Со стороны белых раздался выстрел, и он упал. К нему подбежала работница-санитарка. Грянул второй выстрел, упала и она, истекая кровью.

Красногвардейцы ответили на коварство юнкеров залпами. Снова загорелся бой. С костела, близ телефонной станции, белые стреляли из бомбомета.

Во время осады телефонной станции красным бойцам

Бой на Кудринской площади.

С картины художника Савицкого.

Взятие Кремля.

С картины художника Мешкова.

приходилось отбиваться от белогвардейского броневика. На Мясницкую улицу, перерытую окопами, он проникнуть не мог и вел пулеметный огонь с Лубянской площади. Группа солдат-двинцев бросилась в атаку на белый броневик, забросала его ручными гранатами, и он удрал с поля боя.

Однажды броневику удалось прорваться к самой станции и подвезти осажденным юнкерам боевые припасы.

Вот что рассказывает об этом случае один солдат 251-го полка:

«Мы идем обходной улицей к Милютинскому переулку.

Проходим через дворы темными проходами в засаду.

Очутились в каком-то здании с маленькими комнатками. При мигающих огнях лампы я различаю сонные, усталые лица бойцов в серых шинелях.

Я вхожу в одну комнату. Здесь несколько женщин. Они поят чаем измученных красных стрелков, засевших в доме. Они подбадривают нас...

Нам тоже дают чаю и по большой белой булке.

Потом мы расходимся. Я с Ивановым попадаю в небольшую комнату с двумя окнами, изрешетенными пулями... В ней совершенно темно... Светлеют только окна...

Мы садимся под окном, стараясь рассмотреть, что находится перед домом.

Постепенно это удается. Прямо перед нами — узкий Милютинский переулок и виднеются контуры церкви. В разных местах там вспыхивают огоньки. Наши успешно отвечают на выстрелы...

Вгляделись: перед самыми нашими окнами на мостовой лежит труп убитого юнкера.

...Мы долго сидим молча и слышим беспрерывную трескотню ружейных выстрелов.

Вдруг страшный удар оглушает меня, и только спустя некоторое время я почувствовал, что жив. Весь пол около нас и мы сами сплошь покрыты штукатуркой. Долго удивленно смотрим друг на друга. Соображаем: это из бомбомета с церкви ударили в угол нашего окна.

Вполголоса обсуждаем степень миновавшей опасности...

Но что это еще?.. Слышатся испуганные возгласы, хлопанье дверей... Бегут по коридорам... И повышающееся, как звук сирены, гуденье режет ухо.

«Бронированный автомобиль!.. Нас окружают!» — испуганно крикнул кто-то.

«Все к окнам!» — скомандовал начальник отряда. — «Нас не могут окружить!.. Мы их сами окружим!» — раз'яснил он.

Мы ждем. Непонятный звук становится все выше и выше и превращается в одну сверлящую ноту... Раздается беспорядочный залп выстрелов. Беспрерывно заработал наш пулемет.

Новый страшный удар оглушил нас: разорвалась вторая бомба в том же углу нашего окна...

Броневик проехал.

Мы отряхиваем с себя известь...

Через некоторое время он проехал обратно, и я успел рассмотреть его темную массу, промелькнувшую мимо нашего окна.

Как мы узнали после, он привез патроны юнкерам, засевшим в телефонной башне, и увез с собой часть белых».

Окруженным почти со всех сторон на телефонной станции белым Ревком несколько раз предлагал сдаться. Но они упорствовали, пустив в ход подлую уловку.

Весь состав работников станции, около тысячи человек, юнкера под угрозой оружия в дни осады задерживали внутри здания, подвергая многих из них опасности быть пораженными огнем красных. Враг преследовал двоякую цель: морально подорвать порыв наступающих и вызвать озлобление против власти Совета у работников ответственного аппарата управления.

На этом боевом участке в распоряжении Ревкома было два бомбомета. Их долго не пускали в дело.

Но утром 1 ноября, когда красные войска пошли на штурм станции, бомбометы заработали.

Впереди одной из колонн на приступ шел член военно-революционного штаба Лефортовского района т. Стефановский. Градом пуль он был убит в числе других героев, павших в этом сражении.

Спустя два часа после начала штурма, около полудня 1 ноября, над городской телефонной станцией появился белый флаг. Сдавшиеся юнкера были отправлены в Бутырскую тюрьму. При последующем осмотре среди персонала станции наши бойцы обнаруживали юнкеров, переодетых в платье телефонисток. От стыда и страха белые «воины» ревели в голос, мотивируя свой маскарад тем, что, мол, большевики решили всех до единого юнкеров перестрелять. При содействии служащих из подвала красногвардейцы освободили группу рабочих-монтеров. Эти товарищи отказались чинить аппараты, были за это арестованы и находились все дни хозяйничанья юнкеров на станции под угрозой смерти.

Дальнейшее наступление революционных войск нарастало часами и минутами. К вечеру 1 ноября отряды Ревкома

Городского района вместе с рабочими Рогожского района на плечах юнкеров врываются на Никольскую и Ильинку и ночью из Торговых рядов ведут огонь по Кремлю.

Красное Замоскворечье. Остоженская позиция. У Бородинского моста

Штаб Замоскворецкого военно-революционного комитета, руководимый старейшим членом большевистской партии, профессором астрономии П. К. Штернбергом, работал четко, планомерно, образцово.

Этот ученый, много работавший по вопросам тактики уличного боя, был прислан в район Партийным центром в самом начале боев и сразу завоевал авторитет и любовь партийцев и беспартийных рабочих Замоскворечья.

Сюда, на Калужскую площадь, в бывший ресторан Полякова, где помещался Ревком, перешел с Малой Серпуховки районный комитет партии, члены которого были непосредственными организаторами и руководителями сил восстания в районе.

Ревком в любой момент знал состояние операций на каждом боевом участке и твердо держал в руках руководство красными отрядами.

В руководстве Замоскворецкого революционного штаба явственно отражались черты большевистски гибкого сочетания партизанских форм баррикадной борьбы 1905 г. с новейшим опытом, накопленным массами в мировой войне и второй революции. Этот стиль оперативного руководства уличными боями особо настойчиво диктовался в Москве, где восставший пролетариат имел перед собой сильного, прекрасно вооруженного, квалифицированного в военном деле противника.

Соединение действий мелких подвижных отрядов с методами позиционной войны, характерное вообще для руководства силами октябрьского вооруженного восстания в Москве, особенно ярко проявилось в красном Замоскворечье.

Как правило, Красная гвардия выступала штурмующей колонной, увлекавшей солдат, которые закрепляли успех привычным для них окапыванием захваченных рубежей.

В атаках вооруженные рабочие шли вместе с солдатами, впереди солдат.

Замоскворецкий военно-революционный комитет толкал штаб Московского ревкома к более решительному наступлению на противника.

1 ноября за подписью т. Штернберга было послано в Центральный ревком следующее письмо:

«Дальнейшее промедление и малая решительность могут весьма гибельно отразиться на успехах революции. Поэтому Замоскворецкий военно-революционный комитет предлагает начать работу шестидюймовых орудий и просит высказать свое мнение. Военно-революционный комитет со своей стороны предварительно предложит сдаться юнкерам и в случае отказа с их стороны начнет свои действия с 10 часов утра».

Центральный ревком на это ответил, что разделяет «мысль о необходимости быстрого решения вопроса, поэтому мы еще вчера послали спешный приказ о необходимости открыть рано утром огонь по Кремлю...»

* * *

Огневая линия Замоскворецкого района простиралась от Устьинского моста с глубоким изгибом через Крымскую площадь на Остоженку и до моста Окружной железной дороги, вблизи Воробьевых гор.

В боевом секторе по набережным Москва-реки особой напряженностью отличалась борьба за мосты — Москворецкий и Большой Каменный. По этим мостам еще с утра 25 октября шли отряды юнкеров из Александровских казарм, помещавшихся в Замоскворечье, к Александровскому училищу на Знаменке. Юнкера в течение 26 и 27 октября много раз прорывались на грузовиках через красногвардейские посты к казармам за пулеметами и боевыми припасами.

«27 октября юнкера на трех грузовых автомобилях пробрались через Каменный мост в Замоскворечье. По ним был открыт сильный огонь, и на Малом Каменном мосту осталось несколько винтовок, шапка, кровь и поврежденный легковой автомобиль.

Юнкера под нашим обстрелом сумели уйти обратно за Большой Каменный мост. С нашей стороны было двое убитых».

Так рассказывает группа рабочих завода Михельсона о первой перестрелке замоскворецкой Красной гвардии с юнкерами близ Каменного моста.

Около 5 часов вечера 27 октября у Крымского моста рабочие-красногвардейцы заводов Арматурного, «Поставщик», «Густав Лист» огнем из берданок отбивают юнкеров, наступающих от лицея цесаревича Алексея на Крымской площади.

Юнкера завязали эту перестрелку для того, чтобы проложить дорогу своему грузовику.

К ночи предмостные участки набережных покрываются окопами. С этого времени вплоть до полудня 2 ноября у мостов ведутся жаркие позиционные бои.

Под прикрытием пулеметного огня с Кремлевской башни юнкера несколько раз пытались атакой пробиться через Москворецкий мост. Однажды они стреляли по мосту из легкой пушки, стоявшей в Кремле. Красногвардейцы с большим хладнокровием и выдержкой отражали эти вылазки. На мосту каждый раз оставались трупы белых.

Целью этих наскоков был захват «Электрической станции 1869 года». Находясь все дни боев в руках Ревкома, она послужила важным средством дезорганизации фронта и тыла белых.

Ревком приказал выключить свет в районе опорных пунктов контрреволюции (Александровское училище, Кремль, городская дума, «Метрополь»), и белогвардейцы остались в потемках.

В ночных боях Московский ревком применял прожекторы, доставленные на позиции солдатами телеграфно-прожекторного полка. Мощные световые потоки прожекторов нащупывали в темноте противника, слепили его и открывали для красных бойцов и артиллерии цели огневого поражения.

Каменный мост был центральным участком фронта набережных. И здесь окопавшиеся у начала Ленивки юнкера предприняли несколько лобовых атак, но каждый раз отступали с потерями.

Окопы и дома красной стороны близ моста и улица Полянка осыпались градом пуль белогвардейских пулеметов с Кремлевской башни и от храма Христа. Били белые с особым остервенением и особо широко применяли здесь разрывные пули.

У моста две санитарки-работницы и ряд красных бойцов получили огромные рваные раны.

Белые, повидимому, мстили за тот губительный для них огонь, который вел с башни трамвайной электрической станции из пулемета любимец замоскворецких красногвардейцев, начальник боевого участка у Каменного моста Николай Сычов.

По инициативе этого талантливого вожака вооруженных рабочих масс был пущен против юнкеров наскоро оборудованный блиндированный трамвайный вагон.

Благодаря тому что электрическая станция городского трамвая была в руках рабочих, трамвайные составы Шаболовского парка могли курсировать по району, подвозя к

позициям боевые припасы. Вожатые и кондуктора Шаболовского депо бесстрашно прорывались под огнем противника к Казанскому вокзалу за винтовками.

* * *

Заняв по правому берегу Москва-реки подступы к мостам Москворецкому, Каменному и Крымскому, Замоскворецкий район правым флангом смыкался с наступающим Рогожско-Симоновским районом, а левым — с Хамовническим районом. Ведя огонь по Кремлю и юнкерам, засевшим за оградой храма Христа и Александровского сада, Замоскворечье переходит в наступление через Крымский мост. Красногвардейцы заводов Арматурного, Михельсона, Бромлей, «Поставщик», фабрик Цинделя, Даниловской мануфактуры и др. вместе с отрядами солдат 55-го и 193-го полков в течение 28 и 29 октября выбивают юнкеров из лицея, захватывают интендантские склады на Крымской площади и продвигаются по Остоженке до Коробейникова переулка.

Наступление проходило в непрерывных боях с юнкерами, которых приходилось вытеснять с балконов, подворотен, чердаков и крыш каждого дома. Небольшие группки в 5—10 рабочих и солдат взбирались на здания и выбивали оттуда белых, очищая путь для двигавшейся по улице колонны революционных войск.

Первое время красные отряды шли сплошной стеной и несли значительные потери, пока не применили тактику наступления цепочкой от дома к дому, пользуясь укрытиями.

На изгибах улицы от каменных зданий отлетал рикошетом дождь пуль, посылаемых из штаба военного округа и окопа, устроенного юнкерами у Всеволожского переулка. Рикошетной пулей был ранен в плечо начальник участка остоженской позиции, рабочий телеграфно-телефонного завода т. Петр Добрынин. Сражаясь впереди руководимых им отрядов, он подавал пример мужества и отваги и, не обращая внимания на рану, вел колонну вперед.

Преодолев к вечеру 29 октября завесу белогвардейского огня, революционные отряды Замоскворечья закрепляются. Взламывается мостовая у Коробейникова переулка. Бесшумно подвезены кипы хлопка.

На рассвете в 300 шагах от окопа противника выросло укрепление красных.

На углу, в чайной, развернул свою работу полевой штаб Замоскворецкого ревкома. За ночь по его приказу группы красногвардейцев по крышам домов подбираются вплотную к штабу округа и обстреливают его. Одновременно остоженская позиция смыкает фронт с хамовниче-

скими рабочими, закрепившимися в окопах на Пречистенке.

Штаб красной позиции посылает в Ревком следующее донесение:

«Район Остоженки...

Наиболее решительные действия развиваются нами по Остоженке... На Остоженке поперек улицы вырыты наши и неприятельские окопы. Окопы юнкеров незначительно выдвинуты перед штабом... В наших руках весь 1-й Зачатьевский переулок. Угловая церковь и колокольня в наших руках. Но по колокольне ведется из противоположного дома пулеметный обстрел... Было предположено поставить на колокольню бомбомет, но это не удалось из-за сильного обстрела. В настоящее время бомбомет стоит в окопах. Из него произведено несколько выстрелов по штабу округа. По полученным данным, обстрелом из бомбомета причинили штабу значительные повреждения».

То затихая, то яростно вспыхивая, идет огневое состязание воюющих сторон. Юнкера ни разу не вылезали из своих окопов, опутанных рядами колючей проволоки.

31 октября с плаца Хамовнических казарм солдаты 193-го полка начали обстрел штаба округа из орудия.

1 октября по штабу била артиллерия с Воробьевых гор.

Падение штаба было неминуемо. Группа сдавшихся юнкеров Алексеевского училища, получив в Лефортове наглядный урок непобедимости красных, с разрешения Ревкома послала в штаб округа делегацию уговаривать своих соратников сложить оружие.

Юнкера заколебались, но ответили отказом. Белое командование понимало, что сдача штаба округа открывала путь войскам Совета к опорным базам контрреволюции — Александровскому военному училищу и Кремлю.

Сознавая безнадежность своего дела, враг старался нанести красным как можно больше потерь.

Смелый и энергичный Петр Добрынин, командуя позицией, появлялся на линии огня всюду. Лично ходил в разведку, делал с группами красногвардейцев вылазки на флангах белых, без промаха поражал врага там, где он меньше всего чувствовал опасность.

В одном из таких боевых дел Добрынин был убит. Падая, он крикнул: «Да здравствует пролетарская революция!»

Спустя два дня белые после сдачи передали тело героя красногвардейцам. Вся грудь Добрынина была сплошной раной. Его убили в упор разрывной пулей.

1 ноября на Остоженке пала геройской смертью от пули врага Люся Люсинова — активный партийный работник Замоскворецкого района.

Свою короткую, но славную жизнь закончил здесь в борьбе за советскую власть 14-летний рабочий-подросток т. Андреев.

Очевидцы рассказывают, что, израсходовав патроны, Андреев положил винтовку на бруствер и стал было пробираться по окопу за новым запасом патронов. Но в это время от случайного толчка винтовка упала за бруствер, и мальчик, несмотря на уговоры старших, полез ее доставать.

От залпа юнкеров он получил четырнадцать ран. 3 ноября Андреев умирал в госпитале. Перемогая мучения, он спросил у родных: «Ну, как? Наша взяла?» Ему ответили, что рабочие победили.

«Я так и знал», — сказал мальчик. Это были его последние слова.

2 ноября вечером, после подписания протокола о капитуляции Комитета общественной безопасности, штаб округа сдался. Один из начальников красногвардейских отрядов на Остоженке описывает момент занятия штаба советскими отрядами следующим образом:

«Подошли к окопу МВО, который был вырыт по пояс. Здесь были наложены штабеля дров и лежали железные койки, окрученные колючей проволокой. Мы увидели нескольких юнкеров, которые до нашего прихода еще не успели получить распоряжения от командира выйти из окопа. Около окопа у стены был сделан маленький проход, по которому мы двинулись к воротам штаба. У ворот стояли двое часовых. На предложение открыть ворота нам ответили: «Мы открывать ворота не можем, нас разводящий не снял еще и не дал распоряжения о пропуске вас». Я тогда с товарищами перелез через ворота и распорядился, чтобы никого не впускали и не выпускали со двора. Из окна было видно, как в первом и во втором этаже дома находившиеся там юнкера переодевались в солдатские шинели. У них можно было видеть массу шоколада, какао, хлеба, в то время как наши голодали.

В этот момент подбежал один солдат, которого юнкера арестовали и посадили в подвал, и заявил, что здесь имеется касса с наличием 100 тыс. руб. денег. Я откомандировал двух товарищей, распорядившись никого к кассе не подпускать и денег не выдавать без моего разрешения. В этот момент стали стаскивать пулеметы, которые были расположены на чердаках и в верхних этажах штаба. Их было 12 штук.

Подбегает часовой и говорит, что пришел начальник нашего боевого участка и с ним человек 30—40 красногвар-

дейцев, впускать их или не впускать. Я распорядился впустить их. В этот момент начальник команды юнкеров выстроил свою команду, и передо мной встал вопрос, куда девать их. Этот вопрос разрешил подошедший начальник нашего боевого участка. Он приказал отправить юнкеров в Серпуховской арестный дом. Офицеры протестовали, показывали приказ о разрешении сохранить оружие. Наши товарищи, невзирая на это, обезоружили их. Человек 6—7 моих ребят были отправлены для сопровождения прапорщиков 3-й школы.

Я с остальными товарищами стал просить командующего участком, чтобы он сменил нас и принял штаб Московского военного округа. Я ему сдал 8 машин, 4 мотоцикла и все оружие, которое там находилось. Мы захватили с собой 2 пулемета и несколько винтовок, но он не соглашался: «Все это народное и должно остаться здесь». На это мы ему ответили: «Покрепче будет, если они у нас на заводе будут». Несмотря на его уговоры, взяли 2 пулемета, 20 лент патронов, по винтовке, несколько штук бомб и отправились. По дороге встретили ломового извозчика; на подводу положили всю «добычу» и отвезли к себе на завод «Поставщик».

* * *

Главный удар рабочих Хамовнического района и Дорогомилова направлялся против 5-й школы прапорщиков. С помощью роты 193-го полка хамовнические красногвардейцы, окапываясь по Плющихе от белого броневика, наступали в направлении Смоленского рынка — Арбата, наперерез связи 5-й школы прапорщиков и Александровского военного училища. Одновременно они наносили лобовой удар школе со стороны Бородинского моста.

Хамовнический ревком недооценивал в начале боев стратегическое значение линии Арбат — Бородинский мост и роль рабочих кварталов Дорогомилова как оплота защиты от юнкеров Брянского вокзала.

Красная гвардия Дорогомиловского подрайона, имевшая к началу боев всего 10 винтовок, сдала их по распоряжению Хамовнического ревкома в район. Подрайонный Ревком Дорогомилова, когда рабочие приходили и требовали оружия, посылал их на вокзал отбирать револьверы у штатских и военных пассажиров. Юнкера в таких условиях почти безнаказанно делали налеты на подрайон.

Один из членов Дорогомиловского ревкома вспоминает: «Несколько товарищей привели двух офицеров, которые категорически заявили, что оружия не отдадут. Их приве-

ли к нам в Совет, и в Совете один из них заявил, что он дает честное слово офицера в Москву обратно не возвращаться и поехать прямо на фронт. Начальник Красной гвардии отпустил его с миром, поверив его честному слову... Часа через два часовой, стоявший у двери, крикнул нам: «Кругом юнкера!» Мы стали выбегать на улицу, кто-то из убегавших успел погасить свет, на улице была полная темнота, и стрелять в нас юнкерам было невозможно. Юнкера, встречая нас в дверях, били прикладами... Привели нас обратно в Совет, и там меня офицер спросил, узнаю ли я его. Это был тот, который дал честное слово... Этот офицер привел полроты юнкеров 5-й школы прапорщиков».

Юнкера во время этого налета разгромили Дорогомиловский Совет и увели с собой в плен одиннадцать товарищей.

Кое-как вооружившись, несколько десятков дорогомиловских рабочих заняли позиции у Бородинского моста.

28 октября им удалось залпами из нескольких берданок и револьверов отогнать с моста блиндированный автомобиль белых.

Дальнейшее промедление с доставкой рабочим оружия было нетерпимо. Член Ревкома, молодой слесарь Митрофан Шломин, вызвался привезти оружие из Моссовета. Он благополучно пробрался на грузовике в центр, сложил несколько десятков винтовок в кузов машины и поехал обратно. Ему очень хотелось как можно скорее вооружить дорогомиловских красногвардейцев. Шломин приказал шоферу ехать не прежним кружным путем, а прямо через Арбат. Бешено мчалась машина, подвергаясь обстрелу белых в пути. И вот почти у цели, на Смоленском рынке, несколькими залпами юнкера останавливают отважный грузовик.

На рассвете следующего дня обоих арестованных товарищей юнкера вывели на улицу и заявили, что они свободны.

Белые толкали их прикладами, заставляя бежать. Шофер побежал и, по счастливой случайности, спасся. Залпом белогвардейцев т. Шломин был убит.

Красногвардейские патрули у Бородинского моста очень часто осаждались просьбами о пропуске в город со стороны прибывающих с вокзала пассажиров. Проходит группа «сестер милосердия» с небольшими чемоданами. Одну из них задержали, раскрыли чемодан: он был битком набит наганами и бомбами.

Бомбы эти пригодились. Когда Пресня, стараясь сомкнуть свой фланг с Хамовниками, перешла в наступление по

набережной от Трехгорной мануфактуры, решено было подвергнуть орудийному обстрелу 5-ю школу прапорщиков. Для уточнения прицельного расчета в Дорогомилово прибыл солдат — начальник орудия. Вместе с ним ночью в район школы прапорщиков отправилась, запасшись бомбами, красногвардейская разведка. Проведя необходимые наблюдения, горстка храбрецов подбирается в темноте к зданию школы и бросает в окна бомбы. Вызвав сильную панику и нанеся потери юнкерам, разведка благополучно возвратилась в свой лагерь.

Красногвардейцы Дорогомилова несколько раз переходят в наступление по Бородинскому мосту. Особо яростный огонь в этих случаях юнкера вели с церковной колокольни на Варгунихиной горе. Лишь после того, как отсюда артиллерийским выстрелом с Пресни был сбит белогвардейский пулемет, дорогомиловцам удалось, перейдя мост, развернуть наступление к Смоленскому рынку. Но это было в день решительного перелома, 1 ноября, когда окончательная победа советской власти в Москве приближалась с часу на час.

Только после прорыва фронта юнкерами и прибывшими в ночь перемирия с Брянского вокзала «ударниками» Хамовнический ревком послал подкрепление Дорогомиловскому подрайону.

На Брянский вокзал 30 октября прибыла по Окружной дороге рота солдат 193-го полка из Хамовнических казарм. Это подкрепление дорогомиловцам было послано по указанию члена Партийного центра т. Ем. Ярославского, находившегося в то время среди солдат 193-го полка.

В тот же день в Дорогомилово приехал хорошо вооруженный отряд орехово-зуевских рабочих.

5-я школа прапорщиков была последним гнездом контрреволюции, ликвидированным войсками Московского ревкома.

Красная разведка. Санитарная служба. Продовольственный вопрос

Задача разведывания сил и намерений врага была оценена Партийным центром сразу. Утром 26 октября, когда был вызван первый отряд двинцев, помещавшийся в лазарете близ Савеловского вокзала, на партийного организатора этого отряда т. П. Федотова была возложена организация бюро разведки. Два десятка двинцев составили первоначальный аппарат красной разведки, пополненный впоследствии красногвардейцами. Боевая часть разведки ра-

ботала звеньями в 3—5 вооруженных бойцов. Они шли цепочкой, укрываясь в под'ездах, или пробирались по крышам, пока не приходили в соприкосновение с противником. Здесь они завязывали перестрелку с белыми, стараясь по огню выведать численность и дислокацию их сил; направляли об этом донесение в бюро разведки или по ходу действий требовали подкрепления. Глубокая разведка в тылу юнкеров производилась в одиночку. Соответственно переодевшись, солдат-двинец или рабочий проскальзывали через юнкерские патрули и выполняли возложенное на них поручение.

Некоторым товарищам эта почетная и опасная работа стоила жизни. На Арбатской площади группа юнкеров привязала к грузовому автомобилю двух двинцев-разведчиков. Под дикое улюлюканье озверевших отпрысков буржуазии автомобиль волочил красных бойцов, пока их тела не превратились в бесформенную кровавую массу. Отдельные красные разведчики расстреливались во дворе Александровского училища.

Централизованная большевистская разведка работала четко и давала очень ценные сведения. Но помимо нее каждый наш отряд высылал свою разведку, каждый связист, постовой красногвардеец, ревкомовский шофер, красный санитар, каждый честный трудящийся человек был в эти дни разведчиком Совета.

Рабочие обозных мастерских сообщили Ревкому, что на башнях Донского монастыря ночью мелькали огни. Предполагая, что это сигнализация белых, рабочие просили сделать обыск в монастыре.

Крестьянин села Сосновицы сообщил красногвардейским патрулям, что к Москве на 200 подводах двигаются из Каширы казаки. Это был 7-й Сибирский казачий полк. Навстречу ему выехал представитель Замоскворецкого ревкома. Полк был остановлен, казаки подписали обязательство о нейтралитете.

Особо большую помощь красным частям оказывала многочисленная прислуга в домах буржуазных кварталов.

Домашняя прислуга, обслуживавшая аристократическую и купеческую знать, составляла 27,5% всего населения Тверской улицы. Многие из этой прислуги впервые, под гул вооруженной борьбы пролетариата, осознали свое бесправие и прониклись ненавистью к своим господам. Горничные, кухарки, повара, дворники предупреждали наши части о юнкерских засадах в домах, о спрятанном оружии домкомов, кормили солдат, проводили красногвардейцев в барские кабинеты к телефонам, которые до взятия нами

1 ноября телефонной станции включались только в буржуазных домах.

Подростки тринадцати-четырнадцати лет, работая красными разведчиками в тылу врага, проявляли бесстрашие и героизм.

При бюро разведки Московского ревкома работала команда юных разведчиков.

31 октября на Пречистенке, разведав, что юнкера предпринимают обход позиции красных, ребята донесли об этом красногвардейцам и предотвратили опасность прорыва юнкеров в тыл Хамовнического района.

С разведчиками противника борьба не представляла больших трудностей. Юнкера большей частью прибегали к примитивному методу переодевания, чаще всего в женское платье.

Белых, впрочем, обслуживала категория осведомителей, которой у красной разведки быть не могло. Это — меньшевики и эсеры, которые на положении членов «советских» партий проникали часто в Совет, чтобы разнюхать о предстоящих мероприятиях.

Важнейшей функцией «социалистических» лазутчиков белой гвардии было сеяние панических слухов и провокаций. Особо ловкие из них преуспевали иногда и в более серьезных делах. В штабе Городского ревкома был такой случай. Снаряжался автомобиль для разведки в тылу юнкеров. Работник разведки Городского района сунул что-то в автомобиль. Солдатам показалось это подозрительным. Посмотрели. Оказалось: письмо штабу юнкеров о ближайших намерениях районного Ревкома. Рабочие опознали в «организаторе» ревкомовской разведки студента-эсера, который всего несколько дней назад на одном собрании распинался о «заговоре» большевиков против Учредительного собрания. Белогвардейский контрразведчик был тут же арестован. Маршрут автомобиля пришлось менять.

* * *

Тысячи московских работниц, вместо со своими мужьями и сыновьями, встали в ряды бойцов за власть Советов.

Работницы Прохоровской мануфактуры, завода Тильманса, фабрик Сиу, «Караван», Эйнем, Брокар, «Поставщик», Цинделя, Даниловской мануфактуры и многих других организовывали санитарные отряды, лазареты в фабричных помещениях, перевязочные пункты на позициях. По ордерам районных ревкомов реквизировались в аптеках медикаменты, автомобили у богачей, холст для носилок у лавочников и на фабричных складах. Все надо было делать

своими руками. Врачебный персонал многочисленных московских лазаретов Земгора, всевозможных филантропических «попечительств» большей своей частью саботировал и вредил. Нельзя было доверять этим лазаретам и потому, что в них попадали, наряду с нашими, и раненые противника. В лазарете на Камергерском переулке офицеры избивали раненых солдат и рабочих и лишь благодаря вмешательству одного старого врача не выбросили их в окно.

Часть лазаретов «попечители» и «попечительницы» превратили в притоны белых налетчиков.

В Сокольниках базой санитарной службы были вагоноремонтные мастерские, но помещений там нехватало: раненые свозились туда с боевых позиций ряда районов. Отряд Сокольнического ревкома пришел занять ближайший лазарет. Красногвардейцев долго не пускали под тем предлогом, чтобы не беспокоить тяжело раненых воинов с фронта. Когда вооруженные рабочие все-таки вошли, то с коек в больничных халатах повскакала целая ватага упитанных молодых людей. Это были действительно «воины с фронта» ...контрреволюции. Арестованные офицеры и найденные при них ящики с оружием были препровождены в Ревком.

Стационарные лазареты вели работу под контролем уполномоченных санитарных отрядов.

В 20 санитарных отрядах Замоскворецкого ревкома на месте боя работало свыше 200 красных санитарок. В обслуживании раненых бойцов района принимали участие многие сотни работниц. Революционные части подмосковных районов чаще всего прибывали со своим персоналом санитарной службы. В летучем отряде Мызо-Раева находилось 2 фельдшера, 10 санитаров из солдат с 6 повозками и 12 мешечными носилками.

В Москве за все время сражения было несколько тысяч убитых и раненых. Чтобы подобрать жертвы боя, перевязочным пунктам и санитарным автомобилям надо было работать под огнем.

Работницы-санитарки бесстрашно шли под пули к упавшему бойцу. В подвижном уличном бою это надо было делать тем быстрее, что юнкера могли продвинуться вперед, и тогда раненые погибали под их штыками. Лютый враг не щадил красных сестер. Красные санитарки часто падали от его пуль рядом с раненым бойцом. Так было при взятии «Метрополя», на Театральной площади и в других местах.

Во всех решающих сражениях: на Остоженке, у Никитских ворот, при взятии Кремля, работницы-санитарки под-

носили на линию огня боевые припасы и отважно вели разведывательную службу. Героические женщины пролетарской Москвы организовывали питание красных бойцов.

* * *

К 25 октября весь запас хлеба на складах и под'ездных путях составлял двухдневную потребность гражданского населения столицы. Уже в этот день хозяйки расходились из очередей, не получив и голодной четвертки фунта хлеба по норме Керенского. Эсеры и кадеты из городской думы и буржуазные кооператоры проводили практически лозунг Рябушинского: задушить революцию костлявой рукой голода.

В первое время военных действий буржуазия стеснений не испытывала: особняки всегда имели запасы всевозможных яств. Разбогатевшие на военных поставках мародеры с особым неистовством предавались обжорству и кутежам в загородных ресторанах. Вооруженные рабочие быстро прикончили это предсмертное пиршество буржуазии. Когда из «Яра» и прочих увеселительных заведений Петровского парка красногвардейцы выводили пьяных гуляк, эти господа и их дамы обижались:

«Делайте, пожалуйста, вашу революцию. Но зачем мешать добрым людям веселиться».

«Добрых людей» вели в Ревком: в карманах у них находили револьверы, а в нишах их веселых домов — винтовки с патронами. Среди этой публики немало было переодетых в штатское офицеров.

Гвардия буржуазии — юнкера — скоро начала терпеть острую нужду в продовольствии.

29 октября интендантские склады на Крымской площади были заняты революционными войсками. В тот же день на Пресне красногвардейцы захватили 18 подвод с мясными консервами, которые везли в Александровское военное училище переодетые юнкера.

Вылазки к вокзалам через красногвардейские цепи становились для них все более затруднительными. Тогда юнкера использовали пленных для доставки провианта. Красных пленников под конвоем направляли в Экономическое общество офицеров, на Воздвиженку, и там на них взваливали мешки с провизией.

Обессиленные от голода, наши товарищи падали под этой ношей. Юнкера их избивали прикладами.

«Христово воинство» не осталось безучастным зрителем событий. Духовенство встречало юнкеров молебном, попы

участвовали в облавах и избиениях революционных солдат, уцелевших от расстрела. Монахи заявили начальнику белого гарнизона Кремля полковнику Морозу, что они порадеют о бренном чреве «доблестных» защитников веры христовой. «Интенданты» в черных рясах под эскортом броневиков ездили в Охотный ряд за провизией. Но эти вылазки уже 31 октября стали невозможными. Охотный ряд был под обстрелом красных войск. Юнкера опустошали гастрономические магазины и кондитерские.

В белом лагере наступил голод, и «благородные» сословия впервые в истории стали познавать истинную цену хлебу насущному.

* * *

С вечера 29 октября т. Ем. Ярославский, прибыв в Хамовники, организовал снабжение войск Совета из запасов захваченных интендантских складов.

Во дворе Московского Совета задымили походные кухни. Изголодавшиеся бойцы получали свои рационы провизии.

30 октября Партийный центр выделил для работы по продовольствию т. А. Г. Шлихтера. Первый советский комиссар по продовольствию в Москве произвел осмотр складов, образовал из рабочих-железнодорожников группы по обследованию грузов и начал отсылать в Совет и в районы автомашины с продуктами.

1 ноября на улицах Москвы был расклеен следующий приказ ВРК:

«Военно-Революционный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов приказал:

1) Со 2 ноября отпускать хлебный паек по ½ ф. в день на едока, о чем сделано распоряжение в Районные Управы.

2) С этого же числа в рестораны 1 и 2 разряда ни хлеба, ни муки для пользования посетителей означенных ресторанов не отпускать».

У маленького печатного листка останавливались кучки москвичей и качали головами: «Удвоение продовольственной нормы?!.. Откуда у большевиков хлеб?.. Еще боя с юнкерами не кончили?»

Но рядом висело «Раз'яснение приказа Военно-революционного комитета». В нем большевистский комиссар продовольствия для сведения граждан сообщал, что по почину большевистских фабрично-заводских комитетов «рабочие в нескольких районах отказались в пользу

всего населения от права получать хлебный паек по дополнительной карточке с тем условием, чтобы всем жителям выдавалось не $\frac{1}{4}$ ф., а $\frac{1}{2}$ ф. на карточку в день».

Десятилетиями воспитываемый партией Ленина—Сталина рабочий класс, взяв в руки оружие для утверждения своей власти, показал величие пролетарского гуманизма и государственный разум.

Посланцы Ленина и Сталина в Москве

Ленин и Сталин внимательно следили за ходом событий в пролетарской Москве и организовали ей помощь.

29 октября на совещании представителей петроградского гарнизона Ленин, делая доклад о текущем моменте, подчеркивал, что «политический вопрос теперь вплотную подходит к военному». Он говорил об обреченности попыток контрреволюционных мятежников — Керенского и юнкеров — поколебать советскую власть, ибо «весь народ именно той политики желал, которую ведет новое правительство». Отметив, что несколько часов назад в Петрограде подавлено организованное белогвардейским Комитетом спасения родины и революции восстание юнкеров Владимирского училища, Ленин сказал: «Пусть юнкера пеняют на себя». «В Москве они взяли Кремль, а окраины, где живут рабочие и вообще беднейшее население, не в их власти». Нужна военная организация сил Советов, чтобы повсюду «обеспечить себе победу в несколько дней, а, может быть, и скорее» [1].

Центральный комитет партии практически организовал эту победу не только в Петрограде и под Петроградом, но и в Москве и во всей стране.

Штаб Великого Октября — партийный центр ЦК, — возглавляемый товарищем Сталиным, направляет в Москву подкрепления. По его поручению на помощь москвичам выезжает член военной организации при ЦК т. К. Еремеев во главе крупного отряда петроградских рабочих и матросов.

Бюллетень ЦК РСДРП (большевиков) № 6 сообщал: «Служащие и рабочие Николаевской железной дороги помимо своего комитета отправили четыре воинских поезда в помощь Москве, в том числе один поезд матросов и один блиндированный».

31 октября из Петрограда прибыл отряд красногвардей-

[1] **Ленин**, т. XXII, стр. 30, 31.

цев и проследовал в штаб Ревкома Городского района на Сухаревскую площадь.

В тот же день т. Я. М. Свердлов направил в Москву семь солдат-радистов для налаживания радиостанции Московского ревкома.

В 8 часов утра 1 ноября на Николаевском вокзале высадились с поезда матросы Красной Балтики. Посланцы Ленина и Сталина геройски дрались в октябрьских битвах на улицах Москвы.

Когда под Гатчиной 1 ноября были разбиты войска Керенского, происходило заседание ЦК. На нем обсуждался вопрос о переговорах с Викжелем. Согласие на переговоры ЦК дал с установкой рассматривать их «как дипломатическое прикрытие военных действий».

В первую очередь ЦК требовал, чтобы «Викжелю было предложено доставить войска в Москву». Переговоры вел Каменев, который, продолжая свою дезорганизаторскую, изменническую деятельность, договорился с Викжелем об образовании коалиционной власти. ЦК решительно осудил это новое предательство Каменева и постановил прекратить какие-либо переговоры с Викжелем.

На этом заседании ЦК Ленин выступал трижды и каждый раз подчеркивал необходимость помощи Москве, где бои с врагами советской власти сильно затянулись.

Вот эти выступления Ленина:

П е р в о е: «Тов. Ленин считает, что политика Каменева должна быть прекращена в тот же момент. Разговаривать с Викжелем теперь не приходится. Нужно отправить войска в Москву» [1].

В т о р о е: «Тов. Ленин считает, что переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий. Единственное решение, которое правильно, — это было бы уничтожить колебания колеблющихся и стать самыми решительными. Нужно притти на помощь москвичам, и победа наша обеспечена» [2].

Т р е т ь е: «Вопрос стоит основной, и пора покончить с колебаниями. Ясно, что Викжель стоит на стороне Калединых и Корниловых. Колебаться нельзя. За нами большинство рабочих и крестьян и армии. Здесь никто не доказал, что низы против нас; либо с агентами Каледина, либо с низами. Мы должны опираться на массы, должны послать в деревни агитаторов. Викжелю было предложено доставить

---

[1] Протоколы Центрального комитета РСДРП(б), стр. 150.
[2] Там же, стр. 152.

войска в Москву, он отказал, мы должны апеллировать к массам, и они его сбросят»[1].

Ленин своими выступлениями против Каменева резко осудил и тех московских капитулянтов, которые, так же как и Каменев, договаривались с Викжелем о создании коалиционной власти.

* * *

В ночь на 2 ноября, по указанию возглавляемого товарищем Сталиным Партийного центра, Петроградский военно-революционный комитет отправил на помощь Москве тысячный отряд Лодейнопольского полка моряков с батареей и блиндированный поезд с дальнобойной артиллерией, оборудованный путиловскими рабочими.

Первая задача этого крупного соединения революционных сил состояла в том, чтобы догнать и захватить белогвардейский бронепоезд, пытавшийся прорваться в Москву для подкрепления юнкеров.

Бронепоезд белых был великолепно оснащен артиллерией и пулеметами. Команда его состояла из отчаянных головорезов «батальона смерти» при 30 офицерах.

Этот бронепоезд оперировал под Гатчиной у Керенского и после провала его авантюры удирал, наводя террор и сея смерть всюду, где проходил. Под Александровской он расстрелял красногвардейцев.

Бронепоезд мчался в Москву. Рабочие депо станции Бологое получили депешу от отряда моряков Петроградского ВРК: не допустить следования бронепоезда в Москву. Рабочие задержали бронепоезд, и под их нажимом начальник станции посоветовал белым добраться до Москвы кружным путем, через Полоцкую ветку. Одновременно комитет рабочих депо предупредил телеграммой запасный пехотный полк, стоявший близ станции Куженкино по Полоцкой ветке, о принятии необходимых мер. Солдаты куженкинского гарнизона пришли на станцию и разобрали путь на расстоянии двух верст. Отходя со станции Бологое и зная о погоне, прислуга бронепоезда взорвала на Полоцкой линии позади себя полотно. Белый бронепоезд попал в капкан.

Прибывшие на Бологое моряки, под командой впоследствии воспетого в песнях народного героя Анатолия Железнякова (уроженец гор. Ногинска, Московской области), пошли в наступление и окружили бронепоезд. Команда его сдалась. Часть офицеров сбежала. Подоспевшие

[1] Протоколы Центрального комитета РСДРП(б), стр. 154.

куженские солдаты выловили в лесу офицеров и перестреляли всех до единого.

Моряки Красной Балтики с помощью железнодорожников и солдат предотвратили прорыв белогвардейского бронепоезда в Москву.

Спустя сутки отряд моряков прибыл в Москву и принял участие в закреплении окончательной победы власти Советов в столице.

Войска Ставки. Красные железнодорожники. В Сокольниках. Контрреволюция перед своим концом

Когда с Временным правительством было покончено, Московская городская дума, в полном соответствии с планами реакции, пыталась сыграть роль всероссийского центра контрреволюции и восприемника свергнутых «временных правителей». От лица думы и образованного ею Комитета общественной безопасности глава московской белогвардейщины эсер Руднев обращается ко всем думам России с телеграфным призывом мобилизовать боевые силы контрреволюции и держать связь с Московской городской думой.

За день до боев, 26 октября, в Москву прибыл министр Временного правительства левый кадет С. Н. Прокопович с высшими чиновниками министерств кадетами А. Г. Хрущевым и Хижняковым. Затем в день так называемого перемирия, 30 октября, приехал другой министр, правый эсер С. Л. Маслов. В тот же день Рудневу было привезено от Керенского личное письмо особой доверительности.

Улизнувшие от ареста члены правительства Керенского вместе с московскими «отцами города» не вылезали из кабинета Руднева. Они хлопотали, заседали, суетились, нервно ежась, когда на улице усиливалась стрельба, и, наконец, решили образовать в Москве правительство военной диктатуры. В военные диктаторы прочили генерала Брусилова. Генерал счел за благо отстраниться от этой затеи, тем более, что получил уже веское доказательство серьезности намерений большевиков смести с лица земли белогвардейщину: одним из первых снарядов при пристрелке красной артиллерии, бившей с Хамовнического плаца, он был случайно ранен в своей квартире, находившейся неподалеку от штаба военного округа.

Одновременно эсер Руднев через известного московского фабриканта и банкира Рябушинского и кадета Астрова вел переговоры с донским атаманом Калединым, который, как официально было заявлено, «образовывает русское пра-

вительство в полном согласии с московскими общественными деятелями».

Вся эта мышиная возня «московских общественных деятелей» была бесплодна и жалка.

Шквал наступления красных войск нарастал с минуты на минуту. Большевистские пушки говорили всеми своими жерлами. Разлад и смятение в лагере белых все усиливались. А помощь из Ставки все не приходила.

Эсер Руднев не считал себя «хуже» Корнилова. И если этот генерал, подняв мятеж, шел два месяца назад на Петроград с английскими броневиками, то почему московским социал-корниловцам нельзя было использовать французские?

В Москве с мая 1917 г. стоял французский броневой отряд с 400 солдатами. Были получены сведения, что офицеры готовят бронемашины к бою.

Большевистский «Социал-демократ» своевременно разоблачил попытку Комитета общественной безопасности опереться на французские броневики. Командир этого бронеотряда мосье Мортьер поспешил опровергнуть «неосновательные слухи».

Но не по вине московских эсеро-меньшевистских «патриотов» броневики «союзников» не сдвинулись с места. Когда делегация революционных солдат от Ревкома пришла в этот броневой отряд, французские солдаты восторженно встретили ее. Они долго с восхищением говорили о геройстве русских революционных рабочих и солдат и мечтали о том, как, приехав во Францию, они последуют примеру русских...

Белые бредили «войсками Ставки». А помощь им оттуда не подходила.

29 октября председателю Комитета общественной безопасности Рудневу казалось, что карательные эшелоны с фронта вот-вот лихо подкатят к московским вокзалам. Руднев набрался храбрости и пред'явил советской стороне новый «ультиматум», в котором значилось наглое требование немедленного ареста Московского ревкома. Белогвардейские вожди просчитались: день перемирия им дал всего полтораста «ударников», проскочивших по Киево-Воронежской железной дороге в Москву.

31 октября Рябцев обращается с воззванием к «гражданам первопрестольной»: «Мы не одни. К нам подошла и еще подойдет так долго ожидаемая помощь. Офицеры, юнкера и солдаты, призываю вас к полной готовности, бодрости и решительности...» Это был вопль идущей ко дну контрреволюции.

А между тем войска Ставки не были плодом расстроенного воображения отчаявшихся и обреченных белых.

Враг находился не только в центре. Враг стоял у ворот столицы. Но он не прошел...

Рабочие под Гжатском разобрали путь. Железнодорожники Александровской дороги задержали на линии 17 эшелонов драгун, казаков и гусар. Красногвардейцы Александровского вокзала отбили своими силами белогвардейский отряд, намеревавшийся прорваться в Москву.

На Северной, Киево-Воронежской, Курской и Павелецкой железных дорогах было остановлено движение войск, враждебных Военно-революционному комитету.

Большевистский комитет Железнодорожного района Москвы поднял на ноги пролетариев всех линий, сходящихся к столице.

Железнодорожный телеграф выстукивал: «Через Смоленск проследовали поезда с кавалерией», «в Малоярославец прибыл эшелон казаков», «близ Серпухова остановился состав сербских добровольцев», «в Лихоборах пытается высадиться белая гвардия» и т. д.

Ревкомы железных дорог дают приказы: «Загонять белые составы в тупики, разбирать, если надо, полотно, крутить на путях подальше от Москвы, слать агитаторов для раз'яснения...» Одичало рыскали отряды белой гвардии по путям вокруг Москвы.

В Лихоборах, на станции, Красная гвардия суконной фабрики разоружила отряд белогвардейцев в 80 человек.

В Петровско-Разумовском 10 красногвардейцев окружили вагон с 196 вооруженными студентами и офицерами, обстреляли их и заставили сдаться.

Навстречу казакам, следовавшим из Калуги, направился представитель Замоскворецкого ревкома, большевик-казак т. В. Карпов. После переговоров казаки подписали договор не поднимать оружия против советских войск.

Части, посланные на подавление восстания, переходят на сторону Военно-революционного комитета или возвращаются обратно на фронт.

Вот постановление общего собрания солдат отдельной гвардейской кавалерийской бригады:

«Собрание эскадронов Гродненского гусарского, Варшавского уланского и 3-й конной батареи, заслушав в заседании своем от 4 ноября 1917 г. товарищей представителей московских революционных организаций и других делегатов Центрального комитета, Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов, членов революционного комитета Александровской железной дороги, крестьянского

депутата Смоленской губернии, представителей Вяземского, Можайского и Гжатского исполнительных комитетов и представителей Александровской железной дороги (постановляет)... что перечисленные части в Москву не поедут и вернутся обратно в Смоленск и далее согласно указаниям, которые последуют от штаба.

Одновременно собрание единогласно выражает удовлетворение по поводу передачи всей власти Советам, которые и будет всемерно поддерживать».

Народ стеной стал вокруг красных столиц, и войска Ставки переходили под знамена Советов.

Роль железнодорожного пролетариата в революционизировании этих войск была огромной.

Рабочие Московского железнодорожного узла одновременно организовали быструю переброску красногвардейских подкреплений из пролетарских районов области.

Из Серпухова, Кольчугина, Павловской слободы, Люберец, Перова, Мытищ, Щелкова, Клина, Мызо-Раева, Подольска, Кимр, Александрова, Шуи ехали в поездах на помощь московскому пролетариату отряды Красной гвардии. Они высаживались главным образом на территории Сокольников.

Сокольники с их тремя вокзалами играли в момент восстания роль резервной базы комплектования и обучения прибывших из районов области подкреплений.

Под руководством членов районного Ревкома тт. Русакова и Ем. Маленкова было организовано формирование, вооружение и питание приехавших бойцов. Опорный пункт этой работы находился в Сокольнических трамвайных мастерских.

Через этот вооруженный лагерь в октябрьские дни прошло до 10 тыс. рабочих области, дравшихся за власть Советов на улицах Москвы.

* * *

1 ноября Ревком приказал подвергнуть орудийному обстрелу Кремль. Лефортовские орудия Мастяжарта устанавливаются на Швивой горке и ведут огонь по Кремлю. Одновременно по 5-й школе прапорщиков и Александровскому училищу бьет с Пресни ходынская артиллерия, расположенная у Зоологического сада и на Кудринской площади. Штаб округа держат под обстрелом пушки, установленные на Хамовническом плацу. С Воробьевых гор бьет тяжелая артиллерия. С набережной близ Бабьегородской плотины стреляют по Кремлю два шестидюймовых орудия Замоскворецкого ревкома. Попрежнему напряженный огонь по

расположению белых ведет артиллерия со Скобелевской и Страстной.

К вечеру снова в воздух поднялся советский аэроплан для направления артиллерийского огня.

1 ноября бои достигли высшей точки напряжения. Юнкера стиснуты на узкой площади четырехугольника: Александровское военное училище — штаб округа — Кремль — городская дума — манеж — Никитские Ворота — Арбат. Юнкерам стало совсем жарко... Конец их близился.

В этот день Московский военно-революционный комитет особо назойливо осаждали всевозможные «нейтральные», «социалистические» делегации. Они старались выведать, какие условия капитуляции пред'явит белым Ревком. Для вящшей убедительности своих домогательств «покончить миром» и «прощением» некоторые из меньшевистско-эсеровских шантажистов буквально бились в истерике.

Их сменили попы.

В полном облачении в здание Московского Совета пришел 1 ноября с делегацией Всероссийского церковного собора митрополит тифлисский Платон.

Пытаясь предотвратить гибель белых, он вручил члену Ревкома обращение собора. В грамоте было сказано: «Во имя божие Всероссийский священный собор призывает... дорогих наших братьев и детей воздержаться от дальнейшей ужасной кровопролитной брани...»

Попы в этой грамоте заявляли, что сокрушаются о сохранности кремлевских «святынь».

Спустя сутки красные вплотную подошли к Кремлю. Юнкера из Кремля бежали или отдельными группками забивались под сень таких его «святынь», как Вознесенский женский монастырь. И в этот самый момент от высшего духовенства православной церкви в Ревком поступает новая грамота.

«По полномочию священного собора» некий «генерального штаба генерал от инфантерии в отставке Л. Артамонов» писал, «что непринятие своевременных и самых действительных мер к защите всех московских святынь и священнослужителей грозит вызвать тяжкие волнения в массах православного населения, что неизбежно выльется в погромы еврейского населения...»

Церковная контрреволюция не только грозила еврейскими погромами, но она вместе с «союзом русского народа» попыталась в отдельных местах их организовать.

В день перемирия, 30 октября, из темных нор кое-где выползала на улицу, как грязная пена, всякая накипь, в том числе и черная сотня. В архиве Московского ревкома

сохранился датированный 30 октября документ, в котором сообщалось:

«На Таганке, в районе Бронных улиц, на Чистых прудах, Хитровском и Смоленском рынках и на Солянке идет агитация против евреев. Среди агитаторов местными обывателями опознаны бывшие городовые и околоточные, а также члены «союза русского народа»...

Но подлинными хозяевами улиц столицы стали сами трудящиеся. Народ Москвы беспощадно подавлял проявления черносотенной агитации и расстреливал погромщиков. Вооруженные массы властно вводили революционный порядок в городе.

Вот как описывает московскую улицу в дни восстания «Социал-демократ»:

«В толпе говорили не о борьбе большевиков, а о борьбе рабочих и солдат с буржуазией. Бабы, мелкие торговцы, всякие обыватели арестовывали лиц, агитировавших против Совета, и приводили в районный Совет со словами: «Теперь, когда идет бой рабочих и солдат с буржуазией, кто против Совета, тот на стороне буржуазии и, значит, враг народа».

Великая пролетарская революция совершалась при глубоком сочувствии и широчайшей поддержке ее массами народа.

Комитет общественной безопасности капитулирует. Взятие «Метрополя». Бои у Никитских ворот. Штурм Кремля. Победа советской власти в Москве

В ночь с 1-го на 2-е ноября революционные войска, выбив юнкеров из гостиниц «Националь», «Континенталь» и «Лоскутная», захватили Охотный ряд. На Воскресенской площади был подбит броневик противника. При поддержке артиллерии красные части начали наступление на городскую думу. В 3 часа утра 2 ноября Комитет общественной безопасности бежал из городской думы в Кремль. В 7 часов утра Руднев прислал в Ревком письмо, в котором заявил, что Комитет общественной безопасности «считает необходимым ликвидировать вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой Военно-революционным комитетом». Это была капитуляция московских контрреволюционеров перед властью Советов.

Белогвардейцы старались обставить провал своей авантюры как можно «приличней» и предложили заключение «мирного договора». Ревком и здесь не нашел в себе до-

стоинства и силы, чтобы разговаривать с врагами по-вражески.

Погрязшие в закулисных комбинациях с эсерами и меньшевиками предатели не хотели видеть, что Военно-революционный комитет не просто воюющая сторона, что, благодаря победе вооруженных рабочих и солдат, он из органа восстания превратился в орган государственной власти пролетариата. Ревком не продиктовал врагу безоговорочную сдачу, а пошел на подписание «мирного договора» с Комитетом общественной безопасности.

Посланный для выработки условий договора В. М. Смирнов вместе с П. Г. Смидовичем дали согласие на ряд уступок в пользу белых; в частности, они согласились на сохранение в юнкерских училищах оружия якобы для обучения.

Когда на заседании Ревкома этот проект «мирного договора» вызвал резкие возражения ряда товарищей и против этого проекта выступил Партийный центр, то В. М. Смирнов, бывший артиллерийским офицером, заявил, что по правилам войны он, как офицер, не сдержавший своего слова, должен отдаться противнику. Этому защитнику «чести мундира» были чужды кровные интересы партии и рабочего класса. И впоследствии В. М. Смирнов «отдался в руки противника», стал врагом народа.

Еще до начала «мирных переговоров» Ревком попытался свернуть военные действия, отдав в 10 часов утра 2 ноября приказ о прекращении артиллерийского огня.

Партийный центр отменил это распоряжение, предложив районам и войскам не принимать во внимание переговоры о «мире» и продолжать наступление на юнкеров до полного их сокрушения. Когда в 5 часов вечера «мирный договор» был подписан уполномоченными Ревкома, Партийный центр его отверг, как позорный капитулянтский документ. Большевики Москвы, вся масса участвовавших в боях рабочих и солдат не посчитались с «мирным договором» и, начисто обезоружив боевые силы врага, привели его к полной капитуляции.

* * *

Партийный центр приказал: утром 2 ноября взять «Метрополь». Эта гостиница представляла собой крепость, располагавшую мощной огневой защитой: по этажам и на крыше здания было установлено до двух десятков пулеметов противника.

К Большому театру штаб Ревкома выдвинул два орудия,

и с 6 часов 20 минут утра началась артиллерийская подготовка штурма «Метрополя». От Лубянской площади и до Охотного ряда под укрытиями стояли отряды красногвардейцев и солдат, ожидая приказа «в атаку».

Вот как описывает начало боя на этом участке командир артиллерии Ревкома т. Давыдовский:

«Метрополь» весь стоял окутанный дымом и пылью от разрывающихся снарядов. Так как вскоре предполагалась атака пехоты, я пошел в Малый театр для переговоров с тов. Чикколини и с начальником отряда. Под свистом пуль я перебегал из Большого театра к Малому, делая это скачками от выступа к выступу стен. Наконец, я вскочил в под'езд Малого театра и меня повели наверх к Чикколини. Долго я путался по коридорам, лестницам, чердакам, пока не добрался до чердака, расположенного как раз против «Метрополя». Здесь я нашел тов. Чикколини и начальника отряда. Чердак занимался отрядом самокатчиков человек в 60 с пулеметами. Отряд в течение 3-х дней отсиживался в Малом театре, перестреливаясь с юнкерами, сидевшими напротив в «Метрополе». «Славно работают твои орудия,—сказал тов. Чикколини,—вот посмотри в окно, залюбуешься». Я подошел к окну, на котором стоял пулемет, укрытый мешками с песком. Пулеметчик, что называется, ловил на мушку сидящих напротив в «Метрополе» юнкеров. Только они покажутся где-нибудь в окне, как застрекочет наш пулемет. Зато юнкера и наших не миловали. Наводчики часто менялись. Раны у всех были смертельные. Я с предосторожностями посмотрел на «Метрополь». Картина была ужасающая. Снаряды то-и-дело, ударяясь о стены гостиницы, рвались с неимоверным треском. Со стен на тротуар летел кирпич, железо, стекло. Точно в какой-то гигантской ступе кто-то дробил сильно звенящий предмет... Вскоре я вернулся обратно в батарею, условился о прекращении огня и решил вместе с пехотой итти на «Метрополь». После 2-хчасового обстрела, гостиница «Метрополь» смолкла. Оттуда ни одного выстрела, и ни одной души не видать. Получилось впечатление, что юнкера оставили гостиницу. Было решено атаковать «Метрополь», сосредоточиваясь у выхода Малого театра... Человек тридцать собралось внизу. Был послан пехотинец к артиллерии, и, когда она прекратила огонь, все бросились к «Метрополю». Но не успели мы выскочить на Театральный проезд, как нас обдали градом пуль из пулеметов. Мы шарахнулись назад, и у нас оказалось несколько раненых. Пулеметы стреляли из подвалов гостиницы. Мы решили продолжать обстрел, стараясь брать и подвалы под огонь артиллерии.

Я пошел на батарею, указал цели, и «Метрополь» снова окутался тучей дыма и пыли».

В этот день рано утром в Москву прибыл двухтысячный отряд иваново-вознесенских, шуйских и ковровских рабочих и солдат 89-го пехотного полка во главе с т. М. В. Фрунзе.

Когда эшелон подошел к Ярославскому вокзалу, т. Фрунзе сошел с паровоза и построил отряд на перроне. Ориентировавшись в боевой обстановке, т. Фрунзе повел отряд на Лубянскую площадь.

В 10 часов утра по всей линии от Охотного ряда до Лубянской площади начались перебежки. На наших бойцов юнкера обрушивали дождь пуль. Приходилось несколько раз возобновлять атаки. В перебежках под огнем т. Фрунзе шел впереди атакующих.

Около 11 часов огонь юнкеров начал ослабевать: они были подавлены артиллерийским обстрелом и непрерывными вылазками штурмующих. Наши орудия затихли. В 11 часов 30 минут утра 2 ноября энергичной атакой московских красногвардейцев и сводных отрядов солдат и рабочих Владимира, Шуи, Александрова, Коврова и Мызо-Раева под командованием т. М. В. Фрунзе «Метрополь» был очищен от юнкеров.

В 12 часов дня красная разведка доносила: «Театральная площадь свободна. Ходит публика».

В это время от Охотного ряда наступали на городскую думу сводные отряды московских красногвардейцев и солдат, отряд балтийских моряков и отряды рабочих Серпухова, Кольчугина и Мытищ. Орудия, установленные у Большого театра, перенесли огонь на городскую думу и кремлевскую башню, откуда били по наступающим юнкерские пулеметы.

В 1 час 25 минут дня здание городской думы было в руках войск Военно-революционного комитета.

* * *

Положение у Никитских ворот оставалось прежним. Об ожесточенности борьбы в этом месте сохранились некоторые документальные свидетельства.

Заместитель начальника разведки Московского военно-революционного комитета П. Федотов требовал в 10 часов утра 1 ноября выслать в район Никитских ворот грузовой автомобиль за винтовками, собранными на поле боя.

В 12 часов того же дня другой красный разведчик со-

общил, что прибыл автомобиль, погрузивший «винтовки с Никитской от убитых и раненых; оружие было собрано нами в одну кучу в переулке Малой Бронной».

Приводим перехваченный советской разведкой рапорт белогвардейского командования боевым участком у Никитских ворот:

«Полковнику Ульянову.

2 ноября 1917 г., № 18.

«Доношу, что за сегодняшний день нашим отрядом, занимающим театр «Унион», захвачены дома на углу Малой Никитской и Малой Бронной, в общем в числе трех. На занятие этих домов израсходовано 30 человек убитыми и ранеными 2. Прошу распоряжения о высылке подкрепления в числе 30 человек ударников и юнкеров. Считаю занятую нами позицию очень важной. Количество неприятеля по сообщению разведчиков значительно.

На углу Б. Никитской и Тверского бульвара захвачено нами в плен 3 вооруженных неприятеля.

Штабс-капитан Доманский».

В этот район белые бросали отборные силы.

На подступах к Никитским воротам со стороны Пресни, у Кудрина, они под прикрытием броневика много раз переходили в отчаянные атаки.

Финальные бои за Никитские ворота разыгрались к вечеру 2 ноября, когда Комитет общественной безопасности уже подписал договор о капитуляции белых.

Около 8 часов вечера красногвардейские отряды Пресни и Сокольников под командованием т. Ем. Маленкова пробились со стороны Кудринской площади к Никитским воротам. К тому времени Красная гвардия Сущево-Марьинского района и отряды двинцев и рабочих Подольска обходили белых с тыла, от университета, по Никитской улице и Кисловскому переулку. На Никитскую улицу вышел прибывший из Кимр красный броневик «Ахтырец». Юнкера не выдержали и побежали на Арбатскую площадь, в Александровское военное училище.

С вечера 2 ноября отряды Замоскворечья перешли Каменный мост и, опрокинув юнкеров у храма Христа, стали теснить их по Волхонке к Александровскому военному училищу. Вторая колонна рабочих и солдат Замоскворецкого района наступала через Москворецкий мост по набережной

на Васильевскую площадь. Она имела своим заданием штурмовать Кремль через Спасские ворота.

К 7 часам вечера отряды, наступавшие по Моховой улице, заняв старое здание университета, вели перестрелку с юнкерами, засевшими в манеже. Отдельные группы смельчаков под покровом темноты пробирались в Александровский сад и бросали гранаты в Троицкие ворота Кремля.

* * *

Кольцо красных войск вокруг Кремля замыкалось. Юнкера продолжали сопротивляться.

Партийный центр дал указание: ускорить победу и штурмовать Кремль. Наиболее важная часть этой операции выпала на боевой сектор Городского района.

В штабе Городского района под руководством члена Московского ревкома т. Усиевича и с участием членов районного Ревкома тт. О. А. Варенцовой и других было решено: к ночи итти на штурм Кремля. Были подвезены и установлены на углу Богоявленского переулка два орудия из Лефортова. Первым же выстрелом был сбит юнкерский пулемет на башне.

Отряды рогожских, симоновских, лефортовских красногвардейцев и солдат 56-го, 85-го и 192-го полков из Торговых рядов вели напряженный обстрел противника, старавшегося укрыться за кремлевскими зубцами. Сильный огонь по Кремлю развили наши пулеметы, установленные у Лобного места, на крыше Торговых рядов, колокольне Казанского собора, крыше «Метрополя». Враг свирепо отбивался. В этом бою среди других героев погиб член Басманного райкома партии т. Шитов.

Рабочие и солдаты рвались к Кремлю. Многие товарищи не проявили должного хладнокровия и выдержки. Когда затихала артиллерия, отдельные отряды рабочих и солдат, не ожидая приказа об общем наступлении, шли вперебежку по Красной площади и несли значительные потери.

К вечеру близ места боя был скомплектован сводный отряд в составе Красной гвардии Городского района и иваново-вознесенских и шуйских рабочих и солдат, прибывших под командой т. М. В. Фрунзе.

Кремль на наш огонь отвечал редкими выстрелами. Решено было начать штурм.

Отряд перебежками двинулся к Никольским воротам. Юнкера взяли под обстрел штурмующие цепи. В это время со стороны набережной наступали замоскворецкие отряды. Они шли колонной на штурм Кремля к Спасским воротам.

В лагере врагов произошел полный развал и паника. Юнкера побежали из Кремля в Александровское училище и стали сдаваться.

После небольших перестрелок с отдельными кучками юнкеров отряд М. В. Фрунзе очистил Кремль от мятежников и установил советские караулы у дворцов и ворот. Артиллерия со Швивой горки еще била по Кремлю, не зная, что он уже занят. Артиллеристам был послан приказ: огонь прекратить.

В отряде т. Фрунзе было 9 убитых, 4 тяжело и 8 легко раненых бойцов.

Из Николаевских казарм выходили изможденные пленом солдаты 56-го полка и арсенальной команды.

Среди арестованных офицеров и юнкеров солдаты узнали командира своего 56-го полка. Полковник после расстрела батальона 28 октября вылавливал и передавал юнкерам всех, кто был им ранее замечен как большевик. Солдаты казнили командира-предателя.

В 9 часов вечера за подписью Г. А. Усиевича был отдан приказ войскам Совета:

«Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Комитет общественной безопасности распускается. Все силы буржуазии разбиты наголову и сдаются, приняв наши требования... Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний новой рабочей, солдатской и крестьянской революции. Враг сдался... С прекращением военных действий войска Совета остаются на своих местах, до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией особой комиссии. Войскам не расходиться до особого приказа...»

Ночью властью Совета было приказано городской электрической станции «осветить всю Москву до рассвета».

В ночь на 3 ноября вооруженные рабочие и солдаты Москвы входили в Кремль.

Вековой оплот царей, дворян, купцов и попов—Кремль—в руках победоносного пролетариата.

Рано утром 3 ноября пал последний бастион контрреволюции: 5-я школа прапорщиков сдала оружие Ревкому.

Затих гул артиллерийской канонады. Отгремели последние выстрелы.

«Родилась на свете новая сила — власть пролетариата» (Сталин).

IV

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Причины затяжки вооруженной борьбы за власть Советов в Москве

«Не сразу во всех местах перешла власть к Советам. В то время как в Петрограде уже существовала Советская власть, в Москве еще в течение нескольких дней шли упорные и жестокие бои на улицах. Чтобы не допустить переход власти в руки Московского Совета, контрреволюционные партии меньшевиков и эсеров вместе с белогвардейцами и юнкерами открыли вооруженную борьбу против рабочих и солдат. Лишь спустя несколько дней мятежники были разбиты, и была утверждена в Москве власть Советов»[1].

С завоеванием рабочих, солдат и широкой массы крестьян под знамя большевизма, с переходом Советов обеих столиц на сторону большевиков наша партия стала решающей силой революции. Гениальное руководство Ленина и Сталина, огромная революционная работа, проведенная большевистской партией, самоотверженная борьба рабочих и солдатских масс обеспечивали успех вооруженного восстания против буржуазного правительства. Победа социалистической революции в России стала неизбежной.

Тем самым происки контрреволюции были обречены на поражение. Но она не складывала оружия.

Контрреволюция не прекращала попыток обезглавить революцию лобовыми ударами по центральному очагу ее — Петрограду, — вплоть до юнкерского восстания 29 октября 1917 г. и авантюры Керенского под Гатчиной. При этом

[1] «История ВКП(б)», стр. 200.

контрреволюция убеждалась в безнадежности этих попыток и полагала в Москве обрести политическую и военную базу для подавления социалистической революции. Этим расчетом обусловливалось энергичное стягивание сил контрреволюции в Москве, начиная с подготовки генеральского переворота в дни Московского Государственного совещания и кончая усилиями продвинуть в октябрьские дни 1917 г. войска Ставки в Москву.

«Особенно большие силы контрреволюция успела собрать в Москве» [1].

Поэтому особо ожесточенное вооруженное сопротивление этих больших сил контрреволюции переходу власти к Московскому Совету было неизбежно.

При всем этом вооруженная борьба в Москве не была бы столь затяжной, если бы руководство московской организации большевиков своевременно очистилось от кучки оппортунистов. Оппортунисты были ничтожны по своей численности и политическому весу, но смогли наносить вред делу партии именно потому, что проникли на руководящие посты в организации.

Откровенные капитулянты — рыковцы — и замаскировавшиеся «левизной» капитулянты — бухаринцы, — отрицая возможность победы социалистической революции в России и держа курс на буржуазную демократию, на раздел власти с контрреволюционными партиями меньшевиков и эсеров, саботировали подготовку вооруженного восстания. Они доходили при этом до чудовищного предательства, выдавая тайны партии врагам. Именно этим в значительной мере об'ясняется, почему в Москве вооруженная борьба затянулась: контрреволюция успела подготовить большие силы.

Благодаря принятым ЦК партии мерам, руководимые ленинским ядром МК большевистские районы развернули практическую военно-техническую организацию вооруженного восстания, парализуя тот вред, который этому кровному делу партии наносили оппортунисты и предатели.

Под руководством Партийного центра вооруженное восстание в Москве было успешно начато 25 октября, непосредственно вслед за его победой в Петрограде.

Однако, капитулянты и предатели, оказавшиеся большинством в Московском ревкоме, на следующий же день, когда эсеры и меньшевики вместе с юнкерами и белогвардейцами подняли вооруженный мятеж против власти Совета, сдали мятежникам завоеванные уже позиции. Они

[1] «История ВКП(б)», стр. 198.

вступили с ними в политические переговоры на каменево-рыковской платформе организации власти с участием меньшевиков и эсеров, только что свергнутых социалистической революцией.

Тем самым предатели способствовали затяжке подавления мятежа, которое вылилось в жестокие семидневные бои.

Благодаря руководству и помощи ЦК партии и лично Ленина и Сталина, благодаря храбрости и геройству рабочих и солдат, которых в бой вели московские большевики, контрреволюционные мятежники были ликвидированы, предатели и дезертиры были разбиты и власть Советов в Москве победила.

В обращении Центрального комитета партии от 7 ноября 1917 г. Ленин писал:

«...Великий героизм миллионов рабочих, солдат и крестьян в Питере и Москве, на фронте, в окопах и в деревнях, отодвинул дезертиров с такой же легкостью, с какой железнодорожный поезд отбрасывает щепки...

Пусть же будут спокойны и тверды все трудящиеся! Наша партия, партия Советского большинства, стоит дружно и сплоченно на страже их интересов, и за нашей партией попрежнему стоят миллионы рабочих в городах, солдат в окопах, крестьян в деревнях, готовых осуществить во что бы то ни стало победу мира и победу социализма!» [1].

---

[1] **Ленин,** т. XXII, стр. 60, 61.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)».
2. **В. И. Ленин**, тт. XII, XX, XXI, XXII, XXIII.
3. **И. Сталин**, Вопросы ленинизма, изд. 11-е; на путях к Октябрю. Статьи и речи (март — октябрь 1917 г.), изд. 2-е; Об Октябрьской революции. Сб. статей и речей. ИМЭЛ, М. 1932 г.
4. Протоколы VII (апрельской) конференции РСДРП(б), изд. 1934 г.; Протоколы VI с'езда РСДРП(б), изд. 1934 г.; Протоколы ЦК РСДРП(б), август 1917 г. — февраль 1918 г., изд. 1929 г.
5. «История гражданской войны в СССР», т. I.

---

6. **Архив МК ВКП(б).** Фонд МК, Окружного комитета и Областного бюро РСДРП(б), 1917 г., протоколы общегородских и областных партийных конференций, протоколы заседаний МК и Областного бюро.
7. **Институт истории партии при МК ВКП(б).** Фонд документов: «Октябрьская революция в Москве и области» — копии документов **Военно-исторического архива, Архива Красной Армии, Московского областного архива и архива Московского Совета.** Фонд воспоминаний (в рукописях и стенографических записях).
8. **Центральный архив Октябрьской революции.** Фонд № 1 Московского военно-революционного комитета.
9. **Архив Музея Революции СССР,** Д—112—2б. Фонд документов по VII главе «Истории ВКП(б)».
10. **Большевистская пресса:** «Социал-демократ» — орган ЦК РСДРП(б) за 1914—1917 гг. (корреспонденции из Москвы); «Правда» — орган ЦК РСДРП(б) за 1917 г., выпуски в изд. Истпарта ЦК, Октябрьские бюллетени Центрального комитета большевиков №№ 1—8, 22 октября — 7 ноября 1917 г. («Большевики в борьбе за Октябрь», сб., изд. «Старый большевик», М. 1932 г.); «Социал-демократ» — орган МК, Окр. комитета и Областного бюро РСДРП(б), 1917 г.; «Деревенская правда» — орган МК, Областного бюро и военной организации большевиков (октябрь—декабрь 1917 г.); «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов» (сентябрь — декабрь 1917 г.).
11. **Сборники документов и воспоминаний** Московского Истпарта, Моссовета, Центропечати и Истпартов райкомов Москвы и области, изданные за время с 1919 по 1927 г.

12. Журналы: «Пролетарская революция» № 10 за 1922 г.; № 4 (27) за 1924 г.; № 6 (65) за 1927 г.; № 8—9 (67—68) за 1927 г.; № 10 (69) за 1927 г. и др.; «Красный архив», томы: 23 (1927 г.), 54—55 (1932 г.), 61 (1933 г.) и 65—66 (1934 г.); «Красная новь» № 11 за 1932 г.
13. Статистический сборник ЦСУ «Фабрично-заводская промышленность Москвы и Московской губернии за 1917—1927 гг.»; Статистический атлас г. Москвы и губернии, вып. I и III, 1924—1925 гг.; Статистический справочник г. Москвы и Московской губернии, изд. Московского статистического отдела, 1928 г.; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии, Пг. 1922 г.; «Акционерно-паевые предприятия России» (указатель, сост. по официальным данным), М., 1912 г.; П. В. Оль — «Иностранные капиталы в России», Пг. 1912 г. и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

IV. Заключение.

Отв. редактор Н. Детков
Техн. редактор Ю. Гурвиц

Переплет художника Р. Житкова
Сдано в производство 16/X 1939 г.
Подписано к печати 31/X 1939 г.
Московский рабочий 323
Мособлгорлит № Б-10153
Формат бумаги 62×94¹/₁₆.
Об'ем 8½ п. л. Уч. изд. листов 9,2
Зак. тип. № 573
Тир. 10 000 экз.

Тип. изд-ва „Московский рабочий"
Москва, Петровка, 17

